

ВЕСТНИК

МГУ им. М.А.Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2011

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

4.2011

Издается с 2010 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:
www.mgou.ru

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
им. М. А. Шолохова

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

Редакционная коллегия
И.Г. Жиряков (*гл. редактор*),
А.И. Юрьев (*зам. гл. редактора*),
А.А. Орлов (*отв. секретарь*),
В.Д. Нечаев, В.И. Шерemet,
В.В. Панферова, А.В. Миронов

Электронная версия журнала:
www.mgou.ru

НАВСТРЕЧУ ГОДУ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

- Стрелова О.Ю., Вяземский Е.Е.*
«Год российской истории» как фактор актуализации содержания исторического образования, подготовки и повышения квалификации преподавателей истории. 5

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Моисеев М.В.*
Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века. 17
- Андреева Е.А.*
Неизвестная постройка В.А. Шретера 32
- Курков К.Н.*
Предпринимательство и меценатство: графы Строгоновы времен модернизации России начала XX в. 36

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

- Шмелева О.И.*
К вопросу о влиянии курдского восстания 1880 года на внешнеполитический курс Великобритании. 44
- Жиряков И.Г.*
Подготовка и проведение выборов в Учредительное национальное собрание «Немецкой Австрии». 53
- Суржик Д.В., Кульков Е.Н.*
Оккупационная политика агрессоров и планы уничтожения Советского Союза 59
- Афанасьев А.Г.*
Суицид как форма протеста: из истории реакции чехословацкого общества на ввод войск в Прагу в 1968 году 65

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Бушуев В.В., Титов В.В.*
Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ). 77
- Егоров В.В.*
Развитие нормативно-правовой базы государственной молодежной политики в период 2000–2008 гг. 94

Эпштейн А.Д., Кожевников А.Б.
Территориальная целостность и нерушимость границ:
гражданский активизм в тисках между историей и правом 101

НАШИ АВТОРЫ 116

CONTENTS 118

ПАМЯТКА АВТОРУ 122

О.Ю. Стрелова, Е.Е. Вяземский

«Год российской истории»
как фактор актуализации содержания
исторического образования,
подготовки и повышения квалификации
преподавателей истории

Статья посвящена проблемам подготовки и повышения квалификации преподавателей истории, а также повышения качества исторического образования школьников и студентов в связи с усилившимся в последние годы влиянием исторической политики на духовно-нравственные сферы общества. Провозглашение Года российской истории (2012 г.) авторы рассматривают как повод осмыслить в педагогическом контексте феномены исторической политики и политики памяти, усовершенствовать профессиональную лабораторию педагогов-гуманитариев, актуализировать цели и содержание исторического образования школьников и студентов.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, историческое образование, Год российской истории, содержательная линия «История и память», подготовка и повышение квалификации преподавателей истории.

В марте 2011 г. Д.А. Медведев подписал Указ Президента Российской Федерации «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» [12]. А в июле того же года на совместном заседании президиумов Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию Президент назвал три исторических юбилея, которые стали поводом для провозглашения 2012 г. Годом российской истории: 1150-летие зарождения российской государственности, 200-летие победы России в Отечественной войне 1812 года и 150-летие со дня рождения П.А. Столыпина.

Это самое масштабное в истории современной России обращение властей к истокам национального прошлого и обоснование государственной значимости Года российской истории. Такая постановка вопроса позволяет подняться над отношением к трем историческим юбилеям как простой совокупности праздников, поставить и обсудить с педагогами-историками целый ряд актуальных вопросов.

Что такое историческая политика и политика памяти? Какое влияние они оказывают на историческое образование школьников и студентов в современном мире?

Что представляет собой «История и память» как дополнительная содержательная линия учебного предмета «История» и составляющих его курсов «История России» и «Всеобщая история»? Каковы возможности этой линии в реализации целей исторического образования в средней и высшей школе?

Какие аспекты профессиональной подготовки учителей истории становятся важными в свете тенденций развития исторической политики в начале XXI в.?

В течение последних лет уже сформировалась определенная теоретико-методологическая база для развернутой характеристики исторической политики в современной России и странах Европы. Ответам на ее вызовы со стороны общего исторического образования посвящены, в частности, наши статьи в сборниках научных трудов и профессиональных журналах.

В данной статье представлены общие подходы к решению актуальных вопросов, связанных с влиянием исторической политики на историческое образование школьников и студентов, а также на подготовку и повышение квалификации преподавателей истории в школах и вузах.

Для обозначения связи профессиональной историографии и коллективной памяти с политикой в исторической и политической науках используется ряд понятий: «*политизация истории*», «*политика памяти*», «*места памяти*» и др. Относительно новым понятием, которое все чаще применяется в профессиональной сфере, является понятие «*историческая политика*».

«*Политизация истории*» – явление, существующее издавна. Оно означает влияние политического запроса, социального заказа, общественной конъюнктуры на деятельность профессиональных историков. Историки всегда находятся под влиянием современной им политической обстановки и не могут избежать определенной тенденциозности, отражающей их собственные политические пристрастия, доминирующие в обществе ценности, идеи и представления.

«Политизация истории» является, как мы считаем, объективно неизбежным явлением. Классическим примером политизации истории можно назвать создание летописей, исторических хроник, в которых скрыто или явно присутствует политический заказ власти, отражается мировоззрение, ценности летописца, хрониста, историографа.

Политизация истории начинается уже на индивидуальном уровне, т.к. в своих исследованиях каждый историк всегда находится под влиянием современной ему общественной ситуации, собственных политических взглядов, а также национальной, религиозной, социальной самоидентификации. Более того, эта связь является одним из источников постоянного развития и обновления истории как историографического процесса и рождения новых образов прошлого. Общественная атмосфера, политическая ситуация, в которой работают историки, личный опыт стимулируют их к постановке новых вопросов, к рассмотрению исторических объектов под новыми углами зрения, что генерирует новые исследовательские подходы.

Политизация истории происходит не только на индивидуальном, но и на групповом уровне. Мы имеем в виду, что разные группы историков подвержены воздействию близких по характеру и содержанию общественных факторов – определяющих эпоху философских и политических идей, тенденций развития национальных научно-историографических школ и направлений и др. В историографии политические предпочтения историков влияют на формирование методологических направлений. Этим объясняется становление таких направлений, как «консервативное», «либеральное» и т.д., и научных школ: «историки-марксисты», «школа Анналов», «глобальная история» и др.

Существует устойчивое и относительно распространенное мнение, что исследование истории как вид профессиональной деятельности не может претендовать на статус «объективной» науки. Нередко высказывается сомнение в способности историков установить «истину» в сфере причинно-следственных связей, оценок событий и исторических деятелей прошлого. Один из основателей постмодернизма Мишель Фуко высказал дискуссионный тезис, что историки не стремятся к объективному знанию, а обслуживают власть, «конструируя» историю в рамках современных им дискурсов.

Вместе с тем в профессиональном историческом сообществе в определенной степени сформированы механизмы, которые позволяют снизить опасность субъективных подходов историков, порожденных влиянием современных обстоятельств и собственных политических пристрастий. Эти механизмы снижения риска субъективности подходов

в историческом исследовании основаны на проверке достоверности источниковой базы, рефлексии и самоконтроле историков, представлении альтернативных точек зрения, учете достижений других историографических направлений.

В профессиональном сообществе историков нравственной и профессиональной нормой признается стремление к объективности научного поиска, элементами которого являются дискуссии, плюрализм мнений. Причем не только в профессиональной научно-историографической сфере, но и в представлении результатов работы историков обществу. Профессиональные нормы современного научно-исторического исследования предполагают такое построение системы аргументов, которое открыто для «верификации», т.е. для проверки достоверности источниковой базы, критического анализа логических выводов и ценностных установок, на которые опирается автор.

Политизация истории не ограничивается влиянием политического запроса, общественной конъюнктуры на деятельность профессиональных историков. К этому явлению можно отнести и стремление читателей, пользователей исторической информации выискивать в сочинениях историков ответы на актуальные для современного общества вопросы.

«Политизация истории» может выражаться и в том, что политики используют «исторические аргументы» в своих целях. Это явление широко распространено в обществах с определенным типом политической культуры. Вместе с тем в демократических обществах уже накоплена культурная традиция по возможности избегать в политическом процессе прямых исторических аналогий и исторических аргументов, заимствованных из прошлого. Для демократического общества трудно, а точнее, невозможно, представить определение истории «как политики, обращенной в прошлое» (М.Н. Покровский).

Одним из направлений и средств реализации исторической политики служит «политика памяти». Она на государственном уровне регулирует вопросы о том, какие события отмечаются в стране как особо значимые, какие слова по поводу истории произносятся в ходе публичных церемоний и т.п. В борьбе с политическими оппонентами внутри страны и на международной арене «политика памяти» становится не инструментом «врачевания» травм прошлого, а средством достижения актуальных политических целей, не имеющих с прошлым ничего или почти ничего общего. В частности, «политика памяти» может стать стратегией формирования национальной идентичности и исторической памяти.

Если историография и научные труды историков, как правило, доступны относительно узкому кругу профессионалов, то с исторической

памятью дело обстоит иначе. Историческая память является основой идентичности, исторического самосознания народа, фактором его самоидентификации. Подчеркнем, историческая память – не просто канал передачи сведений о прошлом, это важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом.

Историческая память подвержена влиянию разных общественных и личностных факторов. Она нередко становится объектом манипулирования со стороны общественных и политических сил. Успешности манипулирования способствует природа человеческой памяти, для которой характерно стремление «освободиться» от травмирующих воспоминаний.

Государство оказывает влияние на «политику памяти» и исторические исследования посредством регулирования доступа к архивам и источникам информации, а также финансирования научных работ, актуальных для государства и соответствующих его политическим интересам.

Конкретными способами реализации «политики памяти» могут быть сооружения памятников и музеев, празднование значимых для государства в целом или на региональном/местном уровне исторических событий, знаменательных дат. Негативными примерами, связанными с реализацией «политики памяти», можно считать искусственное акцентирование внимания общества на одних событиях, сюжетах истории и замалчивание, сознательное снижение значимости других («сознательное умалчивание», «отрицающее забывание», «политика антипамяти»).

В демократических обществах регулятором «политики памяти» являются общественные и профессиональные экспертные объединения, которые могут обеспечить плюрализм подходов к определению значимых с исторической точки зрения событий и памятных дат. В области исторического образования «политика памяти» регулируется посредством определения содержания государственных образовательных стандартов общего среднего и высшего профессионального образования. Актуальная задача общества, государства и системы образования – стимулировать формирование коллективной исторической памяти на основе преемственности культурных традиций как фактора укрепления российской идентичности.

В контексте «политики памяти» проанализируем понятие *«место памяти»*, которое не сводится к историко-географической атрибуции. «Места памяти» – это своеобразные символические, ментальные точки пересечения, в которых складывается и концентрируется память общества о прошлом. Их главная функция – сохранение коллективной памяти. К «местам памяти» относят историко-культурные памятники,

музеи, исторические заповедники, мемориалы, памятные знаки и символы, связанные с коллективной памятью, а также образы самих событий и исторических персонажей, воссозданные в искусстве и литературе, в том числе и учебно-познавательной.

«Места памяти» могут быть как «закрытыми», фиксирующими определенную интерпретацию исторических событий, так и «открытыми», допускающими возможность диалога с прошлым и вариативные трактовки его значений и смыслов. В качестве примера бережного отношения государства и профессионального исторического сообщества к «местам памяти» можно назвать книгу «Пространство памяти», созданную группой историков Франции под руководством Пьера Нора. Она представляет собой описание проявлений национальной памяти французов в коммеморативных документах и святынях, национальных хрониках, справочниках и учебниках по истории, музеях и памятниках. По мнению авторов, этот проект способствует формированию позитивной национальной идентичности современных французов.

В настоящее время в мире увеличивается степень «политизации истории», происходит активизация «политики памяти», что выражается в росте общественного интереса к вопросам исторической памяти, заинтересованности политических сил в формировании и трансляции определенных версий исторического прошлого. Это явление получило название *«историческая политика»* и рассматривается как политический феномен конца XX – начала XXI вв.

Под «исторической политикой» обычно понимаются интерпретации истории, избранные по политическим мотивам, и попытки убедить общественность в их правильности. «Используя административные и финансовые ресурсы государства, – пишет российский историк А. Миллер, – те политические силы, которые находятся у власти, осуществляют идеологическую индоктринацию общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти... Для понимания феномена исторической политики важен не только, и даже не столько вопрос, *что* именно пропагандируется. Важнее то, *как* это делается, *какие методы* используются в этой пропагандистской работе» [9].

Таким образом, в широком смысле слова «историческая политика» предполагает поиск ответов на вопросы о том, как исторические интерпретации превращаются в инструменты «реальной политики», инструменты утверждения политических идей и идеалов, формирования национальной идентичности.

Феномен «исторической политики» особенно активно проявляется в посткоммунистических обществах, освободившихся от авторитарного

идеологического контроля. В этих странах общество становится плюралистическим, а власть не претендует на прямой контроль над ним. Среди причин этого – не только желание устранить «белые пятна» в истории. «Историческая политика» используется элитами этих стран как инструмент формирования новой национальной идентичности.

В постсоветской России поиск новой идентичности – задача куда более сложная, чем в посткоммунистических странах Европы. В нашей стране еще не сформировался консенсус в отношении исторического наследия прошлых лет. Так, в частности, нет согласия по поводу «золотого» XIX в., преемственность с которым российский народ хотел бы восстановить. На роль периода, с которым народ хотел бы восстановить преемственность, не годятся – по разным причинам – ни дореволюционная Россия, ни Советский Союз. Чувство освобождения, которое значительная часть россиян испытала, отринув в 1991 г. коммунизм, не закрепилось в национальной памяти. В отличие от тех стран Европы, которые новым национальным праздником сделали освобождение от коммунизма и восстановление независимости, россияне не восприняли введенное «сверху» празднование 12 июня как Дня независимости России. Поэтому в 2000-е гг. этот праздник был переименован в День России, а праздник 4 ноября – в День народного единства.

Рассматривая влияние «исторической политики» на сферу исторического образования, в частности, на учебную литературу, подчеркнем, что ее содержание всегда находится под влиянием определенных политических установок и педагогических традиций, а авторы в той или иной степени всегда выполняют социальный и государственный заказ. Разумеется, степень авторской свободы в разных странах и в разные исторические периоды существенно, а подчас и кардинально, варьируется.

Способом акцентации феномена исторической политики и формирования адекватного отношения к ней в процессе изучения истории может стать *содержательная линия «История и память»*.

В соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов общего образования (далее – ФГОС ОО) характеристика учебного предмета «История» разрабатывается, в том числе, и на основе нового дидактического параметра – содержательная линия [10]. Не найдя в современных педагогических словарях ни одного определения, предложим собственную интерпретацию данного понятия. *Содержательные линии* – это комплекс принципов отбора, конструирования и изучения содержания в соответствии с особенностями учебного предмета и составляющих его курсов. Вследствие этого, содержательные

линии пронизывают все учебные курсы, разделы и темы, создают архитектуру (единство формы и содержания) целого учебного предмета и его модулей.

В «Истории» основными содержательными линиями выступают параметры, которые задают координаты: историческое время и историческое пространство, – и векторы изучения прошлого: историческое движение и человек в истории. Кроме основных, в разработке курсов по отечественной и всеобщей истории могут быть задействованы *дополнительные содержательные линии*, актуализирующие важные для жизни в поликультурном мире аспекты исторического образования.

«История и память» может быть одной из таких линий по нескольким причинам:

- 1) актуализирует оценочное отношение современников и потомков к событиям и личностям, оставившим свой яркий след в истории или связанным с настоящим;
- 2) раскрывает способы формирования национального самосознания, национальной идентичности, коллективной исторической памяти и управления ими посредством коммеморации (политики памяти), монументальной пропаганды и т.д.;
- 3) пробуждает интерес к изучению «мест памяти», истории их создания и трансформации (мифологизация – демифологизация – ремифологизация/воспоминание – забвение/«своя память» – «чужая память» и др.);
- 4) расширяет базу источников и объектов изучения, обогащает представления об исследовательском поле исторической науки, приобщает к «ремеслу историка», тем самым содействуя развитию исторического и критического мышления;
- 5) значительно усиливает культурный компонент учебного исторического содержания и выводит его из нынешнего положения «периферии» в разделах учебников и блоках учебных занятий;
- 6) способствует воспитанию уважения к историко-культурному наследию своей малой родины, страны и мира, привлекает школьников и студентов к участию в охране памятников истории и культуры.

Нужно ли все это учащимся и педагогам XXI в.??

Главная цель и связанные с ней задачи изучения истории в современном мире ориентированы на духовно-нравственное становление личности учащихся в поликультурном мире, воспитание в духе демократических ценностей, развитие способности ориентироваться в информационно открытом обществе, применять свои знания и умения для осмысления сущности современных общественных явлений и коммуникации с представителями разных культур.

На каждом из трех уровней результатов изучения истории в средней школе есть компоненты, в формировании которых содержательная линия «История и память» может принимать непосредственное участие (таблица 1).

Таблица 1

Уровни	Результаты общего исторического образования
Личностный	<ul style="list-style-type: none"> – осмысление социально-нравственного опыта предшествующих поколений, способность к определению своей позиции и ответственному поведению в современном обществе; – понимание культурного многообразия мира, уважение к культуре своего и других народов, толерантность.
Метапредметный	<ul style="list-style-type: none"> – владение умениями работать с учебной и внешкольной информацией, использовать современные источники информации, в т.ч. материалы на электронных носителях; – способность решать творческие задачи, представлять результаты своей деятельности в различных формах; – освоение основ межкультурного взаимодействия в школе и социальном окружении.
Предметный	<ul style="list-style-type: none"> – умение изучать и систематизировать информацию из различных исторических и современных источников, раскрывая ее социальную принадлежность и познавательную ценность; – расширение опыта оценочной деятельности на основе осмысления жизни и деяний личности и народов в истории своей страны и человечества в целом; – готовность применять исторические знания для выявления и сохранения исторических и культурных памятников своей страны и мира.

Таким образом, содержательная линия «История и память» не является средством реализации исторической политики в школе. Эта линия обогащает структуру подготовки учащихся, представленную в Примерной программе по истории как единство содержательных (объектных) и деятельностных (субъектных) компонентов, ценностной (аксиологической) составляющей. Полагаем, что подобным образом могут быть актуализированы цели и содержание исторического образования в высшей школе.

Влияние содержательной линии «История и память» на текстовые и иллюстративные компоненты учебников истории, а также типология заданий, обеспечивающих ее реализацию, будут представлены в одной из наших будущих работ, здесь же обратим внимание на *аспекты подготовки и повышения квалификации преподавателей истории* в связи с феноменом исторической политики.

Тенденции развития современной системы общего и профессионального исторического образования обусловлены рядом факторов, среди

которых выделяются следующие: обновление образов истории и моделей исторических исследований; рост интереса к истории со стороны непрофессионалов; появление новых каналов коммуникации и распространения исторической информации; более активная, чем прежде, роль СМИ в формировании исторического сознания и исторической памяти общества; наконец, повышенное внимание властей к использованию истории в качестве инструмента легитимации своего политического курса и консолидации нации. Эти явления мы рассматриваем как серьезные вызовы системе подготовки и повышения квалификации преподавателей истории в современной России.

Однако на Первом Всероссийском съезде учителей истории, состоявшемся весной 2011 г., за рамками дискуссий остались многие теоретико-методологические проблемы исторического образования и совершенствования системы подготовки педагогических кадров в условиях XXI в.

Выскажем свою позицию в отношении новых подходов к историческому образованию и профессиональной подготовке преподавателей истории в охарактеризованных выше условиях.

Сегодня в мире и в России, как части глобального мира, меняются смысл и сущность исторического образования. В условиях глобализации и информационной революции смыслом исторического образования не может оставаться воспроизводство абстрактного («академического») исторического знания. Особенно наглядно новые тенденции развития исторического образования проявляются при изучении новой отечественной истории в целом и истории современной постсоветской России – в частности.

В учреждениях общего среднего и высшего профессионального образования педагогам приходится преподавать новейшую историю своей страны и мира в условиях актуализации исторической памяти школьников и студентов, поскольку обучающиеся часто обращаются к истории своей семьи, родного края, собственным представлениям и личному опыту. Их образы недавнего исторического прошлого индивидуальны, эмоционально окрашены, к тому же они имеют разную политическую, идейную, нравственную и бытовую направленность. Изучение современной истории предполагает критический анализ противоречивых исторических реалий, обсуждение спорных и «открытых» вопросов, «острые» общественно-политические и идейно-нравственные дискуссии, аналогии с практикой и связи с современностью.

Простое увеличение часов на новейшую историю России XX – начала XXI вв. в школьном и вузовском расписании, возвращение на линейную структуру общего исторического образования не гарантируют

эффективного освоения новых реалий социокультурного и информационно-образовательного пространства. Необходимо привнести новые акценты в подготовку преподавателей истории, придать этому процессу открытый, творческий, критический и рефлекслирующий характер.

Какие же компетентности необходимы современным преподавателям в ситуации определенного влияния исторической политики на историческое образование? Охарактеризуем их, ориентируясь на требования ФГОС к результатам общего исторического образования и высшего профессионального образования педагогов-историков:

- представления о политизации истории, исторической политике, политике памяти, о механизмах и примерах их влияния на цели и содержание исторического образования школьников, а также на учебники истории в России и за рубежом;
- знание федеральных законов, Указов Президента РФ и документов государственного характера, определяющих на современном этапе историческую политику в России;
- умения применять эти знания для осмысления сущности современных политических, общественных, культурных и педагогических явлений, для актуализации содержания курсов отечественной и всемирной истории с целью создания условий для гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации личности школьников;
- умения критически анализировать, сопоставлять и прагматологически (т.е. в интересах практической пользы) оценивать информацию дополнительных ресурсов учебно-методического комплекса (произведения искусства, научно-популярная литература, политические источники и т.д.) и СМИ, которые представляют идеи исторической политики; ответственно использовать эти материалы в разработке учебно-методического обеспечения курсов истории, сценариев учебных занятий и внеклассных мероприятий;
- умения определять и аргументировать свое отношение к проблемным вопросам прошлого и современности, проводить их обсуждение в форме дискуссий, учить школьников и студентов критически анализировать разные источники, высказывать собственное мнение и проявлять уважение к иным точкам зрения;
- способность профессионально применять возможности исторической политики для воспитания уважения к историко-культурному наследию, развития интереса к изучению истории и других гуманитарных предметов, привлечения обучающихся к различным социальным акциям и историко-культурным событиям родного края, страны и мира.

Возвращаясь к вопросу о праздновании Года российской истории, отметим, что Указ Президента РФ от 3 марта 2011 г. подготовлен в целях дальнейшей консолидации российского общества, укрепления демократических традиций и правовых основ Российского государства, т.е. в этом документе и в выступлении Д.А. Медведева (г. Владимир, июль 2011 г.) четко указываются идеологические задачи, которые предполагается решить в связи с юбилейными датами. Одним из креативных педагогических эффектов Года российской истории может стать обновление моделей подготовки педагогов-гуманитариев, исторического образования школьников и студентов в соответствии с актуальными требованиями времени.

Библиографический список

1. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010.
2. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011.
3. Вяземский Е.Е. Историческая политика и историческое образование // История и политика в современном мире: Материалы международной научн. конференции (МГГУ им. М.А. Шолохова, 24–25 сентября 2010 г.). М., 2010. С. 13–34.
4. Вяземский Е.Е. Историческая политика как инструмент взаимосвязи профессиональной историографии и коллективной памяти // Преподавание истории в школе. 2011. № 2. С. 20–25.
5. Вяземский Е.Е. Изучение истории 1990-х годов в контексте формирования исторической памяти // Преподавание истории в школе. 2011. № 9. С. 25–27.
6. История и память / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.
7. Культурная память и мемориальные коммуникации в учебниках и учебной литературе: опыт России и Западной Европы. Материалы международной научн. конференции (Саратов, 25–28 сентября 2011 г.). Саратов, 2011.
8. Миллер А. Зигзаги исторической политики // Polit.ua. URL: <http://polit.ua/lectures/2011/10/18/miller.html> (дата обращения: 15.09.11).
9. Миллер А. Россия: власть и история // Rro et Contra. 2009. Май – август. С. 7–21.
10. Примерные программы по учебным предметам. История: 5–9 классы; 10–11 классы. М., 2010–2011.
11. Стрелова О.Ю. Изучая историю – изучаем мифы? // История и политика в современном мире: Материалы международной научн. конференции (МГГУ им. М.А. Шолохова, 24–25 сентября 2010 г.). М., 2010. С. 80–88.
12. Указ Президента Российской Федерации от 3 марта 2011 г. № 267 «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности». URL: <http://www.rg.ru/printable/2011/03/05/gos1150dok.html> (дата обращения: 15.09.11)

М.В. Моисеев

Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века

На основе анализа данных посольских книг, списков «поминок» показывается эволюция посольских даров в отношениях России с Ногайской Ордой в XVI в. Обосновывается тезис о постепенном превращении «поминок» в жалование ногайской аристократии за службу. С привлечением материалов русских посольских книг, Литовской метрики и польских «реестров упоминок» восстанавливается делопроизводственная история такого типа документации, как «поминочные списки». Восстановлена номенклатура даров и показан процесс попадания ногайской знати в экономическую зависимость от России.

Ключевые слова: русско-ногайские отношения, посольские дары, «поминки», посольский церемониал, посольский этикет XVI в., протокол, Ногайская Орда, Литва, Крымское ханство, «ордынское наследие», дань.

Дипломатический диалог – это не только политический или экономические отношения государств, но и культурный обмен. Дипломатия – это широкое поле культурологической игры, где протокол, этикет – существенные элементы этой игры, в которой определяется облик отношений, их содержание и сам ход: постоянный или эпизодический. В дипломатии средневековья весьма существенную роль играет символический ряд: государство = правитель = посол, отсюда такое пристальное внимание к протокольным нормам, ибо именно в пространстве протокола возможны ущемления прав посла, а соответственно, и удары по престижу всего государства.

Несомненно, что каждая культура имела свои представления о приоритетности тех или иных ритуалов власти, однако определенные прочтения

элементов дипломатического протокола были схожи у всех. К таким идентичным прочтениям можно отнести ритуалы встречи посла, а именно: очередность спешивания с лошади или вставания, а также коленопреклоненное или нет приветствование правителя принимающей державы [22, с. 35–36]. Ряд этикетных норм имел пограничное, скользящее значение. В этом смысле весьма любопытна роль посольских даров, которые в делопроизводственной практике Посольского приказа определялись как «поминки».

Значение и происхождение дипломатического института пока изучены недостаточно. Так, польский исследователь Х. Граля пишет, что посольские дары первоначально использовались в дипломатии всех европейских стран, но к XVI–XVII вв. превратились в анахронизм, и то высокое значение, что они имели в дипломатическом этикете Русского государства, объясняет восточным влиянием [7]. Однако с этим утверждением известного историка сложно согласиться. Известно, что «поминочные отношения» не ограничивались контактами с восточными странами. Сохранились сообщения о «поминках» в отношениях Москвы со Псковом [20, с. 63–77]. Такие же данные имеются и по контактам Великого княжества Литовского с Псковской республикой и Тверским княжеством [46, с. 108–109, 165–166]. В отношениях с европейскими соседями «поминки» также фигурировали с достаточной регулярностью, служа, с одной стороны, делу репрезентации власти, с другой – исполняя роль своего рода рекламы продукции и самой страны [10, с. 10, 46–48; 18, с. 209–220]. То, что эта практика для западноевропейцев не была чем-то уж очень забытым, подтверждает пример миссии герцога Бекингема и принца Чарльза в Испанию в 1623 г., когда испанцы и англичане активно обменивались подарками [8, с. 133–135]. Не имели исключительного характера «поминочные отношения» и в связях России с Востоком. «Поминки» играли заметную роль и в отношениях Польши с Крымским ханством [47, с. 60, 66–67, 73, 77, 78, 80, 81, 87, 88 и др.] Важно, что именно в дипломатических контактах и России, и Польши, и Великого княжества Литовского с постордынскими государствами «поминки» имели очевидно «скользящее» значение, балансируя на грани дар/дань.

Изначально эти отношения имели непаритетный характер, связанный с гегемонией Орды в регионе в XIII–XIV вв. С XV в. Орда постепенно теряет свое влияние, восточноевропейские государства (Великое княжество Литовское и Русь) начинают вмешиваться в ее дела, с конца XV столетия Орда и вовсе прекращает свое существование, превратившись в отдельные государства, находящиеся друг с другом в состоянии конфронтации. Изменившийся геополитический баланс должен был бы

привести и к изменению дипломатического протокола в отношении с постордынскими обществами, но этого не произошло. Причины этого лежали в системе международных отношений восточноевропейского региона. Постордынские государства угрожали Русскому государству и Великому княжеству Литовскому опустошительными набегами. Вместе с тем, соперничавшие Москва и Вильно в своей борьбе охотно пользовались услугами степных правителей [4, с. 57, 58, 66, 70; 5, с. 293–294; 21, с. 10–11, 19–21, 22, 24; 39, с. 395–398, 412–415]. Все это приводило к двойственному отношению к «пережиткам» ордынского времени – наиболее отчетливо это проявилось в вопросе о «поминках» [17, с. 88; 41, с. 241–242]. Нельзя забывать, что и старая ордынская иерархия не была до конца изжита в этих отношениях: так, степные ханы продолжали стоять на иерархической лестнице выше и московских, да и литовских великих князей. Конечно, бывшие данники старались преодолеть это.

К примеру, Русское государство стремилось выстроить прагматичную дипломатическую систему отношений с постордынскими государствами: Крымским, Казанским, Астраханским ханствами и Ногайской Ордой. Существенным элементом этой системы было последовательное преодоление «ордынского наследия», создание новой международной иерархии и, наконец, включение старой иерархии отношений в эту новую «глобальную» систему. Однако борьба Руси и Литвы приводили объективно к консервации многих элементов «ордынского наследия». Одним из подтверждений этого является ситуативное прочтение «поминок» сторонами в контексте отношений. Так, в Литве русские «поминки» восточным правителям представлялись как дань, в Русском государстве возмущались такой интерпретацией, но в свою очередь считали данью литовские «упомики» [42, с. 71–78]. Естественно, степные правители охотно пользовались такими разночтениями в продвижении своего понимания отношений, их статуса. Более того, им такое положение было чрезвычайно выгодно, т.к. сохранялась возможность поддерживать свое влияние на отношения в ситуации изменившегося геополитического баланса в восточноевропейском регионе.

Впрочем, не только интересами поддержания своего престижа были озабочены степные правители. Экономические потребности стояли далеко не последними в очереди. Торговля играла заметную роль во внешней политике степняков, с ее помощью они нивелировали несовершенство кочевой экономики. В конце концов, и набеги также играли экономическую роль [2, с. 48, 154, 155–157; 4, с. 66; 5, с. 269–270, 276, 278; 15, с. 66, 71–72, 75; 34, с. 165; 45, р. XIV]. Однако ни торговля, ни набеги не могли вполне удовлетворить роста потребностей степной знати и бюрократии.

Именно поэтому вопрос о «поминках» – посольских дарах – играл такую значительную роль во внешней политике постордынских государств, подчас затмевая основное содержание отношений [23, с. 180; 30, с. 379; 33, с. 466]. В результате «поминки», внеэкономический инструмент удовлетворения потребностей приобрел и характер политического торга.

«Поминки» лежат на границе экономической и политической сферы тогдашней дипломатии. С одной стороны, они существенный фактор политических отношений между постордынскими сообществами, Русским государством и Литвой. С другой – в них всегда присутствует экономическое значение [19, с. 55–56; 38, с. 54, 55]. Оседлые соседи степняков «поминками» оплачивали ту их политику, которая хоть в какой-то мере соответствовала интересам Москвы или Вильно. Более того, сами «поминки» подлежали строгому учету той стороны, которая их отсылала. В Русском государстве «поминки» входили в сферу деятельности казначеев, их учет велся на казенном дворе, что подтверждается довольно частым употреблением в посольских книгах фраз типа: «А что поминков, и то писано у казначеев»; «И что были их поминки, и то писано в казне у казначеев». «Росписи поминок» вручались дипломатам, ехавшим за границу, но в тексте самих посольских книг не всегда находили отражение. Сведения о стоимости «поминок» в посольских книгах не регистрировались. Эту лауну вполне могла бы восполнить документация Казны, но, к сожалению, за XVI в. она почти целиком погибла.

Счастливым исключением стали два дела, сохранившиеся в разных фондах: одно в составе фонда-коллекции 127 «Сношения России с ногайскими татарами», а другое – в фонде 210 «Разрядный приказ». Выявленные материалы позволяют конкретизировать наши представления и об этом виде источников, и о «поминках». Особый интерес представляет дело 1584 г. (ф. 127), т.к. оно приоткрывает делопроизводственный механизм. Исходя из заголовка дела, можно предположить следующее: росписи «поминок» объединялись на Казенном дворе в книги, с которых, в свою очередь, делались для нужд Посольского приказа выписи. Эти выписи в приказе правились с учетом внешнеполитической ситуации, затем создавалась роспись «поминок» для определенного посольства (29, л. 1–2). Именно в росписях отмечены цены подарков, что позволяет поставить и в определенных рамках решить вопрос о «стоимости» отношений. Все это позволяет считать «поминки» экономическими по форме, но политическими по содержанию и выделять их в особый вид отношений. Сравнение сохранившихся росписей поминок с литовско-польскими «реестрами упоминкам» [16, с. 239–262] позволяет сделать осторожное предположение об их

генетической близости, что может быть объяснено единством происхождения этого вида документации.

Стоит отметить, что «поминки» в отношениях России с постордынскими государствами, по всей видимости, возникли не сразу. Раньше всего они начали фигурировать в русско-крымских отношениях. Время возникновения «поминок» в русско-крымских отношениях документально устанавливается с 1474 г., но С.Ф. Фаизов склонен доверять сообщениям Г.К. Котошихина и Ю. Крижанича и относить начало «поминочных» отношений ко временам митрополита Алексея (XIV в.). Однако, как убедительно показал Д.Ю. Кривцов, это легенда Посольского приказа, направленная на снижение негативного восприятия этого явления, возникшая в 1640-х гг. [14, с. 68–70; 37, с. 15]. Не удивительно, что именно у крымцев имеется весьма развитая терминология, связанная с этим типом отношений. Так, А.Н. Самойлович приводит ряд из них: «улуг хазына» («большая казна»), «колтка» («запросы»), «бблек» («поминки»), «мубарек бад» («поминки здоровальные»), «ярлыкш» («жалованье») и, наконец, «тишь» («дача») [31, с. 230–231]. Именно в Крымском ханстве «поминки» были стратифицированы согласно его устройству. Так, по мнению А.Л. Хорошкевич, «поминки» хану назывались «болек», на особом месте были и поминки калге. Далее, согласно этой системе, поминки получали султаны, огланы, бии и, наконец, сейид [41, с. 245–246].

«Поминки» первоначально состояли из 9 предметов, что носило символический характер [9, с. 55–56; 37, с. 15]. Право на «девятные поминки» носило преимущественный характер для представителей династии Чингизидов (редкое исключение: мангытский карачи-бек в Крымском ханстве Хаджике (в русской историографии – Азик) [41, с. 251]). Право получения «поминок» имело в Крымском ханстве наследственный характер [Там же], составлялись специальные списки на получение даров. Существенным моментом в «поминочных» отношениях был процесс шертования. В Москве принесение шерты и «поминки» недвусмысленным образом увязывали друг с другом. Поэтому списки шертовавших являлись основой «поминочных реестров», которые с течением времени обновлялись. Вероятно, сама эта практика была заимствована крымской канцелярией из Турции. Во всяком случае, такого рода документы в русско-крымской переписке начинают встречаться во времена правления Саадет-Гирей-хана [24, л. 63 об. – 66], долгое время жившего в Турции и усвоившего многое из турецкой культуры [5, с. 295]. В результате именно в русле отношений с Крымом сформировались «поминочные» отношения, которые могли служить эталоном для остальных стран постордынского мира.

В русско-ногайских отношениях «поминки» сначала не играли серьезной роли, нося скорее этикетный, символический характер [25, с. 28, 34, 39 и др.; 32, с. 82; 41, с. 245]. В 1504 г. русские власти в лице великого князя Ивана III и его сына Василия решили использовать «поминки» как средство экономического стимулирования ногайской знати сохранить мирные отношения. «Поминки» отсылались главе Ногайской Орды Ямгурчи-бию и его жене Девлет-султане [25, с. 54–55]. Всего Ямгурчи от Ивана и его сына получил 9 предметов, таким образом в Москве ногайского правителя, используя крымскую «табель о рангах», приравнили к мангытскому беку в Крымском ханстве [41, с. 251].

Очевидно, в Москве приняли решение построить «поминочные» отношения с ногаями в крымскую систему, по которой «поминки» шли в первую очередь Чингизидам, затем карачи-биям и сейиду. Однако такая схема не могла вполне удовлетворить ногайскую знать, т.к. она почти полностью исключалась из этих отношений. Это недовольство проявилось рано, уже на заре «поминочных» отношений Русского государства с Ногайской Ордой. В 1505 г. Казанское ханство вышло из-под подчинения Москвы. Великокняжеские дипломаты спешно приняли меры, направленные на изоляцию непокорного ханства от его степных союзников. В Ногайскую Орду отправили гонца с поминками для бия, но их перехватил один из мирз [25, с. 57]. Но более очевидно недовольство «поминочной» политикой Москвы проявилось в 1530-е гг., во времена правления Саид-Ахмед-бия.

Правление Саид-Ахмеда приходится на кризисный период в политической системе России, совпавший по времени с наивысшим расцветом Ногайской Орды. Ногайский бий Саид-Ахмед претендовал на изменение статуса русско-ногайских отношений, одновременно с этим он добивался и изменения статуса Ногайской Орды в постзолотоордынском политическом пространстве [35, с. 186–197, 201–210]. Эти претензии проявились, прежде всего, в изменении формуляра верительных грамот. В августе 1534 г. Саид-Ахмед требовал выплат крымских «поминков», настаивал на той же системе их распределения. При этом бий занимал место хана, появлялся и ногайский аналог калги [26, с. 93]. Тон грамот резко изменился. В одной из них Саид-Ахмед жестко увязал вопрос о выдаче поминков и сохранения «роты» [Там же, с. 95]. В это же время Саид-Ахмед стремился сконцентрировать в своих руках выдачу поминков мирзам, что вызвало конфликты внутри орды и с русскими дипломатами [Там же, с. 124–125, 126–127]. В конце 1534 г. в Москву приехало ногайское посольство, возглавляемое главой ногайского правительства – кара-дуваном. Бий требовал денежных выплат от 100 000 алтын до 60 000 алтын, в случае же спора или «затейки» угрожал войной. Свои претензии на

денежные выплаты Саид-Ахмед обосновывал тем, что бывшая Большая Орда теперь принадлежит ногаям [26, с. 131].

В таких условиях возрастала роль дипломатов, отправлявшихся в Ногайскую Орду. Даниил Губин, русский посол в орде в 1534–1535 гг., выяснил наличие глубоких противоречий между Саид-Ахмедом и мирзами [Там же, с. 146–147, 150–151].

Вероятно, следствием этих противоречий и стало посольство мирз западного крыла Ногайской Орды в декабре 1534 г., предлагавших служить России за «поминки» [Там же, с. 135–138].

Российские дипломаты оперативно отреагировали на это посольство: был отправлен посол Петр Левский. В вопросе о «поминках» он должен был подчеркивать, что «...ныне государь наш для вашей дружбы поминки свои к вам со мною послал». В случае верности и борьбы (крымским ханом) с врагами великого князя он «...любовь свою и свыше хочет держати и поминки свои станет к вам посылати по пригожу, что у него лучит». Вместе с тем настоятельно подчеркивалось: «А не наймует вас государь наш...» [Там же, с. 144]. Такое пояснение было связано, вероятно, с неудачным опытом распространения принципа службы великому князю как условия получения «поминков» на крымских царевичей в 1516–1518 гг. [41, с. 249].

Тем временем Саид-Ахмед продолжал свою политику и в конце 1535 г. стали известны его претензии на «девятные поминки», традиционно связанные с крымскими ханами [26, с. 156]. Впрочем, в России уже знали, что в самой орде не все поддерживают его притязания. Так, глава «финансового ведомства» Ногайской Орды Теку дуван советовал Д. Губину написать в Москву, чтобы Саид-Ахмеду не потакали и писали в грамотах и слали «поминки» как было ранее [Там же, с. 129]. В течение 1536–1537 гг. продолжалась борьба «за поминки». В ответ на требование «крымских поминков» Ф.И. Карпов подчеркивал, что бий «правду не учинил», а великий князь «дружбу не выкупает». Русская сторона крепко держалась выбранной линии: слать «поминки» только после шертования [Там же, с. 186, 197]. Все это, а также жалобы мирз на качество «поминков» свидетельствует, что правительство Е. Глинской существенно ограничивало количество «поминков».

К примеру, мирза Хаджи-Мухаммед писал в 1537 г., что великий князь их обманывает и шлет «малые некоторые поминки» [Там же, с. 190]. Возможно, это было продолжением практики Казны первого десятилетия XVI в. [41, с. 258].

Осенью 1537 г. в Москве стали известны административные изменения в Ногайской Орде (появление нурадинов и кековатов) и связанные

с этим экономические претензии (нурадинова пошлина). Поминки же для Саид-Ахмеда вообще непомерно возросли. Реакция Москвы была резка и однозначна: Ф.И. Карпов и дьяки Меньшой Путятин и Ф. Мишурин заявили на требования ногайской стороны «крымских поминков»: «ни князю и мирзам пригоже чюжих поминков просити», и далее подчеркнули связь «поминков» со службой («...наших недругов воюют, толды им от нас и поминки ходят»). В ответной грамоте Саид-Ахмеду подчеркивалось беспрецедентность таких требований [26, с. 200, 213, 214–215]. Таким образом, дипломатия правительства Е. Глинской продолжала политику Казны времен Василия III и стремилась превратить «поминки» в жалованье.

После правления Саид-Ахмеда «поминочные» отношения стабилизировались. В 1548–1549 гг. не видно конфликтов по этому вопросу, наоборот, проявляется тенденция к утверждению «жалованного» принципа получения «поминков». Так, мирза Али б. Юсуф просил «поминков» за военные действия против врагов Ивана IV [Там же, с. 296]. Вместе с тем среди правящей элиты орды (бия, нурадина и кековата) оставались живы старые традиции. Нурадин Исмаил писал: «А чего яз прошу, то мне дай; будешь добр и яз тебе друг», «похочешь со мною быти в дружбе», пришли «поминков». Распространились и «запросы», особенно активен в них был все тот же Исмаил. Новый бий орды Юсуф запрашивал «платье доброе», которое должны были пошить в России [Там же, с. 237, 239, 246, 248–249, 250, 287, 308]. Оставались и прежние претензии к качеству «поминков» [Там же, с. 296]. Необходимо отметить, что умиротворенность в вопросах о «поминках» в то время во многом диктовалась общим климатом русско-ногайских отношений 1548–1549 гг. В это время наблюдалось сближение России и Ногайской Орды по «казанскому вопросу» и обострение ногайско-крымских отношений [Там же, с. 294–295, 298–299, 304, 305, 311].

1550-е гг. также прошли без заметного обострения «поминочного вопроса». Среди ряда мирз усиливалась «жалованная» тенденция. Так, Исхак мирза писал, прося «поминков»: «Другу своему князю бью челом...» [27, с. 47]. Семантическое значение челобитенной формы обращения в XVI столетии было широким. С одной стороны, оно означало просто обращение к государю, с другой – указывало на некоторую приниженность контрагента [40, с. 96–99; 44, р. 260, 269]. В посланиях ногайских мирз применялось также выражение «тау салам» [27, с. 133, 134; 28, л. 16 об., 17]. Обычно исследователи переводят его как приветствие [3, с. 306–307; 12, с. 198–199]. Однако данные источников свидетельствуют, что в переводческой практике русского дипломатического ведомства того времени «тау салам» означало челобитие [24, л. 20].

Вместе с тем большинство мирз не разделяли такого подхода, а после 1554 г., когда к власти пришел Исмаил, он попытался, как и Саид-Ахмед, изменить статус русско-ногайских отношений, что выразилось в именовании Ивана Грозного сыном [27, с. 181, 203, 208]. В 1556 г. Исмаил получил гневную отповедь и с тех пор прекратил столь явно претендовать на верховенство в русско-ногайских отношениях [Там же, с. 211]. Впрочем, положение Исмаил-бия в то время не способствовало настойчивости для проведения подобной политики. Ногайская Орда погрузилась в омут гражданской войны и экономического краха [35, с. 270–289]. Именно в таких условиях развивались «поминочные» отношения.

Постепенно нарастала жалованная тенденция в понимании поминков, и ревизии этого со стороны ногаев в исследуемый период не происходило.

Исмаил-бий отмечал необходимость «поминков» для собирания и удержания ногаев вокруг него [27, с. 216]. Разорение ногаев вынуждало активно выпрашивать у русских властей повышение «кун», шедших к ним из Москвы [Там же, с. 259]. Исмаил отмечал, что пришедшую к нему «рухлядь» он раздавал своим детям, племянникам и слугам [Там же, с. 253].

Бий, обеспокоенный целостностью приходящих поминков, требовал присылать их список с описанием отправляемого «татарским письмом» [Там же, с. 252, 280]. Исмаил расширял список получателей «поминков», включая в него своих беков, влиятельного ногайского сейида Кара-ходжу и других представителей неэдигейской знати [Там же, с. 253, 280].

В середине XVI в. «поминки» приобрели характер «годового» с точно определенной номенклатурой и количеством отсылаемого. Так, среди дач начали фигурировать деньги. В 1559 г. Исмаил-бий писал: «То ты мне даеш денег годовое и по то послал еси Бекчуру, годовое денги однолично бы еси приказал з Бекчурую» [Там же, с. 297]. В годовое входили шубы, сукна и однорядки. В послании Исмаил-бия в 1560 г. сообщалось, что ежегодно шло 4 шубы («горлатная с поволокою», «горностаена с поволокою», 2 «бельих с поволоками»), по 4 постова сукна и «однорядки шитые» [Там же, с. 325].

Показательно изменение отношения к поминкам в среде самих ногаев. Все чаще в их среде проявлялось понимание поминков как жалования. Так, в 1562 г. в ставке Урус-мирзы в жесткой форме с русского гонца К. Тоишева взяли пошлины. Тогда аталык Уруса Тюбек этим возмутился. Он корил своего воспитанника, что делает это «не гораздо», что государевых посланников бесчестит и грабит. По словам К. Тоишева, аталык говорил Урусу: «О государе деи царе и великом князе свет видите, его государевым жалованьем живете, а его ж посланников грабиш». Урус оказался

вынужден оправдываться. На это его толкнуло то, что к нему приехало из иных элей много людей, а дать им нечего. Мирза обещал, что когда будет отпустить гонца, то возместит его убытки [28, л. 47–47 об.].

Еще более откровенно это новое понимание выразил Исмаил-бий в своем предсмертном послании. Выпрашивая у Ивана Грозного повыше-ние денежных и других дач, он четко проводил параллель между служилыми татарами и Ногайской Ордой [Там же, л. 211 об.]. Ногайская Орда стремительно теряла влияние на внешнеполитическую ситуацию в западном Деште, русско-ногайские отношения «провинциализировались», как следствие, «поминки» претерпевают очевидную эволюцию и сближаются с жалованием. Русские дипломаты стремятся влиять на процесс принятия внешнеполитических решений ногайской элитой с помощью регулирования объемов направляемых в орду «поминков», снижая их своим противникам и увеличивая – сторонникам. Так, во время русско-ногайского противостояния в 1580-е гг. русское дипломатическое ведомство сократило содержание бию Урусу и его сторонникам и увеличило тем мирзам, которые выступали за мирные отношения с Русским государством [29, л. 1].

Постепенно угасание интереса к Ногайской Орде как субъекту внешней политики привело к снижению стоимости отправляемых ногайской элите «поминок». Так, в 1584 г. «поминки» для бия равнялись по стоимости 300 рублей, в 1585 г. произошло снижение их стоимости, связанное с антирусской позицией Уруса и составило 200 рублей, а в начале XVII в. они были равны 71 рублю [6, с. 234; 29, л. 1]. Общая же стоимость «поминок» в Ногайскую Орду составляла в 1584 г. 772 рубля [29, л. 1], в 1585 г. – 817 рублей [Там же, л. 2–3]. Такой рост был связан, с одной стороны, с повышением стоимости даров для мирз, придерживающихся промосковской позиции, с другой – включением в роспись дополнительных представителей ногайской элиты. Однако реально в орду в 1585 г. отослали «поминок» на заметно меньшую сумму, т.к. Урус и его сторонники тогда «посылок» не получили и итоговая сумма равнялась 400 рублями [Там же, л. 3]. В начале XVII в. цена «поминок» составляла 563 рубля [6, с. 234]. Приведем для сравнения стоимость польских «упоминок» в Крымское ханство. В конце XV в. она равнялась 15 000 червонных злотых, при Сигизмунде Августе и Стефане Батории – 5 000 злотых, в 1591 г. – 3 600 талеров и 300 червонных злотых, а в 1596 г. – 3 800 злотых [47, с. 67, 80]. Таким образом, общая тенденция на снижение стоимости «поминок» заметна, хотя она и имела довольно медленный темп.

Таким образом, на протяжении изучаемого времени «поминочные» отношения претерпели некоторые изменения. Если в 1530-е гг. заметно

усиление трибутарной тенденции, умело преодоленной русскими дипломатами, то к середине столетия стало очевидным укрепление жалованной тенденции. К 60-м гг. XVI в. поминки прошли эволюцию и очевидно превратились в жалованье. К началу XVII в. стоимость «поминков», отправляемых ногайским бию и мирзам, сократилось, что связано с «провинциализацией» русско-ногайских отношений и общим угасанием интереса к Ногайской Орде как самостоятельному игроку на внешнеполитической арене. Вместе с тем для ногайской экономики они играли заметную роль, что объясняется номенклатурой «поминков» и «запросов».

Наиболее частыми были просьбы прислать одежду. Среди предметов одежды выделялись шубы (собольи, горностаинные, лисьи, «хрептовые бельи» и куны) [26, с. 158, 327]. Затем по популярности шли шапки (лисьи, «черногорланные») и однорядки [26, с. 95, 156, 194, 236; 27, с. 45, 47, 50]. Такой же популярностью, как шубы, пользовались доспехи. Нередки были просьбы прислать парадные панцири и шлемы. Более редко запрашивалось оружие (сабли, один раз «лук Чаадайской») [26, с. 93, 96, 97, 135, 136, 137, 156, 158, 165–166, 202, 205, 209, 210, 237, 239, 248, 250, 296, 308, 311, 312; 27, с. 47, 63, 81]. Довольно популярны были ткани и конская сбруя. Нередко запрашивались предметы парадного выезда («з золотом седло и узду»). Ткани в основном были ипские, лунские. Нередко просили сукна, чтоб «телега покрывати». Цвета, как правило, запрашивались зеленый и синий. Были и курьезы. Так, Исмаил в 1551 г. просил два постава сукна «один бы постав добре был, а другой бы постав плохой» [25, с. 54, 55; 26, с. 93, 95, 97, 156, 193, 237, 239, 249; 27, с. 49, 50, 63, 67]. Среди «поминков» и «запросов» фигурировали ловчие птицы (кречеты, соколы, ястребы) [25, с. 54, 55; 26, с. 93, 165, 185, 193, 246; 27, л. 97, 182, 184, 216] и моржовый клык [25, с. 55; 26, с. 327; 27, с. 50]. Запрашивались музыкальные инструменты (трубы, накры) [26, с. 158, 165, 209; 27, с. 97, 156] и шатры [26, с. 209, 248–249, 291, 299, 311–312; 27, с. 97, 69, 91, 105, 129]. Ряд «запросов» диктовался, по-видимому, потребностями бийской канцелярии и ногайским духовенством [36, с. 100–111]. Именно бии запрашивали бумагу, краски и шафран [26, с. 95, 156, 308; 27, с. 45, 49, 105, 160, 182, 208, 216.].

С одной стороны, подобные запросы могут служить косвенным свидетельством возможности изготовления книг в Ногайской Орде [13, с. 80]. С другой – находок памятников ногайской письменной культуры до сих пор нет, поэтому к подобному предположению стоит относиться весьма осторожно. Вполне вероятно, что запросы бумаги диктовались ее дефицитом и необходимостью восполнить его для ведения активной дипломатической переписки с сопредельными странами [26, с. 93–94]. Также

стоит заметить, что книжная культура является неотъемлемой частью городской культуры [1, с. 92], соответственно, наличие книгописания в кочевой Ногайской Орде сомнительно. С другой стороны, у нас имеются данные о книжной торговле между Крымским и Казанским ханствами [24, л. 128], однако нельзя определенно сказать, были ли эти книги собственного производства или привозные. Запрашивались также чернильницы и печати [27, с. 274].

Среди запросов фигурировали поталь [26, с. 200; 27, с. 106, 128, 160, 162, 183, 208, 216], нашатырь [27, с. 106, 160, 182], олово [Там же, с. 106, 160, 182, 182, 208, 216] и ртуть [Там же, с. 160, 162]. В Ногайской Орде существовало строительство культовых сооружений [35, с. 569]. Так, в 1551 г. Исмаил просил железа немецкого для постройки кладбища (вероятно, мазара, кешене), в 1553 г. Белек-Пулад-мирза просил, наряду с традиционными шубами, еще и 1000 листов потали, уверяя, что строит мечеть [27, с. 128]. В конце 1555 г. Мухаммед-мирза б. Исмаил-бия сообщал, что строит кешене над умершим младшим братом и просил «много потали и олова...» [Там же, с. 183]. Нашатырь мог использоваться для очистки металлических изделий. Олово, благодаря малой температуре плавления, могло использоваться и в кочевом быту для лужения и починки посуды. Ртуть служила основой для «горячего ртутного золочения» – покрытия металлических предметов позолотой; применялась она и в лекарственных целях. Поталь – оловянная или медная фольга, применявшаяся для украшения изделий.

Ко всему прочему сохраняется возможность запрашивания потали и ртути для перепродажи в Бухару (с которой ногаи имели традиционные отношения [35, с. 203, 204, 267, 530, 565]), где существовало развитое ювелирное искусство [43, с. 12–13, 15]. Косвенным подтверждением последнего может служить сообщение Исмаила, что он послал на продажу в Казань «бархат золотной», который попадал в орду в «поминках» [27, с. 216].

Запрашивали ногайские аристократы и гвозди (Саид-Ахмад в 1535 г. просил 300 000 гвоздей, Исмаил в 1555 г. – 500 000) [26, с. 156; 27, с. 216], киноварь [27, с. 105], сусальное золото [26, с. 200].

После переворота в Ногайской Орде появились запросы денег. Первоначально запрашиваемая сумма равнялась 100 золотым [27, с. 274], затем с 1558 г. – 200 [Там же, с. 282], с 1560 г. сумма стала равняться 300 рублей [Там же, с. 325], в 1562 г. бий требовал присылать 400 рублей [28, л. 5 об., 9 об., 10]. Перед своей смертью Исмаил, сравнивая себя со слугами Ивана Грозного, потребовал присылать к нему 500 рублей [Там же, л. 211 об.]. Впрочем, степень удовлетворения денежных запросов нам не известна, но, учитывая тенденцию на сокращение «поминок», можно

предположить, что денежные дачи тоже подчинялись ей и, скорее всего, имели чрезвычайный характер.

Таким образом, изучение «поминок» в русско-ногайских отношениях привело нас к следующим выводам.

1. «Поминки» в этих отношениях начинают присутствовать в начале XVI в. и их появление связано с необходимостью стимулировать «податливую» позицию ногайских аристократов.

2. Трибутарный контекст они приобретают в 1530-е гг., при Саид-Ахмед-бие, однако, эта тенденция была преодолена русской дипломатией, и к середине столетия стало очевидным укрепление жалованной тенденции. К 60-м гг. XVI в. поминки прошли эволюцию и очевидно превратились в жалованье. Постепенная «провинциализация» русско-ногайских отношений привела к снижению стоимости «поминок» и окончательному укреплению их жалованного понимания.

3. «Поминки» имели экономическое значение, нивелируя недостатки кочевой экономики Ногайской Орды. С одной стороны, они обеспечивали потребности кочевой знати, связанные с ее статусом, с другой – обеспечивали потребности кочевого ремесла.

В целом «поминочные» отношения играли заметную роль в русско-ногайских отношениях, позволяя проводить русской дипломатии гибкую политику, направленную на стимулирование своих союзников. Вместе с тем, сводить только к «поминкам» русско-ногайские отношения нельзя, т.к. они не ограничивались имущественными вопросами.

Библиографический список

1. Акимускин О.Ф. Заметки о персидской книге и ее создателях // Акимускин О.Ф. Средневековый Иран: Культура, история, филология. СПб., 2004.
2. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. 2-е изд. М., 2001.
3. Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 1.
4. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. М., 2007. Ч. 1–2.
5. Герберштейн С. Московия / Пер. А.И. Малеина и А. В. Назаренко; Коммент. З. Ножниковой. М., 2007.
6. Гневушев А.М. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1914. № 100.
7. Граля Х. Дипломатия даров // Консул. 2005. № 2 (2).
8. Дюшен М. Герцог Бекингем. М., 2007.
9. Жолобов О. Ф. Было ли в Древней Руси девятичное счисление? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. Сентябрь. № 3 (9). С.54–60.

10. Загородняя И.А. История царской казны в зеркале внешней политики России XVII столетия // «Во утверждение дружбы...». Посольские дары русским царям / Сост. И. Загородняя. М., 2005.
11. Загородняя И.А. Типология дипломатических даров из европейских стран: общее и особенности // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. Третья междунар. научн. конференция «Иноземцы в Московском государстве», посвящ. 200-летию Музеев Московского Кремля. 19–21 октября 2006 г. Тезисы докладов / Отв. ред. А.К. Левыкин, В.Д. Назаров. М., 2006. С. 46–48.
12. Зайцев И.В. Из истории русского средневекового дипломатического лексикона: этимологические заметки // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Тезисы докладов XVII Чтений памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и IV Чтений памяти д-ра ист. наук А.А. Зимина (Москва, 19–22 апреля 2005 г.) / Отв. ред. Е.А. Мельникова, М.Ф. Румянцева. М., 2005. Ч. 2. С. 77–82.
13. Зайцев И.В. К истории книжной культуры в Джучидских государствах // Восточный архив. М., 2000. № 4. С. 77–82.
14. Кривцов Д. Ю. Легенда о происхождении крымских «поминков» // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. Третья междунар. научн. конференция «Иноземцы в Московском государстве», посвящ. 200-летию Музеев Московского Кремля. 19–21 октября 2006 г. Тезисы докладов / Отв. ред. А.К. Левыкин, В.Д. Назаров. М., 2006. С. 68–70.
15. Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В.И. Матузовой; Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М., 1994.
16. Любая А.А. Татарские «поминки» в контексте взаимоотношений Польского королевства и Великого княжества Литовского с Крымским ханством в XVI веке // *Studia historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. 2010. Вып. 1. С. 239–262.
17. Моисеев М.В. Посольские дары-«поминки» в контексте взаимоотношений России с кочевниками в XVI веке // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. Третья междунар. научн. конференция «Иноземцы в Московском государстве», посвящ. 200-летию Музеев Московского Кремля. 19–21 октября 2006 г. Тезисы докладов / Отв. ред. А.К. Левыкин, В.Д. Назаров. М., 2006. С. 88–90.
18. Моисеев М. В. Слон Ивана Грозного // *Studia historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. 2010. Вып. 3. С. 209–220.
19. Назаров В.Д. Российско-ногайская торговля (первая половина XVI в.) // Восток. 1998. № 1. С. 48–64.
20. Никонов С.А. «Дар» и «поминки» в политических взаимоотношениях Пскова и Москвы второй половины XV – начала XVI вв. // Вестник Удмурдского университета. Серия «История». 2006. № 7. С. 63–77.
21. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л., 1948.
22. Ножникова З. «Московия» и ее автор // Герберштейн С. Московия / Пер. А.И. Маленина и А.В. Назаренко; Коммент. З. Ножниковой. М., 2007.

23. Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
24. Посольская книга по связям России с Крымским ханством // Российский государственный архив древних актов. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 6.
25. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. М., 1984.
26. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.
27. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006.
28. Посольская книга по связям России с ногайскими татарами 1561–1564 гг. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6.
29. Выпись с книги лета 7092-го государева жалования // Российский государственный архив древних актов. Ф. 127. Оп. 1. 1584 г. Д. 1. Столбец.
30. Савва В.И. О Посольском приказе в XVI веке. Харьков, 1917. Вып. 1.
31. Самойлович А.Н. Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков // Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005. С. 230–231.
32. Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41.
33. Соловьев С. М. Соч. М., 1989. Кн. 3. Т. 6.
34. Трепавлов В.В. Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в XVI–XVII вв. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 164–174.
35. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2000.
36. Трепавлов В. В. Ислам и духовенство в Ногайской Орде XV–XVI вв. // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 100–111.
37. Фаизов С.Ф. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереезславского времени. М., 2003.
38. Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке // Тр. Гос. ист. муз. М., 1956. Вып. 31.
39. Филошкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007.
40. Филошкин А. И. Титулы русских государей. М.–СПб., 2006.
41. Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV–XVI вв. М., 2001.
42. Хорошкевич А. Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история. 1999. № 2. С. 71–78.
43. Юлдашев М.Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XV–XVII вв. Ташкент, 1964.
44. Crosky R.M. The Diplomatic Forms of Ivan III Relationship with the Crimean Khan // Slavic Review. 1984. Vol. 42. № 2. P. 260–270.
45. Kolodziejchuk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th – 18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden-Boston, 2011.
46. Lietuvos Metrika. Vilnius, 2004. Кн. 4 (1479–1491).
47. Skorupa D. Stosunki polsko-tatarskie 1595–1623. Warszawa, 2004.

Е.А. Андреева

Неизвестная постройка В.А. Шретера

В статье описан уникальный случай атрибуции провинциального здания, построенного в конце XIX в. по проекту блистательного петербургского архитектора. На основе архивных документов установлен автор здания удельной конторы в г. Сарапуле – известный архитектор В.А. Шретер.

Ключевые слова: неоренессанс, эклектика, руст, «кирпичный стиль», В.А. Шретер, архитектура общественных зданий.

В г. Сарапуле Удмуртской республики находится здание, фасады которого выдают талантливую руку его автора – большого мастера, профессионала высокого уровня, тонко чувствующего и знающего непростые законы построения архитектурных форм. Это сказывается в умении найти гармоничное сочетание общего и частного, в уверенной прорисовке деталей, в стремлении к правдивости, ясности и выразительности архитектурного облика сооружения.

Речь идет о здании удельной конторы, построенном в 1892 г. (современный адрес: ул. Гагарина, д. 50). До недавнего времени автор этого сооружения был неизвестен, в местных архивах никаких сведений о нем не было. Создателя проекта удалось установить с помощью материалов, обнаруженных в Российском государственном историческом архиве [1]. Подписанный проект 1891 г. позволяет назвать имя Виктора Александровича Шретера (1839–1901), выпускника Берлинской строительной академии, авторитетного преподавателя Института гражданских инженеров, создателя Санкт-Петербургского общества архитекторов и журнала «Зодчий». Блистательный архитектор построил в Санкт-Петербурге ряд самых значительных сооружений тех лет, среди которых Торговый Дом «Штоль и Шмит» на Малой Морской улице, здание Санкт-Петербургского городского кредитного общества на площади Островского, здание Русского для внешней торговли банка на Большой Морской улице, дом Г.В. Вучиховского на площади Римского-Корсакова, собственный особняк и доходный дом на набережной реки Мойки. В.А. Шретер также осуществил перестройку Большого Александрийского и Мариинских театров. Им спроектированы и построены театры в Рыбинске, Тифлисе, Иркутске, Нижнем Новгороде и Киеве.

Из опубликованной в 2009 г. монографии петербургского исследователя Т.И. Николаевой узнаем, что В.А. Шретер в 90-е гг. XIX в. служил

главным архитектором Департамента уделов, которому непосредственно подчинялась Сарапульская удельная контора [2]. Она являлась местным органом управления и хозяйственной эксплуатации земель, лесов и имущества, принадлежавшего царской фамилии. Российские уделы давали государственной казне денежные средства, из которых каждый член императорской фамилии получал назначенные законом ежегодные суммы.

Штат конторы был сравнительно невелик и состоял из управляющего, его помощника, бухгалтера, стряпчего, делопроизводителя, лесника, землемера и окружных надзирателей. Вероятно, контора нуждалась в собственном здании, поэтому его проектирование было поручено штатному архитектору Управления уделов.

В.А. Шретер создал сравнительно небольшое, если вспомнить его петербургские работы, сооружение. Тем не менее выглядит оно подчеркнуто торжественно и монументально. Стараясь отразить его государственное назначение, архитектор обращается к стилю неоренессанс, дополнив его элементами классицизма.

Чтобы понять мотивы, побудившие В.А. Шретера выбрать именно это стилистическое направление, необходимо обратиться к истории развития отечественного зодчества второй половины XIX в. Архитектура этого периода представляла собой сложное и уникальное явление. В 1830-х гг. в ней произошел радикальный переворот. Эпоха классицизма сменилась эпохой эклектики, в рамках которой развивались все исторические стили. Суть стилизаторства заключалась в «свободе умного выбора» источника вдохновения. Считалось, что формы здания и его фасады должны были ассоциативно раскрывать назначение здания, отражать его функцию. Поэтому православные храмы строились по мотивам древнерусского и византийского зодчества, протестантские церкви – в готике, дворцы и роскошные особняки – в необарокко и рококо. Административные здания проектировались, как правило, в стиле неоренессанс. Ведущие столичные зодчие зачастую демонстрировали виртуозное владение формами всех исторических стилей. Порой в одном фасаде они умело соединяли элементы ренессанса, барокко и стиля Людовика XVI. При этом большое внимание уделялось функционально-планировочным решениям, использованию новых строительных и отделочных материалов и конструкций. Таков был творческий метод большинства ведущих столичных мастеров конца XIX в. – М.Е. Месмахера, П.Ю. Сюзора, Л.Н. Бенуа, И.С. Китнера и, конечно же, В.А. Шретера.

Особое место среди разнообразных стилей эклектики занимает так называемый «кирпичный стиль». Его создатели в России И.С. Китнер

и В.А. Шретер, опираясь на опыт немецкой архитектуры и архитектуры итальянского северного Возрождения, отказались от недолговечного штукатурного декора. Для экономичности, рациональности и правдивости они оставляли кирпичную кладку открытой или применяли долговечный облицовочный кирпич. Это позволяло избегать в условиях сырого климата частных ремонтов и в тоже время максимально насытить здание ярким цветом. Нередко И.С. Китнер и В.А. Шретер кирпичную кладку сочетали со штукатуркой.

Характерным примером «кирпичного неоренесанса» является здание удельной конторы в Сарапуле. По замыслу автора, оно должно было стать ярким архитектурным акцентом в облике города. К сожалению, при его возведении местные строители отказались от применения открытой кирпичной кладки второго этажа и выполнили все здание в штукатурке, что, несомненно, искажило первоначальный замысел. Вероятно, в условиях провинции было трудно организовать производство облицовочного кирпича и смелые нововведения Шретера остались только на бумаге. Некоторые изменения претерпел и сам фасад. Ввиду соображения экономии и скудности государственных средств размеры здания были уменьшены. Так, от пяти окон от главной оси по обе стороны осталось четыре.

Композиция главного фасада строго симметрична с выделением главной оси. Она акцентирована ризолитом, по центру которого на первом этаже расположен вход-портал, фланкируемый двумя колоннами римско-дорического ордера. Над ним, на втором этаже, сгруппированны три окна: среднее отмечено лучковым сандриком, остальные – прямоугольными. Первый этаж решен как мощный рустованный цоколь. Руст – это особый способ обработки поверхности горизонтальными и вертикальными швами, имитирующими кладку из крупных камней-блоков. Этот прием использовали итальянские зодчие эпохи Возрождения. Поскольку в постройке В.А. Шретера руст выполнен в штукатурке, то неоренесансная стилизация носит несколько графичный и сухой характер. Немногочисленные четко прорисованные элементы декора (сандрики, горизонтальные тяги, фриз под карнизом) подчинены простой структуре фасада. Углы здания закреплены рустовкой, которая отвечает мотивам рустовки первого этажа.

Шретером была четко продумана планировочная структура здания с большими светлыми помещениями, расположенными на втором этаже, на который ведет парадная лестница на металлических балках-косаурах. Отделка интерьеров проста и деловита. Вестибюль, согласно петербургской традиции оформления общественных зданий, имеет рустовку.

Плоскости стен лестничных маршей профилированными тягами расчленены на панно. Пол выложен хорошо сохранившейся до наших дней метлахской плиткой. Требованиям комфорта отвечало наличие водопровода и вентиляции.

Здание удельной конторы в г. Сарапуле – одно из уникальных памятников русской архитектуры периода эклектики – единственное сооружение на территории Удмуртии, выполненное по проекту петербургского архитектора. Оно представляет собой довольно редкий пример удачной стилизации, выполненной в духе неоренессанса и классицизма. Его монументальный фасад, спроектированный по законам симметрии, с красиво расчлененными плоскостями стен рустовкой и ритмично поставленными окнами, создают убедительный и выразительный образ здания государственного назначения, эффектно выделяющегося на общем фоне провинциальной застройки.

Причина, побудившая взяться прославленного мэтра за составление проекта административного здания для провинциального города, до конца не ясна. Известно, что петербургские зодчие лишь в исключительных случаях вели строительство общественных сооружений в провинции. Так, в начале XX в. в Пензе Земельный банк был выстроен по проекту А.И. фон Гогена, в Нижнем Новгороде – В.А. Покровского, в Киеве – Ф.И. Лидваля. Все эти факты отмечены благодарными потомками мемориальными досками на их фасадах. Теперь такая доска есть и на здании удельной конторы в г. Сарапуле.

Архивные поиски, натурные исследования позволяют установить авторство многих значительных сооружений провинции подобно тому, как это удалось сделать относительно данной работы В.А. Шретера.

Библиографический список

1. Проект здания для удельной конторы в г. Сарапуле (1891 год) // Российский государственный исторический архив. Ф. 515. Оп. 87. Д. 239. Л. 1.
2. Николаева Т.И. Виктор Шретер. Иероним Китнер. СПб., 2009.

К.Н. Курков

Предпринимательство и меценатство: графы Строгоновы времен модернизации России начала XX в.

Статья посвящена роли дворян-предпринимателей в отечественной культуре (на примере семьи графов Строгоновых), раскрывающих особенности менталитета в эпоху модернизации России начала XX в. Прослеживается связь предпринимательской деятельности графов Строгоновых с их меценатством и коллекционерством, судьба богатейших коллекций одной из известнейших российских аристократических фамилий в описываемый период.

Ключевые слова: Строгановы, Строгоновы, Строгановский дворец, дворяне-предприниматели, меценатство, меценаты, «строгановское письмо».

К 1917 г. российское дворянство подошло, уже изрядно утратив свои господствующие позиции в экономике, политической и социальной жизни. Однако, дав жизнь «золотому веку русской культуры», дворянство и через столетия после падения крепостного права остается в этом смысле законодателем мод.

Одной из самых богатых аристократических семей более двухсот лет были и оставались бароны, позднее графы Строгоновы¹. Они же являлись обладателями одной из богатейших в мире коллекций произведений искусства.

Эта богатейшая семья купцов-солепромышленников и уральских заводчиков, выходцев из разбогатевших поморских крестьян, чье состояние сложилось задолго до возникновения всероссийского рынка и капиталистического хозяйства в России, дала целую династию крупных землевладельцев и государственных деятелей XVI–XX вв. Достаточно сказать, что именно Семён Аникеевич Строганов с сыновьями Максимом и Никитой организовали и финансировали поход Ермака в Сибирь, в результате чего эта бескрайняя и богатейшая территория была присоединена к Московскому

¹ Не вдаваясь в обстоятельства происхождения самой фамилии этих крупнейших дворян-предпринимателей XVIII–XX вв., не имеющих прямого отношения к теме статьи, поясним только, что «родовое прозвание» Строгоновых писалось в обоих вариантах: и «Строгановы», и «Строгоновы».

царству; Н.М. Карамзин даже назвал С.А. Строганова «русским Писаро». Поэтому уже при Петре I Александр, Николай и Сергей Григорьевичи Строгоновы одними из первых были пожалованы баронским титулом Российской империи (6 марта 1722 г.); позднее род Строгоновых (Строгановых) получил графский титул, когда барон Александр Сергеевич Строганов стал графом Священной Римской империи (1761 г.), а в 1798 г. – пожалован уже российским графом [2, с. 70; 10, с. 176]. Строгановы вошли в ряды русской аристократии и начали занимать крупные государственные посты. За два с лишним столетия Строгановы собрали богатейшие библиотеки, коллекции картин, эстампов, монет, медалей и т.д. Выстроенный по проекту самого Ф.Б. Растрелли в северной столице России в середине XVIII в., Строгановский дворец до сих пор является одним из лучших, почти хрестоматийных образцов русского барокко (Невский просп., 17 / наб. Мойки, 46; ныне – филиал Русского музея). Одно из самых известных направлений в русской иконописи конца XVI – начала XVII вв. получило имя Строгановской («строгановское письмо»), а лучшие мастера этой школы работали в царских московских мастерских¹. Имя Строгановых получили также лучшая в XVII в. школа церковного лицевого шитья и «строгановское» направление московского барокко.

Предприятия графов Строгановых и в начале XX в. были, пожалуй, наиболее многочисленными из принадлежавших представителям российской аристократии. По состоянию на 1908 г. только четыре крупнейших металлургических завода графа С.А. Строганова в Пермской губ. с общим числом рабочих 950 чел. (155 чел., 68 чел., 600 чел. и 127 чел.) имели общую годовую производительность 1 138 280 руб. (326 616 руб., 182 831 руб., 376 000 руб., 252 833 руб. соответственно) [13, ч. II, гр. XIII]. Помимо известных уральских горнодобывающих предприятий и металлургических заводов, они владели и успешно управляли промышленными предприятиями иного профиля. Графине А.Д. Строгановой, в частности, принадлежали ремонтные мастерские Хотенского имения в с. Хотень Хотенской вол. Сумского у. Харьковской губ., с годовой производительностью 42 200 руб. и с 65 рабочими [12, с. 330]. Ей же принадлежал известковый завод в с. Пушкаревка Чернетченской вол.

¹ Именно купцы Строгановы ввели в области иконописания разделение труда между иконописцами узкой специализации: «личник», «доличник», мастер «палатного письма», и т.п. Особенности «строгановской школы» стали виртуозный рисунок, дробная и тонкая проработка деталей, сияющие и чистые краски, многофигурные композиции; впервые в истории древнерусской живописи на фонах многих «строгановских» икон появляются пейзажные панорамы.

Сумского у. Харьковской губ. с годовой производительностью от 5 800 до 7 400 руб., с 82 рабочими. К 1914 г. завод вырабатывал 125 тыс. пудов извести в год; численность рабочих осталась прежней [12, с. 403; 15, гр. В, № 1107]. К 1914 г. к ней прибавился известковый завод в д. Песчаная Стецковской вол. Сумского у. Харьковской губ., вырабатывавший жженую известь также в объеме 125 тыс. пудов в год, с 80 рабочими [15, гр. В., № 1107а].

Маслобойня графини А.Д. Строгановой в том же Хотенском имении Харьковской губ. сбивала масла на 7 700 руб. в год, и обслуживалась всего 6 рабочими [13, с. 688]. Она же владела двумя винокуренными и спиртоочистительными заводами – в с. Иволжино Писаревской вол. Сумского у. Харьковской губ. (годовая производительность 149 100 руб., 50 рабочих); и на хуторе Мороча в с. Ястребенном Ястребеной вол. Сумского у. Харьковской губ. (годовая производительность 152 600 руб., 50 рабочих). К 1914 г. владельцем Морочанского (№ 93) и Иволжанского (№ 197) винокуренного и спиртоочистительного заводов стал граф П.С. Строганов; объем производства и численность работающих остались прежними [12, с. 692; 15, гр. Д, №№ 6114, 6124].

Ее сын граф Г.С. Строганов самостоятельно управлял Немировским винокуренным и спиртоочистительным заводом в м. Немирово Немировской вол. Брацлавского у. Подольской губ. с годовой производительностью на 60 700 руб., выручавшим по заказам 28 800 руб.; на предприятии трудились 62 человека. К 1914 г. завод перешел к дочери Григория Сергеевича, княгине М.Г. Щербатовой; он производил продукции на 143 800 руб. в год, и обслуживался всего 39 рабочими [12, с. 625; 15, гр. Д, № 5439].

Умение «вести дела», удивительным образом нерастраченное за четверта лет, Строгановы передали и некоторым своим потомкам. Интереснейшую социально-психологическую картину действий российского дворянства в контексте модернизации России начала XX в. дают нам, с одной стороны, инициативный и способный граф Шувалов (хозяин Лысьвенского округа), с другой – типичный рантье князь Голицын (владелец Нытвенского (Чусовского) горного округа, Архангело-Пашийского, Михайловского, Чусовского и Нытвенского заводов). Оба они – потомки по женской линии уральского магната – прикамского латифундиста барона А.Г. Строганова. «Таковы два опыта модернизации уральских горнозаводских хозяйств на рубеже XIX–XX столетий. Они похожи по своим технико-технологическим и организационным мероприятиям, но роли заводчиков в них принципиально отличны и могут быть обозначены как „пассивная“ и „активная“. Успешнее оказался вариант Голицына,

при котором владелец, сдав округ в аренду, ...не вмешивался в вопросы организации производства. По крайней мере, Голицыны сохранили свои номинальные владельческие права не только вплоть до лета 1915 г., когда князь Сергей Михайлович Голицын скончался в Швейцарии, но и до весны 1918 г., когда Чусовской и Лысьвенский округа были национализированы. Не случись революции, Голицыны, вероятно, все равно не смогли бы восстановить реальный контроль над округом в 1934 г., когда истек срок контракта с французской стороной. Но здесь мы вступаем на зыбкую почву предположений... Что же касается П.П. Шувалова, то он предпочел риск самостоятельного предпринимательства»; однако, «создав перспективное горнозаводское хозяйство, он не сумел или не успел справиться с финансовыми проблемами, вызванными стремительной модернизацией. Достойного же преемника у предприимчивого графа среди аристократической родни не нашлось» [16, с. 340–341].

Деньги, вырученные от эксплуатации многочисленных предприятий, земель, лесов, недр, водных ресурсов, шли не только на расширение производства и повседневные расходы. Столь существенные средства позволяли сохранять и пополнять знаменитые строгановские естественнонаучные, нумизматические, художественные коллекции. Строгановский дворец являлся старейшей из частных петербургских резиденций-сокровищниц. Накануне революции стоимость дворца как недвижимого имущества определялась в 940450 руб., а стоимость земельного участка площадью 1080 саж. – в 972000 руб., что в сумме составляло 1912450 руб. Но главное находилось внутри; недаром «Строгановский дворец начала века походил больше на недоступный замок, куда очень непросто было проникнуть даже специалистам, занимающимся изучением произведений искусства мирового значения, спрятанных за его стенами» [14, с. 70].

Уже к середине 1780-х гг. в Строгановском дворце скопилось «огромное количество художественных ценностей: живописных полотен и скульптуры, минералогических образцов и драгоценных камней, предметов прикладного искусства и нумизматики, разросшаяся библиотека» [14, с. 72] и его пришлось перестраивать. «Теперь Строганов мог с блеском разместить богатейшую коллекцию образцов горных руд и минералов, а также редкое собрание книг по геологии и минералогии, не уступавшее по полноте аналогичным образцам европейских коллекционеров... В картинной галерее граф со вкусом расположил скульптуру и редкие предметы декоративно-прикладного искусства и, конечно же, развесил лучшие картины западноевропейских живописцев, – как доставшиеся ему в наследство от отца, так и приобретенных во время многочисленных заграничных путешествий... Среди шедевров живописи здесь находились

полотна Рембрандта, Боттичелли, Бронзино, Тинторетто, Гвидо Рени, Рюйсдаля, Поттера, Ван Дейка, Рубенса, Пуссена; среди скульптурных произведений – статуи и бюсты, исполненные европейскими и русскими скульпторами Донателло, Фальконе, Гудоном, Карло Растрелли, Козловским, Прокофьевым. Гобелены, бронза, фарфор и мебель завершали убранство Картинной галереи, освещавшейся по вечерам четырьмя великолепными хрустальными люстрами английского производства» [14, с. 74, 76].

Главная коллекция живописи принадлежала графу А.С. Строганову [7, с. 120–133, 344–356, 414–418]. Она была приумножена графом С.Г. Строгановым [8], который был также обладателем нумизматической коллекции и приумножил уникальное строгановское собрание сасанидского серебра. В XX в. во дворец перевезли картины и мебель из дома графа П.С. Строганова.

Граф С.Г. Строганов, дед последнего владельца, «к полотнам фамильной галереи присоединил картины, приобретенные им во время путешествий по Западной Европе. Длительное пребывание в Москве дало ему возможность существенно пополнить коллекцию икон XVII–XVIII веков, насчитывавшую более 140 предметов... Тонкий знаток в области русской нумизматики, С.Г. Строганов составил богатейшую коллекцию русских монет, помимо которой в его кабинете находилось первое в России частное собрание монет византийских, в количестве более двух тысяч экземпляров... не считая наследственной коллекции западноевропейских монет, доставшейся ему после смерти старшего сына». Наиболее ценные из собранных Строгановыми вещей (не считая, разумеется, картин и предметов быта) располагались в кабинете графа.

«Это была очень длинная комната с окнами только по одну сторону; промежутки между окнами и вся противоположная стена заняты шкафами в рост человека и с разными редкостями в выдвижных ящиках. Тут же находилась и драгоценная коллекция греческих, римских и византийских монет, золотых и серебряных, а частью и медных, наиболее редких... на шкафах стояли разные художественные предметы из металла и мрамора. Самым замечательным и драгоценным из них была золотая ваза работы Бенвенуто Челлини величиной с большую сахарницу, украшенная рельефами и статуэткою на ее крышке. По стенам над шкафами и в других местах были развешаны картины итальянской и голландской живописи, преимущественно XV века» [Цит. по: 14, с. 137]. Наконец, после сноса знаменитой Строгановской дачи в Новой Деревне, на берегу Черной речки, в петербургский дворец перевозятся украшавшие ее скульптуры, среди которых выделяется «мраморный саркофаг с барельефами

сцен из жизни древнегреческого героя Ахилла – великолепное произведение античной скульптурной пластики III века н. э.» [14, с. 142, 144].

Первый план музеефикации и реставрации здания был составлен служащим графа С.А. Строганова Н.К. Либиным [6]; музей в Строгановском дворце был открыт в 1919 г. и просуществовал до 1929 г. В первой половине 1920-х гг. проводилась реставрация некоторых интерьеров.

После революции дворец экспроприровали и назвали «Народным домом-музеем (б. Строганова)», но его помещения заняли большевистские служащие с семьями и склады Госмузейфонда, куда свозились художественные ценности из других дворцов изгнанной знати. В 1920-е – начале 1930-х гг. Строгановский дворец подвергся окончательному разгрому. 21 сентября 1929 г. Совнарком РСФСР принял постановление о передаче Строгановского дворца Всесоюзной академии сельхознаук, а в мае 1931 г. на аукционе в Берлине началась распродажа его разграбленных сокровищ. Выставленное на торги имущество включало в себя 108 картин западноевропейских мастеров (включая полотна Рембрандта, Рубенса, Кранаха, Джованни Беллини, Андреа дель Сарто, Пуссена, Лоррена, Грёза, Буше, Робера, Рейсдаля, Ромни и пять портретов Ван Дейка, оказавшихся потом в Ганновере), 52 редких образца мебели, 23 скульптуры и скульптурных рельефа (включая бюсты Вольтера и Дидро работы Гудона и известную скульптуру Фальконе «Купидон»), 4 гобелена 1781 г. работы знаменитой парижской мануфактуры «Ателье Козетта», 4 фамильные иконы в дорогих окладах, китайский фарфор, уникальные жирандоли, торшеры, вазы, часы и пр. [17]. «Более-менее приличную цену получили лишь портреты кисти Ван Дейка (157 080 долларов за пару). Остальное ушло за бесценок: “Христос и самаритянка” Рембрандта – за 49 980 долларов, “Портрет графа Воронцова с дочерью” Джорджа Ромни – за 11 900 долларов, “Адам и Ева” Лукаса Кранаха – за 11 186 долларов, “Аллегория вечности” Рубенса и “Вид Гарлема” Рейсдаля – за 14 280 долларов, а бюсты Вольтера и Дидро были проданы за 10 710 и 6 188 долларов. Всего за 256 вещей на аукционе было уплачено 613 326 долларов» [9].

В итоге во дворце не осталось ничего, кроме пяти люстр, росписей панно на стенах Арабесковой гостиной, живописного плафона с десюдепортами в Большом зале и гранитного бюста Юпитера, да забытого под одной лестниц ящика с редкостными швейцарскими изразцами XVII в. с росписью на сюжеты вооруженной борьбы швейцарских кантонов за независимость, приобретенными одним из Строгановых (ими потом «украсят» печку в одной из квартир на 1-м этаже) [14]. Интерьеры самого дворца также постепенно уничтожались в процессе «заселения» его

различными организациями и частными лицами [4]. В московском особняке Строгановых в 1920 г. обнаружены предметы из серебра общим весом 800 кг. [11].

Выдающимися и щедрыми меценатами были и родственники Строгановых, например, князя Мещерские. В их имении Лотошино Волоколамского уезда Московской губ. находились большие историко-художественные ценности [5, с. 38]. Семья тратила значительные средства на закупку произведений искусства. Большевики реквизировали, например, великолепную художественную коллекцию, среди полотен которой были работы Тициана, Мурильо, Ван Дейка, Тинторетто, Брюллова, находившуюся в особняке князей Мещерских на Поварской ул. в Москве. Владелице ненадолго удалось спасти лишь главное украшение собрания – «Мадонну с младенцем» кисти Сандро Боттичелли (XV в., ныне авторство Боттичелли почему-то ставится под сомнение). Привезенная из Рима кем-то из Строгановых и перешедшая к Мещерским, по-видимому, в результате женитьбы князя Мещерского на графине Строгановой, она долгое время находилась на Урале. Затем, переведенная в 1879 г. с дерева на холст, находилась в полтавском имении Мещерских, а в начале XX века привезена в Москву. Чекисты установили, что германский посол граф Мирбах предлагал последней владелице коллекции, княгине Е.П. Мещерской, полтора миллиона золотых рублей и свободный выезд за границу для ее семьи в обмен на холст Боттичелли. Судьба полотна стала предметом специального разбирательства на заседании Совнаркома 30 мая 1918 г. Обыски, проведенные в особняке на Поварской, результатов не принесли, т.к. картина была весьма оригинальным способом спрятана у друзей княгини, но под угрозой смерти она была принуждена выдать врагам и это свое последнее достояние [Там же, с. 29, 122; 11].

Давно прекратился род графов Строгановых; разорены и заброшены многие их дворцы и поместья. Но до сих пор монументом семье этих богатейших заводчиков и меценатов остается Строгановский дворец в Санкт-Петербурге, ныне – филиал Государственного Русского музея; с 1991 г. ведется научная комплексная реставрация внутренней отделки дворца, интерьеры которого существенно пострадали в советское время. Уцелевшие полотна и скульптура из коллекции Строгановых украшают залы Эрмитажа, Русского музея и других российских музеев. Стоит на улице Рождественской Нижнего Новгорода церковь Собора Пресвятой Богородицы, более известная как Строгановская, построенная Г.Д. Строгановым. До сих пор своеобразной визитной карточкой древнерусской живописи XVII в. является Строгановская иконописная школа, созданная самими Строгановыми.

Библиографический список

1. Андреев А.Р. Строгановы. XVI–XX века: Энцикл. изд. М., 2000.
2. Дмитриев А.А. Родословие и землевладение Строгановых с XIV до начала XVIII века // Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып 2. Пермь, 1890.
3. Именитые люди, графы и бароны Строгановы / Авт.-сост. А.Н. Онучин. 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 1996.
4. Карпова Е.В., Кузнецов С.О. Исчезнувшие интерьеры Строгановского дворца // Памятники культуры. Новые открытия. 1999. М., 2000. С. 480–492.
5. Кончин Е.В. Эмиссары восемнадцатого года. М., 1981.
6. Кузнецов С.О. Дом Строгановых на рубеже эпох. Памятная записка Н.К. Либина. 1918 г. // Исторический архив. 2007. № 1. С. 120–128.
7. Кузнецов С.О. Не хуже Томона. Государственная, меценатская, собирательская деятельность рода Строгановых в 1771–1817 гг. и формирование имперского облика С.-Петербурга. СПб., 2006.
8. Кузнецов С.О. Строгановские fond's d'ог. Живопись XIV–XV веков в собраниях Сергея Григорьевича Строгонова и его сыновей – Павла и Григория // Судьбы музейных коллекций: Материалы VII Царскосельской научн. конф. СПб., 2001. С. 246–272.
9. Мосякин А. Продажа // Огонёк. 1989. Февр. № 7 (3212). С. 16–17.
10. Родословная гг. Строгановых / Сост. Ф.А. Волеговым и доп. А.А. Дмитриевым // Пермский край: Сб. сведений о Пермской губернии. Т. 3. Пермь, 1895.
11. Смирнов В. Тайны старых особняков // Труд. 1997. № 182. 2 окт. С. 6.
12. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903.
13. Список фабрик и заводов Российской империи. Сост. по офиц. сведениям Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности в 1908 г. / Под ред. В.Е. Варзара. СПб., 1912.
14. Трубинов Ю.В. Строгановский дворец. СПб., 1996.
15. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914.
16. Шкерин В.А. Князь Голицын и граф Шувалов (сравнительная характеристика уральских заводчиков рубежа XIX–XX вв.) // Уральская провинция в системе регионального развития России: Исторический и социокультурный опыт: Материалы Всерос. научн. конф., посвящ. 300-летию г. Каменска-Уральского. Екатеринбург, 2001. С. 332–342.
17. Sammlung Stroganoff. Rudolf Lepkes Kunst-Auctions-Haus. Berlin, 1931.

О.И. Шмелева

К вопросу о влиянии курдского восстания 1880 года на внешнеполитический курс Великобритании

В статье рассказывается о курдском восстании 1880 г. и его влиянии на внешнеполитический курс Великобритании. Причиной начала восстания стал экономический кризис в Османской империи и Иране, приведший к ухудшению положения курдских крестьян, причинами поражения стали слабая организация восстания, вражда между участниками и активная политика Османской империи, России и особенно Великобритании.

Ключевые слова: Ближний Восток, восстание, Карс, Курдистан, русско-турецкая война, шейх, Эрзурум.

Курдистан – сильно расчлененная горная страна, пересекаемая хребтами Курдских гор, Внутреннего и Восточного (Армянского) Тавра и омываемая водами верхних течений рек Тигра и Ефрата, их притоками и крупнейшими на Ближнем Востоке озерами Ванном и Урмией.

В начале XVI в. Курдистан был поделен между Османской империей и Ираном. В результате русско-турецких войн XIX в. небольшая часть курдов перешла в состав Российской империи. Курдистан занимал выгодное положение в центре Ближнего Востока и считался важнейшим перекрестком сухопутных торговых путей между Европой и Азией.

XIX в. в истории курдской народности – важный и сложный период. Именно в это время Курдистан оказался в центре политических и экономических интересов Британской империи и России – двух великих держав, соперничавших между собой на протяжении всего XIX в.

Середина и вторая половина столетия ознаменовались ростом волнений за независимость среди курдских племен, особенно активно

выступали турецкие курды. Наиболее известным стало восстание под предводительством шейха Обейдуллы в 1880 г. Шейх выступал за создание независимого курдского княжества в Иране, к которому впоследствии должны были присоединиться курдские земли Турции. К этим планам одобрительно относилась Англия и на первых порах – Турция, т.к. они подрывали экономические и военно-политические интересы России в северо-западном Иране. Порта стремилась предотвратить восстание на своей территории и пыталась завоевать симпатии курдских вождей. Англия же, внимательно следившая за ситуацией в Османской империи, опасаясь повторения событий времен Крымской войны, когда курдское население во главе с Езданширом подняло антитурецкое восстание, напротив, принимала все меры для удаления из Курдистана всех влиятельных вождей.

В этой связи русский консул в Эрзуруме Обермиллер еще в 1873 г. писал: «В нынешнем курдском вопросе играют главную роль не турки, а англичане. Английский мой коллега имеет точнейшие инструкции по вопросу об уничтожении теперь раз и навсегда курдского сопротивления даже вопреки желанию самих доброхотных туток» [4, л. 8].

Английский консул в Эрзуруме по поручению посла в Стамбуле Элиота ездил по всему Курдистану для сбора сведений о влиятельных курдских вождях, опасных для Турции. Настаивая на удалении курдских вождей из Курдистана, англичане одновременно не отказывались от привлечения их на свою сторону путем подкупа или обещаний. Вместе с тем они всячески старались отвлечь внимание армян и других христианских народов от надежды на освобождение.

Действие английской дипломатии не имели успеха. В Стамбуле очень неохотно относились к предложениям Англии. По мнению ряда турецких деятелей, такие резкие меры могли послужить поводом для новых волнений, а также обострить и без того напряженное положение в северо-восточных и восточных районах Анатолии.

Успехи русских войск под Карсом, у Баязета и в других районах оказали большое воздействие на политическую обстановку в Курдистане, активизировав антитурецкие настроения курдского населения. В своей записке консул в Эрзуруме Иванов сразу же после падения Карса извещал: «...Уверен... в том, что Курдистан озабочен теперь замыслами к восстановлению и готовится к тому» [1, с. 87].

Ряд событий в горном районе Дерсима подтвердили слова русского консула. Если Порте во время войны 1877–1878 гг. удалось все-таки включить в ряды своей армии немного курдских отрядов и привлечь на свою сторону некоторые полукочевые племена, то Дерсим был как

пороховая бочка. Нужен был только благоприятный момент, чтобы там началось восстание. И такой повод был найден. Влиятельный бей Козана отказался предоставить правительству 25-тысячную армию, не пропустил османские войска к театру военных действий. Он занял с помощью курдов пути к Карсу, Токату, Сивасу и Эрзуруму и задержал продвижение войск [6, л. 8]. Положение в Дерсиме было настолько опасным, что Порта сочла необходимым направить туда войска для «наведения порядка». Однако они встретили сильное вооруженное сопротивление населения.

Следует отметить, что английский вице-консул в Трабзоне Биллиоти, несмотря на враждебное отношение к курдам Дерсима, в одном из донесений писал, что курды восстали с целью «стать независимыми» и происходившие события в Дерсиме нельзя сводить к грабежу [9, с. 87].

Кроме того, англичане настойчиво пытались вмешаться в дела турецкой армии и жандармерии. Ссылаясь на очень низкий уровень боеспособности солдат и подкупность жандармов, они предлагали свои услуги для наведения порядка среди них. Это предложение получило одобрение при дворе. В феврале 1880 г. через Муш в Битлис отправился английский капитан Нортон, а в Эрзурум — английский полковник Куп с назначением на пост главных инспекторов жандармерии в этих районах [10, с. 26, 28].

Однако попытки англичан не остановили все более усиливающееся разложение администрации и развал экономики Османской империи. Зимой 1879–1880 гг. почти все восточные районы Турции были охвачены страшным голодом. Газета «Таймс» в марте 1880 г. в корреспонденции из Стамбула сообщала: «Бедствия в Диярбакыре и Мосуле очень велики, население последнего округа полностью лишено средств к существованию. Однако надеются, что следующий урожай может поправить положение страдальцев» [Там же, с. 34]. Освободительная борьба в Дерсиме и экономический упадок в Османской империи сыграли в дальнейшем важную роль в истории антитурецкого движения курдского народа. Первые же приготовления шейха Обейдуллы к восстанию и волнения в Ванском вилайете обратили на себя внимание не только турецких властей, но и английских дипломатов. Для изучения положения дел на месте и уточнения слухов о подготовке восстания в северо-восточных районах страны в 1879 г. совершали путешествие два англичанина – лейтенант Кровдер и преподобный Фозер. Их путь проходил через Самсун, Амасью, Сивас, Эрзинджан, Муш, Битлис и Ван. Обрато они возвращались через Малазгирт в Эрзурум.

В то время как подготавливалось восстание Обейдуллы, в августе 1879 г. к северо-востоку от озера Ван начались стихийные антитурецкие

волнения среди большого племени хайдаранли. По сообщению английского консула в Эрзуруме майора Троттера, одной из главных причин выступления курдов хайдаранли была бедность, нужда в хлебе и крове [10, с. 67].

Необходимо отметить, что такие стихийные выступления не тревожили турецкое правительство, гораздо более опасным было восстание под предводительством шейха Обейдуллы, т.к. иногда даже турецкие солдаты не желали сражаться против отрядов шейха. По свидетельству Клейтона, это объяснялось тем, что шейх пользовался огромным авторитетом среди мусульман, считался святым человеком [Там же, с. 62].

Немаловажную роль в восстании сыграли айсоры. В своем донесении майору Троттеру от 6 сентября 1879 г. капитан Клейтон с тревогой сообщал, что «маршимун, а также и некоторые влиятельные мусульмане в Ване имели связь с восставшими курдами» [Там же, с. 63].

Маршимун открыто поддерживал волнения в Хакари, примкнув к «партии недовольных» [2, с. 143]. Такая позиция главы айсоров объяснялась благожелательным отношением шейха к местному айсорскому населению. В английских документах констатируется, что шейх не одобрял актов насилия и грабежа, которым подвергались айсоры со стороны отдельных курдских мародеров. Он не раз предпринимал меры к тому, чтобы угнанный у населения скот был возвращен хозяевам.

Благожелательное отношение айсоров к курдскому движению беспокоило представителей Англии в Турции и Иране. Так, Аббот задавал себе вопрос: «Возможно ли, чтобы горные айсоры в конечном счете были склонены на сторону восставших, если курдское восстание продвинется вперед с целью сбросить турецкое иго?». Отвечая отрицательно на этот вопрос, он тем самым признавал ту важную роль, которую англичане отводили айсорам в делах Ближнего Востока. Аббот писал: «Не может быть ни малейшего сомнения в том, что под британским покровительством они могли бы быть счастливой процветающей общиной, так же как и полезными помощниками Порте в разрешении вопроса о недовольствах в Курдистане» [10, с. 102].

Восстание в Хакари грозило распространиться на многие районы турецкого и иранского Курдистана. Поэтому не удивительно, что англичане проявили большую заинтересованность в его подавлении. Майор Троттер, английский консул в Эрзуруме, в своем донесении в Стамбуле обвинял Самих-пашу в том, что он «недооценивает важность восстания» [Там же, с. 77]. Троттер курдское восстание считал настолько опасным, что на долгое время задержался в Эрзуруме и принимал личное участие в подготовке подавления выступления курдов. Более того, сведения

о Курдистане, получаемые англичанами от своих агентов, передавались Самих-паше, чтобы он был в курсе всех действий восставших и мог быстро сориентироваться в обстановке. Самих-паша хотел лично встретиться с шейхом и потребовать от него объяснения его действий. Однако Обейдулла отказался от встречи, а свое выступление против посланных из Мосула турецких сил объяснил необходимостью защиты мирного населения от «дурного обращения солдат».

Уже после неудачного выступления курдов и участия в нем шейха Обейдуллы Клейтон сообщил своему шефу «хорошую новость», а именно: «В общем, кажется, как будто опасность серьезного объединенного восстания курдов в настоящее время миновала» [10, с. 98].

Действительно, в то время Обейдулла придерживался выжидательной тактики. Не успев объединить силы примкнувших к восстанию курдских вождей, он не рисковал выступить против хорошо вооруженных турок.

Английские дипломаты всячески пытались воспрепятствовать созданию курдского союза и проводили в этом направлении широкую агитацию среди армян. По поводу объединения курдов майор Троттер писал английскому послу в Стамбуле Гошену: «Я не могу поверить в то, что турецкое правительство повинно в такой глупости, как организация лиги». Он утверждал, что такой союз «неизбежно должен быть направлен против самого же правительства» [8, с. 16]. Создание союза курдских племен настолько обеспокоило Англию, что депутаты английского парламента поспешили поставить этот вопрос на обсуждение.

Очень большое значение для подавления курдского восстания англичане придавали укреплению турецко-иранской границы и запрещению перехода курдов из Турции в Иран [Там же, с. 1]. Английские послы в Тегеране и Стамбуле вступили в переговоры с султаном и шахом по вопросу о совместных военных действиях против пограничных курдов. Посол Англии в Тегеране Томсон систематически сообщал из Тегерана в Лондон о результатах своих усилий, о целесообразности совместных действий и заключения официального соглашения между Ираном и Османской империей.

В свою очередь Клейтон в июле 1880 г. совершил большое путешествие с целью собрать сведения о подготовке Обейдуллы к восстанию, а также о положении в Хакяри. В депеше, отправленной из Башкале Троттеру, он выражал надежду, что в предстоящем путешествии по Гевару и территории, где проживают айсоры, он сможет собрать более подробные сведения и одновременно встретиться с шейхом.

Во время шестидневного пребывания в Кочанисе Клейтон часто встречался с маршимунумом и беседовал с ним. Затем он отправился к шейху

в Шемдинан. Клейтону и его свите в Шемдинане был устроен почетный прием: сотни вооруженных курдов выстроились вдоль дороги; навстречу Клейтону вышли переводчик Ага Сеид Мухаммед Садык и сын шейха Абдул Кадыр. Первая встреча была кратковременной и носила официальный характер, шейх все время говорил по-курдски.

Во время второй аудиенции Клейтон изложил позицию Англии в отношении Турции. Он особенно подчеркнул, что Англия считает одной из своих задач предотвращение всяких «беспорядков» и волнений, угрожающих целостности дружественной Османской империи. Далее Клейтон заявил, что он был направлен в Хакари по прямому указанию посла, чтобы непосредственно ознакомиться «со всеми обстоятельствами».

Внимательно выслушав длинную речь Клейтона, шейх выразил свою благодарность английскому правительству за его доброжелательное отношение к Турции и опроверг всякие слухи о беспорядках в Хакари, заверив Клейтона в полном спокойствии в стране. По свидетельству записавшего позднее беседу армянского купца Багдасаряна, присутствующие были поражены логичностью и убедительностью доводов шейха. Клейтон, надеясь вызвать Обейдулла на откровенный разговор, сказал, что недовольство курдов вполне допустимо, поскольку местная турецкая администрация не может хорошо управлять ими. В ответ на это Обейдулла заявил, что все курды вполне довольны турецкой властью.

Вскоре подали кофе, что означало окончание беседы. На следующий день Клейтон уехал из Шемдинана. Путешествие Клейтона пришлось как раз на тот период, когда шейх готовился к съезду курдских вождей. В Шемдинане Клейтон встретил многих курдских главарей из Сулеймание, Амадия, Орамара, Бохтана, Сасунских гор, Сиирта, Муша, Ванского вилайета и из иранского Курдистана.

Несмотря на старания английского посланника, восстание продолжалось. Среди иранских курдов Обейдулла пользовался огромным авторитетом. Многие курдские племена в Иране непосредственно подчинялись ему, а не иранскому правительству [3, л. 12 об.]. Влияние Обейдуллы в Иране настолько возросло, что английский консул в Табризе Аббот 15 июня 1880 г. с опасением писал Томсону: «...Шейху удалось привлечь на свою сторону значительную часть племени шикак, которая ранее была верна шаху». Он предлагал иранским властям немедленно отправить генерала Кубу-хана из Табриза на границу для встречи с турецкими комиссарами по вопросам устранения напряженности на границе. «Еще более нежелательно, – писал Аббот, – чтобы ему позволили расширить свое влияние на границе Персии, и я выражаю это мнение местным властям» [8, с. 8, 9].

По мнению корреспондента «Таймс», большие успехи курдов объяснялись тем, что курдское население страны встретило Обейдулла как освободителя. Во время стычек с иранскими пограничными отрядами курдские офицеры и солдаты, состоящие на иранской службе, часто переходили на сторону курдов.

Главной целью Обейдулла считал захват города Урмия. Правитель города Икбал од-Довле с целью выиграть время попросил посредничества английского консула Аббота. «Икбал од-Довле просил меня, – писал Аббот в своем дневнике 22 октября, – в порядке одолжения добиться беседы с шейхом с целью убедить его приостановить военные действия, чтобы он тем временем мог связаться со столицей и с Табризом» [8, с. 38]. Аббот охотно взялся за дело. Он в тот же день отправился в путь, чтобы передать шейху просьбу Икбал од-Довле и убедить его на время прекратить штурм города.

Однако шейх отказался вступить в переговоры с Икбал од-Довле. Обейдулла изложил Абботу цель восстания курдов, а также выразил свое недовольство иранским правительством. Впоследствии шейх направил к Абботу опытного халифа Саид Мухаммеда, который должен был убедить его в доброжелательном отношении Обейдуллы к европейским странам и доказать справедливость выступления курдов. Саид Мухаммед изложил Абботу нетерпимое положение курдского населения, указывал на беззаконие иранских правителей и чиновников, в особенности на злодеяния губернатора Урмии. О результатах этой беседы Аббот писал в дневнике следующее: «Шейх намерен пресечь разбойничьи набеги различных племен, которые продолжают совершаться со стороны Турции и Персии, поскольку представители правительства этих двух стран не в состоянии сдержать их, восстановить порядок на обеих границах и предоставить христианам и мусульманам равные права, способствовать развитию просвещения, строительству школ и церквей. Единственное, чего он хочет, – это моральной поддержки европейских держав...

Шейх предлагает испытать его. Если ему не удастся создать Курдистан и установить там сильное правительство, тогда он готов предстать перед лицом европейского трибунала со всеми вытекающими последствиями» [Там же, с. 39].

И тем не менее Аббот дал понять представителю шейха, что Англия не проявляет интереса к возникшему спору между курдами и Ираном. Более того, узнав, что на стороне курдов выступили 300 айсоров-горцев под командованием митрополита Мар-Иозефа, Аббот стремится помешать дальнейшему присоединению айсоров, в особенности тех из них, которые проживали в окрестностях озера Урмия. Английский консул в Багдаде

Пловден, ссылаясь на слухи, сообщил послу Гошену 8 октября, что число айсоров, принявших участие в курдском восстании, составило несколько тысяч [8, с. 13]. С этой целью он отправился в часовню и, выступив перед народом, напомнил о том, что Англия продолжает интересоваться судьбой христианского населения, и потому оно должно остаться в стороне от курдского движения.

Тем не менее, накануне наступления на Урмию, 23 октября шейх известил Аббота о готовящихся действиях, чтобы дать возможность мирному христианскому населению заранее покинуть город [Там же, с. 39].

Шейх продолжал наступления и в Иране. 11 октября во время аудиенции, данной послу Англии в Тегеране Томсону, иранский шах просил английское правительство воздействовать на Турцию, чтобы та приняла военные меры против курдских повстанцев. Томсон в тот же день докладывал об этой аудиенции своему правительству, заметив при этом, что успехи курдов в Иране могут вызвать прямое вмешательство России в иранские дела. «Его величество (шах) очень опасается, что Россия... воспользуется промедлением, чтобы активно вмешаться, сославшись на необеспеченность безопасности интересов своих многочисленных подданных в Азербайджане, которых персидское правительство не было в состоянии защитить» [Там же, с. 11].

В то же время английский консул Троттер высказывал соображения о том, что турецкому правительству следовало бы воспользоваться неудачами шейха в Иране и окончательно разгромить его в Турции [Там же, с. 22].

Под нажимом Англии и России турецкое правительство, чтобы отрезать курдам путь отступления из Ирана в Турцию, выставило на границе кордон из 9 батальонов. Английский посол в Стамбуле Гошен прямо требовал от Порты наказать Обейдуллу или выдать Ирану [7, л. 47 об].

В ноябре 1881 г. шейх подал прошение министру иностранных дел Турции, в котором выражал надежду, что турецкие власти окажут ему поддержку в его требовании к иранским властям возместить убытки, причиненные иранскими войсками. Турция только выразила сожаление по поводу действий иранских войск. 13 ноября объединенные турецкие отряды окружили крепость Шептан, где укрепился шейх со своим сыном Абдул Кадыром. После шестичасового сопротивления шейх вынужден был сдаться [5, л. 87]. Турки доставили арестованного шейха и его сына в Мосул, а через некоторое время их сослали в Мекку. С удалением Обейдуллы временно затихли курдские волнения. Порта подкупала к себе многих курдских руководителей, ранее поддерживавших восстание шейха.

Восстание Обейдуллы, принявшее широкий размах, было неожиданным не только для Ирана и Турции, но и для Англии, России и других стран. Правящие круги этих стран объясняли восстание внешними причинами. Английские и турецкие газеты склонны были признать главным виновником Россию, а русские, иранские и армянские газеты восстание курдов рассматривали как организованное Турцией и Англией.

Однако причины были иные: одной из них был экономический кризис в районах, населенных курдами. Этот кризис явился следствием общего экономического ослабления Османской империи и Ирана; усиление эксплуатации крестьян, налоговое бремя, большие потери во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – все это привело к обнищанию и разорению курдских крестьян.

Причиной поражения курдского восстания 1880 г. была в первую очередь его слабая организация. Внутренняя вражда между племенами не могла быть устранена авторитетом шейха Обейдуллы, как бы силен он ни был. Временный союз курдских вождей и их преданность взглядам шейха рухнули при первой же неудаче.

В связи с враждебным отношением Англии и России к курдскому движению многие племена относились к нему с недоверием. Правительство султанской Турции, которое всегда опасалось любого союза подвластных ему народов, сыграло немалую роль в усилении недоверия христианского населения к курдскому движению.

Восстание курдов не нашло поддержки ни у одной европейской страны. Больше всех была заинтересована в подавлении любого курдского движения Англия. Английская дипломатия поддерживала в то время целостность Османской империи, всячески стремилась использовать курдское движение в своих интересах для усиления и расширения влияния на Турцию и Иран, упорно добивалась упорядочения и укрепления турецко-иранской границы, т.е. пресечения всяких связей между курдами Турции и Ирана.

Библиографический список

1. Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис, 1900.
2. Джалил Дж. Восстание курдов 1880 года. М., 1966.
3. Донесение русского консула в Табризе послу в Тегеране И.А. Зиновьеву // Архив внешней политики Российской империи (АВПР). Ф. Миссия в Персии. 1877–1896. Оп. 528а. Д. 1202. Л. 12 об.

4. Донесение консула в Эрзеруме к господину российско-императорскому послу в Константинополе от 25 июня 1873 года за № 124 // Архив внешней политики Российской империи (АВПР). Ф. Главный архив V-А₂. 1873. Д. 1085. Л. 8.
5. Донесение исправляющего должность российского вице-консула в Ване к г. управляющему императорским посольством в Константинополе от 22 ноября 1882 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПР). Ф. Главный архив 1–9. 1882–1883 гг. Оп. 8. Д. 54. Л. 87.
6. Донесение управляющего генеральным консульством в Азербайджане в Азиатский департамент от 21 мая 1887 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПР). Ф. Посольство в Константинополе. 1883–1884. Д. 7608. Л. 8.
7. Письмо исполняющего должность российского вице-консула в г. Ване от 2 января 1881 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПР). Ф. Главный архив 1–9. 1880–1882 гг. Оп. 8. Д. 29. Л. 47 об.
8. Письмо шейха Обейдуллы Икбал-од-Довле, губернатору Урмии от 15 сентября 1880 г. // Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey. № 5 (1881). London, 1882.
9. Further correspondence respecting the affairs of Turkey // Turkey. № 54 (1878). London, 1878.
10. Further correspondence respecting the condition of the populations in Asia Minor and Syria // Turkey. № 23 (1880). London, 1880.

И.Г. Жиряков

Подготовка и проведение выборов в Учредительное национальное собрание «Немецкой Австрии»

После распада империи Габсбургов в 1918 г. необходимо было создать легитимный общенациональный орган новой страны – «Немецкой Австрии». Для формирования новых органов власти, создания стройной системы управления необходимо было принять Основной закон – Конституцию. Данная статья посвящена анализу подготовки и проведения выборов в Учредительное национальное собрание «Немецкой Австрии».

Ключевые слова: империя Габсбургов, «Немецкая Австрия», рейхсрат, Временное национальное собрание, Учредительное национальное собрание.

21 октября 1918 г. собрание австрийских депутатов из Цислейтанского парламента – рейхсрата, избранного в 1911 г вынуждено было, в условиях начавшегося распада Габсбургской монархии, объявить себя Временным Национальным собранием [5, с. 32].

12 ноября 1918 г. Временное Национальное собрание провозгласило новое государственное образование – «Немецкую Австрию», заявив, что «Немецкая Австрия является демократической республикой» (ст. 1), и что «Немецкая Австрия является частью Республики Германия» (ст. 2) [9].

Кстати, «Винер цайтунг», одна из старейших и уважаемых австрийских газет, описала любопытный эпизод, происшедший 12 ноября на церемонии поднятия флага новой республики. Едва красно-бело-красный флаг начал подниматься перед зданием парламента, как под ликующие возгласы тысяч людей, писала газета, средняя белая полоса была сорвана, и на мачту взвилось красное знамя; одновременно были подняты еще несколько красных флагов и стяг в несколько метров длиной с надписью: «Да здравствует социалистическая республика!» [3].

Термин «Немецкая Австрия» был не новым. Во времена Габсбургов в Австро-Венгрии термин был неофициальным названием и использовался для указания областей империи, населенных этническими немцами.

Легитимность Временного Национального собрания была неполной. «От этого Национального собрания не следует многого ожидать», – писала газета австрийских социалистов, поясняя, что его состав практически ничем не отличается от состава прежнего, довоенного, парламента [6].

Необходимо было создать новый общенациональный орган страны. После провозглашения Немецкой Австрии для формирования новых органов власти, создания стройной системы управления необходимо было принять Основной закон страны – Конституцию.

Задача создания новой конституции решалась в разные эпохи и в разных странах Учредительным собранием [4, с. 3]. Учредительное собрание – временный высший орган государственной власти, которому принадлежит власть устанавливать основы государственного строя, оформлять основы политических прав народа и т.д.

Наряду с этой «учредительной властью» Учредительное собрание в период своей деятельности иногда может осуществлять также обычные функции органа законодательной власти.

Идея Учредительного собрания коренится в учении о народном суверенитете, и ведет свое происхождение от теории договорного

происхождения государства, согласно которому сам народ, которому только и принадлежит власть устанавливать для себя формы государственного устройства, путем договора ограничивает свои естественные права, отчуждая их в пользу государства.

Учредительные собрания различаются по способу формирования и своей компетенции. Наиболее часто Учредительное собрание формируется путем всеобщих и прямых выборов. В то же время мировой конституционной практике известны учредительные собрания, часть членов которых избираются прямыми или непрямыми выборами, а часть – назначается или делегируется.

По компетенции учредительные собрания принято делить на суверенные и несуверенные. Суверенным является учредительное собрание, которое не только разрабатывает, но и принимает новую конституцию.

Несуверенное Учредительное собрание разрабатывает и принимает проект Конституции, но окончательное решение по нему принимается либо избирателями на референдуме, либо другим государственным органом.

18 декабря 1918 г. Временное Национальное собрание «Немецкой Австрии» приняло закон о созыве Учредительного национального собрания. Одновременно был принят закон, в котором регламентировался порядок выборов в Учредительное собрание Австрии.

В избирательных округах предстояло избрать 255 депутатов Учредительного собрания [2, с. 76]. Закон предусматривал всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании и пропорциональной системе выборов. На практике, однако, равенство избирательного права не соблюдалось при выборах Учредительного собрания. Даже Ханс Кельзен признавал, что вес избирательного голоса был неравным в различных избирательных округах, т.е. мандаты распределялись не на основе строго пропорционального учета населения [8, с. 7].

Активным избирательным правом пользовались все граждане, которым до 1 января 1919 г. исполнилось 19 лет. Законодательные органы отдельных земель могли вменить в обязанность проживающим в землях гражданам, обладающим избирательным правом, участвовать в выборах. Это положение было взято из имперского избирательного закона 1907 г. Для пассивного избирательного права был предусмотрен более высокий возрастной ценз – 29 лет.

Лишению избирательных прав были подвергнуты очень незначительные группы людей: недееспособные, осужденные судом, профессиональные проститутки и т.д.

Для организации и проведения выборов в избирательных округах были созданы специальные избирательные органы; они состояли из представителей партий, по одному от каждой партии.

Закон предусматривал пропорциональную систему выборов, которая называлась системой «закрытого листа». По этой системе избиратели избирали партию, а не конкретного ее представителя.

Распределение мандатов между партиями в округе производилось на тех же основаниях, что и при выборах в Учредительное собрание Веймарской республики, т.е. на основе пропорциональности, соотношения полученных партиями голосов.

Система «закрытого листа», инициаторами которой являлись социал-демократы, была принята не только потому, что она могла лучше всего, как им казалось, обеспечить пропорциональное представительство в Учредительном собрании. Отстаивая ее, социал-демократы стремились освободить депутатов от всякой ответственности от своих избирателей и поставить их в полную зависимость от партийного руководства. Под это стремление была подведена теоретическая база; депутат рассматривался не как представитель данной избирательной единицы, а как представитель всей нации. Социал-демократические теоретики утверждали, что такое положение депутата явится гарантией против подкупов на местах и влияния местных группировок на общегосударственную жизнь. Кстати, современное избирательное право придерживается такой же точки зрения.

Выступая по поводу принятия избирательного закона во Временном Национальном собрании, К. Реннер говорил: «Деление на избирательные округа давало представителю земли императивный мандат и ставило его под удар разнузданной агитации, которая лишала всякой свободы решения. То, что мы до сих пор не могли создать больших партий, основанных на целостных мировоззрениях, как это имеет место в других странах, объясняется в значительной мере механическим делением избирателей» [8, с. 43].

Надо все же признать, что новая система выборов гарантировала процентное соотношение депутатов, примерно соответствовавшее доле полученных партией голосов. Многие поддерживали переход от мажоритарной системы, при которой в избирательном округе считается избранным лишь один кандидат, набравший более 50% голосов, к пропорциональной системе.

Но надо признать и другое: новая избирательная система наносила удар по малым партиям, благодаря т.н. «передаче оставшихся голосов» тем партиям, которые получали основной мандат.

Таким образом, закон, принятый Временным Национальным собранием 18 декабря 1918 г., имел антидемократическую лазейку, которой впоследствии воспользовались некоторые политические силы страны.

Конечно, одной из важнейших целей нового избирательного закона было недопущение в центральные представительные органы молодой австрийской коммунистической партии. По закону, для получения какой-либо партией хотя бы одного мандата она должна была собрать не менее 20 тыс. голосов в одном из избирательных округов, что в тот период для коммунистической партии не представлялось возможным.

Пред выборами развернулась полномасштабная политическая агитация. Особенно активно действовала Социал-демократическая рабочая партия Австрии. «Объединяйтесь в борьбе за демократию и социализм!» – призывало правление СДРПА избирателей. Предвыборная программа социал-демократов включала в себя требования чистки государственного аппарата от монархистов, осуществления аншлюса (объединения с Германией), социализации (т.е. перевода в общественную собственность народного хозяйства).

Большое внимание социал-демократы уделили технической подготовке к выборам: разъяснению правил составления списков избирателей и заполнения избирательных бюллетеней. Во многом это объяснялось сложностью процедуры проведения выборов. Сначала надо было позаботиться о получении австрийского гражданства, затем взять у домовладельца «лист выборщика» и заполнить его. В избирательный бюллетень вносились имена кандидатов только одной партии. Какие-либо пометки в бюллетене не допускались. Если в конверт с заполненными бюллетенями попадало больше одного неверно заполненного листа, все остальные также объявлялись недействительными. Все это создавало благоприятные возможности для фальсификации.

Выборы в Учредительное собрание прошли 16 февраля 1919 г. Впервые в Австрии в выборах участвовали женщины, получившие избирательные права.

Было избрано 158 депутатов, впоследствии число депутатов было доведено до 170 [2, с. 78]. Голоса и мандаты распределились следующим образом: Социал-демократическая рабочая партия получила 72 мандата, за нее проголосовали 1 211 398 избирателей (40,76%), христианские социалисты – 69 мандатов, 1 068 259 голосов избирателей (35,9%), пангерманисты – 26 мандатов, за них проголосовали 617 477 избирателей (20,7%) [1, с. 346; 2, с. 79].

Итак, больше всего голосов и мест получила Социал-демократическая рабочая партия. В Вене успех СДРПА был еще более внушительным: здесь за них проголосовало 553 тыс. избирателей, за Христианско-социальную партию – только 210 тыс.

Большую роль в победе социал-демократов сыграли, в частности, их обещания голодающим австрийским рабочим ликвидировать голод.

Что касается молодой коммунистической партии, то она бойкотировала выборы. Решение о бойкоте выборов в Учредительное национальное собрание было принято на I съезде КПА, состоявшемся 9 февраля 1919 г. в Вене. Тезисы и резолюция, требовавшие от членов партии воздержания от выборов в Учредительное национальное собрание, были приняты 28 голосами против 6 [7, с. 42].

Характерно, что большинство депутатов Социал-демократической партии были от города Вены и ее промышленных окраин, в то время как большинство депутатов христианских социалистов были от сельскохозяйственных провинций.

Немецкие националисты, имевшие больше всех мандатов во Временном Национальном собрании, теперь оказались на последнем месте среди крупных партий. Это объяснялось, во многом, не столько настроениями австрийцев, сколько заявлениями союзных держав о том, что они не допустят аншлюса. Впоследствии Сен-Жерменский договор своей 88-й статьей запретит Австрии присоединение к Германии.

Из общего числа 170 депутатов 12 были фабрикантами, торговцами и ремесленниками, 32 – зажиточными сельскими хозяевами, 64 – чиновниками и частными служащими, 48 – адвокатами, врачами и представителями других интеллигентных профессий. Рабочих было только 4 человека: 3 социал-демократа и 1 христианский социалист. Характерно, что большинство социал-демократических депутатов (39 человек) были частными служащими. Основная масса депутатов христианских социалистов состояла из сельских хозяев, торговцев и промышленников, а также буржуазной интеллигенции [2, с. 80].

Крупная буржуазия, банкиры, нажившиеся на войне, крупнейшие предприниматели-спекулянты и т.д. предпочли пока не появляться на авансцене политической жизни. Но всем было ясно – власть по-прежнему находится у имущих.

Учредительное собрание начало свою работу в Вене 4 марта 1919 г. Торжественно приняв власть от Временного Национального собрания, Учредительное собрание установило порядок своей работы, воспроизведя, в основном, порядок работы прежней австрийской нижней палаты. Главной задачей вновь избранного Учредительного собрания явилась выработка и утверждение австрийской конституции.

Библиографический список

1. Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика / Пер. с нем. М., 2007.

2. Гринберг Л.Г. Возникновение и развитие австрийского государства (1918–1934): Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1958.
3. Мельников И. Октябрь и австрийские коммунисты // Правда. 2007. 9 ноября.
4. Медушевский А.Н. Учредительное собрание как политический институт революционного периода // Российская история. 2008. № 2.
5. Рубинштейн Е. Распад Габсбургской империи в 1918 году // Историк-марксист. 1940. № 7.
6. Arbeiterzeitung. 1918. 18 Nowember.
7. Der erste Parteitag der Kommunistisehen Partei Deutschossterreichs. Wien, 1919.
8. Die Verfassungsgesetze der Republik Österreich / Hrsg. von Hans Kelsen. Bd. 2, Wien, 1919.
9. Geschichte der Republik Österreich / Hrsg. von Heinrich Benedikt. Munchen, 1954.

Д.В. Суржик, Е.Н. Кульков

Оккупационная политика агрессоров и планы уничтожения Советского Союза

Оккупационная политика нацистской Германии на временно захваченной советской территории являлась одним из орудий достижения главной цели агрессии – уничтожения Советского государства и массового истребления его населения, «непригодного» для эксплуатации в качестве рабской силы. К дележу захваченной территории СССР Гитлер допустил двух своих союзников – Румынию и Финляндию. В публикуемой статье анализируются причины, способы реализации и последствия оккупационной политики агрессоров.

Ключевые слова: нацистская Германия, нацистская Румыния, нацистская Финляндия, агрессоры, оккупационная политика, Вторая мировая война, геноцид, оккупационная политика.

Нацистские Румыния и Финляндия как союзники фашистской Германии принимали активное участие в насаждении на отведенных им участках захваченной территории СССР террористического режима и разграблении советского хозяйства.

В начале июля 1941 г. немецко-румынские войска перешли в наступление на бессарабском участке фронта и к концу того же месяца заняли Бессарабию и Северную Буковину. На территории этих областей по приказу диктатора И. Антонеску от 12 июля 1941 г. был установлен режим военной оккупации. В Бессарабии его возглавил генерал Войкулеску, в Северной Буковине – полковник Риошяну. В этом приказе им была поставлена задача «вырвать с корнем следы коммунизма» [7, с. 156].

В соответствии с аналогичными указаниями вместе с военной администрацией действовали и участвовавшие в нападении румынские войска. Они расстреливали выявленных ими коммунистов, комсомольцев, советских активистов, всех, кто казался им подозрительными. Так, на 3–4-й день после вступления 16 июля 1941 г. румынских войск в г. Кишинев из пулеметов было расстреляно 400 человек. В других городах и селах румынские захватчики действовали аналогично. Одновременно они занимались разграблением советской государственной собственности и личного имущества советских граждан. Вся сельскохозяйственная продукция была объявлена румынской военной администрацией собственностью румынского государства. Хлеб, крупный рогатый скот изымались у крестьян для снабжения румынской армии.

После оккупации Бессарабии и Северной Буковины и переноса военных действий за Днестр в Румынии была развернута пропаганда, которая была призвана оправдать притязания ее правящей клики на захват части советской территории между Днестром и Бугом. Эта территория стала официально называться «древней румынской областью» – Транснистрией. При этом утверждалось, что «даже и Одесса была создана румынами». 19 августа 1941 г. диктатор Антонеску издал декрет об установлении румынской гражданской администрации между Днестром и Бугом и назначил наместником в Транснистрии профессора Г. Александру задолго до того, как советские войска отошли за Буг и 16 октября оставили Одессу. В ходе наступления к Бугу и на Одессу румынские войска осуществляли так же, как в Бессарабии и Буковине, террор против мирных советских граждан, занимались разграблением советского государственного имущества и имущества населения захваченных городов и сел.

Румынские правители, рассчитывая на скорое падение СССР, спешили укрепить свою власть на захваченных территориях. В начале сентября 1941 г. в Бухаресте был опубликован декрет о статусе и устройстве Бессарабии и Буковины. Наместники этих объявленных провинциями Румынии земель генерал Войкулеску и генерал Калотеску стали именоваться губернаторами. В обеих этих провинциях было вновь введено действие

законодательства королевской Румынии. В качестве официальной валюты был утвержден румынский лей.

Однако включить Транснистрию, объявленную также губернаторством, в состав своего государства румынскому правительству не удалось из-за противодействия более сильной Германии. В соответствии с соглашением, подписанным 30 августа 1941 г. между представителями немецкого и румынского командования, Румыния получила лишь немецкий мандат на осуществление временной «администрации и экономической эксплуатации» территории между Днестром и Бугом. Тем не менее, И. Антонеску после подписания этого соглашения дал указание губернатору Транснистрии Александру «действовать так, будто власть Румынии установлена на этой территории на два миллиона лет» [7, с. 242].

Включение в состав Румынии Бессарабии и Северной Буковины, а также решение вопроса о временном статусе Транснистрии сопровождалось усилением террора против всех противников диктаторского режима маршала И. Антонеску. В соответствии с директивой румынской генеральной дирекции полиции от 18 августа 1941 г. и по распоряжению Антонеску от 14 сентября 1941 г., в Бессарабии и Буковине осенью проводились аресты бывших депутатов союзных республик, коммунистов, комсомольцев, а также «подозреваемых» в нелояльности «жителей русской национальности и всех тех, кто служил при большевиках». В ходе этих карательных акций в Бессарабии было выявлено 14 579 коммунистов и 6 285 «подозреваемых», в Транснистрии – 19 381 коммунистов и «подозреваемых». Все они были расстреляны. Выявление и уничтожение подозреваемых продолжалось. В конце апреля 1942 г. «все те, кто сотрудничал с большевиками и занимал при них должности» и не были еще убиты, были отправлены в концлагеря, в которых они уничтожались. Только в одном из таких лагерей в совхозе «Богдановка» Деманевского района находилось 55 тыс. советских граждан, 52 тыс. из них были расстреляны, а 2 тыс. сожжены в бараках [15, т. 2, с. 47].

Не поддающееся учету множество мирных жителей на занятой Румынией советской территории арестовывалось и подвергалось тюремным заключениям только за то, что в их доме находили старые советские газеты, портреты советских руководителей, за то, что они осмеливались выражать свое негативное отношение к румынским властям и их германским союзникам, оказывали помощь советским военнопленным, уклонялись от призыва на службу в румынскую армию. Преследованию подвергались даже те, кто носил красную одежду, напомилавшую о советских красных флагах и родители тех молодых людей, которые при советской власти не запрещали своим детям вступать в комсомол. В Бессарабии

и Буковине оккупантами было запрещено говорить в общественных местах на любом языке, кроме румынского. Нарушители, говорившие на русском языке, карались тюремным заключением. Румынская политическая полиция усматривала в стремлении населения говорить по-русски его «предпочтение советскому режиму». За подобного рода «преступления» только в Транснистрии полицией было отдано под суд 30 344 человека [7, с. 259].

Под лозунгом «румынизации» захваченной советской территории велась настоящая охота на еврейскую часть населения. Только в Бессарабии осенью 1941 г. было ограблено и брошено в гетто и лагеря около 80 тыс. евреев – мужчин, женщин, стариков и детей. 25 тыс. из них были преднамеренно убиты в пути при выселении в Транснистрию. Не меньше евреев было ограблено и брошено в гетто и лагеря в Буковине. Многие из них были убиты, а 75 тыс. человек выселены в лагеря за Днестр. Почти все они погибли от расправ, голода, холода и болезней. Лишь немногие из них дожили до освобождения Красной Армией [Там же, с. 265, 269, 270].

Решив таким образом «еврейскую проблему» в Бессарабии и Буковине, румынские власти приступили к ее решению в губернаторстве Транснистрия. По приказу И. Антонеску от 16 декабря 1941 г. там только за один месяц – с 12 января по 12 февраля 1942 г. – из Одессы и ее окрестностей в лагерь Березовского уезда оккупантами было отправлено 30 714 человек.

По германскому образцу румынские власти решали и «цыганскую проблему». До конца 1942 г. в лагеря Транснистрии было согнано из Румынии и оккупированных ею Бессарабии и Буковины более 25 тыс. мужчин, женщин и детей из цыганских семей, где они гибли в результате варварского обращения. Тех из них, кто бежал из этих лагерей смерти, румынская полиция подвергала аресту и, по приказу И. Антонеску, возвращала «в кандалах вместе с семьями в Транснистрию». В 1943 г. планировалось переселить туда еще 18 тыс. цыган. Это намерение было сорвано наступлением Красной Армии.

Во время вторжения финнов с конца июня по начало декабря 1941 г. вглубь советской Карелии ее мирное население в основной своей массе (около 430 тыс. человек) эвакуировалась в Беломорск, Вологодскую, Архангельскую, Молотовскую, Кировскую и Свердловскую области, а также в республику Коми. Под финской оккупацией осталось 85,7 тыс. человек. Из них около 44 тыс. были русскими, 39 тыс. – финнами, карелами и вепсами, а остальные других национальностей [1, с. 232–233, 238].

По отношению к этому населению финское политическое и военное руководство проводило политику, которая строилась на расчете, что после победоносного окончания войны советская Карелия будет присоединена к Финляндии. Советских карелов, финнов и вепсов оно рассчитывало перевоспитать в духе лояльных граждан будущей «Великой Финляндии», а русскую часть населения переселить с согласия гитлеровского правительства в Россию, после того как она будет захвачена Германией. Отношение финской военной администрации к русским было враждебным. Примерно половина их (22 тыс. человек) была заключена в концентрационные лагеря, где они находились на положении военнопленных. В этих концлагерях в 1942 г., по финским данным, только от голода умерло 3,5 тыс. человек. Положение остальной части русского населения было не намного лучше. Их насильственно переселяли в отдельные от карелов деревни и держали там под неусыпным контролем. Они гораздо хуже, чем остальная часть населения, снабжались продовольствием. За одну и ту же выполняемую работу они получали гораздо меньшую заработную плату. С карелами же финские оккупанты заигрывали, пытаясь представить себя «освободителями». Карелам было разрешено брать для обработки земельные участки, которые, согласно обещаниям оккупантов, после разгрома СССР должны были перейти в их частную собственность. Тех карелов, которые выражали свое недовольство оккупационным режимом, помещали в специально созданный для них концентрационный лагерь [1, с. 234].

Жестокость финской оккупационной политики, особенно по отношению к русской части мирного населения, вызывала возмущение и протест в странах антигитлеровской коалиции. Однако эта политика оставалась практически неизменной до осени 1943 г., т.е. до тех пор, пока финское руководство под влиянием побед Красной армии на советско-германском фронте окончательно не убедилось в нереальности плана создания «Великой Финляндии». С тех пор оно постепенно стало отказываться от политики разделения населения оккупированной Карелии по национальностям. Тем не менее, ко времени выхода Финляндии из войны на стороне Германии в сентябре 1944 г. в концлагерях оставалось еще до 15 тыс. мирных русских граждан [Там же].

Библиографический список

1. В семье единой. Национальная политика большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е гг. Петрозаводск, 1958.
2. Война Германии против Советского Союза. 1941–1945: Документальная экспозиция. Берлин, 2000.

3. Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942 / Пер. с нем. М., 2004.
4. Дюков А.Р. За что сражались советские люди. М., 2007.
5. Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в СССР, 1941–1944 / Под ред. Г. Горцка и К. Штанга. М., 2005.
6. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М., 2004.
7. Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: Истоки, планы, реализация (1.IX.1939–19.XI.1942). Кишинев, 1981.
8. Мадайчик Ч. Существует ли синхронность между «Генеральным планом Ост» и «окончательным решением еврейского вопроса»? // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. / Пер. с нем.; Под ред В. Михалки. М., 1996. С. 671–680.
9. Мировые войны XX века: В 4 кн. / Рук. проекта О.А. Ржешевский. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2005.
10. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1945) / Пер. с нем. М., 1974.
11. Ни давности, ни забвения: По материалам Нюрнбергского процесса / Под ред. Л. Смирнова. М, 1985.
12. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. I–II. М., 1954.
13. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 7 т. Т. III. М., 1958.
14. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. М., 1997. Т. 3, 7.
15. Одесса в Великой Отечественной войне Советского союза: Сб. документов и материалов. Одесса, 1950. Т. 2.
16. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера / Пер с нем. М., Смоленск, 1993.
17. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944: Документы и материалы / Сост. З.И. Белуга, Н.И. Каминский, А.Л. Мананенко и др.; Под ред. П.П. Липило, В.Ф. Романовского. 2-е изд. Минск, 1965.
18. Семиряга М.И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
19. Тоталитаризм в Европе XX века: Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Драбкин Я.С., Дамье В.В., Шубин А.В. и др.; Рук. авт. колл. Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова. М., 1996.
20. Фогт М. Откровения в ожидании победы // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем.; Под ред. В. Михалки. М., 1996. С. 503–512.
21. Штрайт К. Советские военнопленные – массовые депортации – принудительные рабочие // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем.; Под ред. В. Михалки. М., 1996. С. 589–600.
22. Эренбург И.Г. Война, 1941–1945: Ст. / Сост., предисл., коммент. Б.Я. Фрезинского. М., 2004.
23. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4.
24. Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1975. Bd. 2.
25. Die tödliche Utopie: Bilder. Texte. Dokumente zum Dritten Reich / Hrsg. von H. Möller, V. Dahm und H. Mehring unter Mitarbeit von A.A. Feiber. München, 2001.

26. Madajczyk Cz. Deutsche Besatzungspolitik in Polen, in der UdSSR und den Ländern Südosteuropas // Deutschland. 1933–1945: Neue Studien zur nationalistischen Herrschaft / Hrsg. von K.-D. Bracher, M. Funke, H.A. Jacobsen. Bonn, 1992.
27. Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Vertrauliche Aufzeichnungen über Unterredungen mit Vertretern des Auslandes 1939–1941. 2 Bd. / Hrsg. von A. Hillgruber. Frankfurt/M, 1967. Bd. 2.

А.Г. Афанасьев

Суицид как форма протеста: из истории реакции чехословацкого общества на ввод войск в Прагу в 1968 году

На основе архивных и других материалов рассматривается вопрос о реакции чехословацкого общества на ввод военных сил в Прагу, о распространении и деятельности на территории ЧССР нелегальных и антисоветских организаций, агитационной и протестной политике чехословацкой молодежи. Особое внимание в статье уделено самосожжениям Яна Палаха и Яна Заица в контексте изучения мотивов их поступков и вопроса существования некой инициативной группы.

Ключевые слова: Пражская Весна, Ян Палах, Ян Заиц, Бланка Нахазелова, Коммунистическая партия Чехословакии, самосожжение, самоубийство как протест, Манифест молодого поколения, философский факультет Карлова университета в Праге.

*Самоубийство – мольба о помощи,
которую никто не услышал.*

Р. Алеев

В конце августа 1968 г. закончилась Пражская весна, обозначившая попытки внутривластных и общественных структур проводить политику так называемого «социализма с человеческим лицом». На протяжении восьми месяцев внутри Коммунистической партии Чехословакии (далее – КПЧ) сначала назревали, а потом и происходили активные идеологические изменения, в том числе и под давлением ряда средств

массовой информации и нелегальных организаций (преимущественно антисоциалистической направленности), стремящихся к внедрению демократических свобод. С их стороны в самый разгар Пражской весны звучали призывы даже к коренному изменению политической системы в целом: созданию частных предприятий, отказу от плановой системы и резкому ослаблению цензуры [18, с. 58–66]. Такие идеи нашли горячий отклик в чехословацком обществе. Обещания исправить ситуацию, данные Кремлю первым секретарем ЦК КПЧ Александром Дубчеком, не подтверждались реальными действиями. КПЧ, в свою очередь, практически лишилась политического веса в стране. В сложившейся ситуации советским партийным руководством было осуществлено решение о вводе войсковых подразделений стран, входящих в Организацию Варшавского Договора, в Чехословакию (в ночь с 20 на 21 августа 1968 г.). Московский протокол, подписанный между партийными лидерами двух стран Л.И. Брежневым и Александром Дубчеком в конце августа 1968 г., фактически закладывал фундамент для последующего отказа от реформ, проводимых КПЧ в период Пражской весны, возобновлял цензуру и легализовал временную дислокацию советских войск на территории ЧССР. Некоторой уступкой со стороны Советского Союза явилось снятие «обвинения» в контрреволюции в рядах КПЧ [14, с. 441–442].

Таким образом, в ЧССР посредством военного вмешательства был остановлен реформенный процесс, но не общественный резонанс. Августовские дни 1968 г., несомненно, оставили определенный отпечаток на отношении большей части чехословацкого общества к Советскому Союзу. В особенности – к советскому солдату, который в представлении многих являлся олицетворением оккупации. Весьма символичным в этом смысле выглядит последующее появление большого количества песен и стихов патриотического плана. Одна из таких – «Уходи домой, Иван» – была написана композитором Йозефом Вомачкой. Да и само присутствие советских войск в чехословацких городах являлось постоянным источником непрерывного общественного напряжения [6, с. 181]. Изменилось отношение и ко всему советскому в целом. Люди по-прежнему ходили в театры, концертные залы на чехословацкие и советские постановки. Но все это выглядело как некий необходимый ритуал, не имеющий ничего общего со временем, например, начала 1960-х гг., когда к дням советско-чехословацкой дружбы относились преимущественно с ответственностью и искренностью [19, с. 343–344]. После событий августа 1968 г. на людей, приезжающих из СССР, как правило, смотрели с опаской, недоверием и неким отчуждением, стараясь лишний раз не вступать в диалог. Это не было похоже на ненависть, скорее – на холодное равнодушие.

Необходимо признать, что идейная борьба в первые месяцы после крушения Пражской весны в Чехословакии не прекратилась, а, скорее, видоизменилась. Массовый открытый протест постепенно замещался внутренней агрессией и недоверием. В то же время для некоторых районов Чехословакии были по-прежнему характерны действительные акции протеста против советской оккупации, выражавшиеся в лучшем случае в распространении антисоциалистических листовок и лозунгов, представленных на стенах зданий, в худшем – в проведении различного рода провокаций [3, с. 957]. В первую очередь, такие проявления часто напрямую были связаны с активным влиянием нелегальных организаций. Таковых в ЧССР на начало октября 1968 г. значилось около двухсот. В основном они представляли собой разрозненные объединения, входившие ранее в «Клуб беспартийных активистов» («КАН») и «К-231». Часть из них обладала оружием и по-прежнему вела активную пропаганду, направленную против политики КПЧ и результатов московских соглашений [16, с. 240]. Представляется, что подобного рода организации к тому моменту несколько изменили тактику своих действий, переходя от открытых выступлений к конспиративным методам работы (так называемому «моральному террору») [4, с. 290]. Не последнюю роль играли некоторые чехословацкие СМИ, ставшие «рупором» антиоккупационных настроений.

Между тем, очевидным становился тот факт, что ни негативное отношение к Советскому Союзу (как к оккупанту), ни действия радикальных организаций, а также ряда СМИ, уже не вызовут такого широкого общественного резонанса, который был характерен для весны-лета 1968 г. Дело в том, что важным подспорьем реформенного процесса периода Пражской весны было активное участие в этих событиях части партийной номенклатуры. Говоря иначе, тогда процесс зарождался сверху. К началу 1969 г. уже КПЧ являет собой гаранта процесса нормализации, обозначенного Кремлем как временного явления, необходимого для стабилизации политической и общественной обстановки в ЧССР. В этих условиях сторонникам демократических реформ политической опоры в лице партии ждать не приходилось. В результате этого и других факторов, приблизительно к началу 1969 г. напряженность общественной обстановки в целом несколько снизилась. Вероятно, в общественной среде Чехословакии произошло осознание того факта, что советские войска в стране останутся надолго и Пражская весна 1968 г. безвозвратно ушла. Некоторые разочаровались полностью, иные потеряли интерес к активному участию в общественной и политической жизни, стараясь сосредоточиться на собственной карьере и семейной ячейке (некоторые психологи обозначают такой феномен понятием «оккупационного

стресса»). Открытые политические дискуссии и различного рода антисоветские провокации становятся уделом нелегальных организаций и представителей молодого поколения.

Именно молодежь, в первую очередь, в лице студентов, будет играть заметную общественно-агитационную роль не только в Чехословакии, но и других странах мира. В этом смысле 1968 г. в целом представляется знаковым, обозначенным не иначе как год «молодежной революции». Идеиные выступления во Франции, США, Мексике были неразрывно связаны со студенческими кругами. Именно тогда стало очевидно, что молодежное движение, на первый взгляд, неуправляемое, может являться не только проводником тех или иных идей, но и представлять собой реальную политическую силу. В своей книге «1968. Год, который потряс Мир» журналист и историк Марк Курлански пишет следующее: «...Молодое поколение ощущало себя ни на кого не похожим и отделенным от всего остального мира и отвергало власть в любых ее формах...» [9, с. 9]. Безусловно, чехословацкая молодежь по своему мировоззрению и действиям отличалась, например, от французской. Но тенденция к попытке повлиять на общественное устройство и власть была общей.

Еще начиная с 1968 г. значительная часть представителей молодого поколения в ЧССР оказывала поддержку антисоветским силам, что выражалось в негативном или равнодушном отношении к КПЧ. Были нарушены принципы построения и деятельности молодежных организаций, заложенные еще в 50-х гг. XX в. Фактически был ликвидирован Чехословацкий Союз Молодежи, взамен которого появилось порядка 60 новых самостоятельных организаций, по большей части придерживающихся антикоммунистических настроений [5, л. 69–71]. Одними из самых активных были расположенные в Праге ЮНАК и «Скаут» (входили молодые люди до 18 лет) [15, с. 308]. Основой их деятельности являлись пропаганда западного образа жизни и распространение листовок антисоветского характера. После ввода войсковых подразделений армий стран Организации Варшавского Договора и подписания Московского протокола 26 августа 1968 г. ситуация практически не изменилась. Так, согласно информации о положении в ЧССР от 3 сентября 1968 г., в рядах среднего и особенно молодого поколения обозначилась отрицательная позиция к подписанию совместного коммюнике в Москве [6, с. 181].

Представители молодого поколения играли заметную роль в попытках «оживления» протестных настроений и с начала 1969 г., уже в условиях зарождавшейся нормализации политической и общественной обстановки. Более того, молодежь, представленная в первую очередь студенческими кругами, использовала новые, радикальные методы протеста –

акты самосожжения (а также другие виды суицида). «Расцвет» такого рода инцидентов относится как раз к периоду зимы-весны 1969 г. Всего за данный отрезок зафиксировано более 29 попыток самоубийства (включая людей старшего поколения) [22]. Самый известный подобного рода случай в студенческих кругах, произошедший в ЧССР, связан с именем двадцатилетнего студента философского факультета Карлова университета в Праге Яна Палаха. 16 января 1969 г. он устроил акт самосожжения на Вацлавской площади непосредственно напротив здания национального музея. Спустя три дня Палах скончался в одной из больниц [Там же]. По воспоминаниям знавших его близко людей, он не страдал психическими расстройствами и являлся убежденным сторонником марксизма, что не мешало ему весной 1968 г. поддерживать идейное направление Пражской весны.

Сразу после смерти Яна Палаха произошло еще восемь самоубийств. Например, 20 января сжег себя Й. Главаты, а 22 января – М. Малинка [23]. Выступление Л. Штроугала (на тот момент председателя Бюро ЦК КПЧ по руководству партийной работой в чешских областях) на активе Народной милиции, состоявшемся в Праге 24 января 1969 г., сообщает нам об еще одном случае суицида: о молодой студентке из Праги, которая, находясь дома, умышленно отравила себя газом [1, л. 10]. К сожалению, Л. Штроугал не сообщает ее имени. Но, сопоставляя различные материалы, мы приходим к выводу о том, что речь, вероятно, идет о Бланке Нахазеловой, которая действительно отравила себя газом 20 января 1969 г. [12, с. 405; 23].

Наконец, 25 февраля 1969 г. в день 21-ой годовщины Февральского коммунистического переворота в Чехословакии поступок Я. Палаха повторил восемнадцатилетний студент Ян Заиц. Он был родом из небольшого моравского города Виткав. Во дворе дома номер 39 на Вацлавской площади он облил себя бензином, выпил кислоту и поджег себя. Горящим он попытался выбежать на площадь, но, сделав несколько шагов, упал замертво [22].

Мы представили лишь несколько случаев, связанных с самоубийствами среди чехословацких студентов в 1969 г. Каковы мотивы людей, совершивших подобного рода протесты? Реальна ли принадлежность вышеуказанных молодых студентов к некой инициативной группе? Вызвали ли их поступки глубокий общественный резонанс внутри ЧССР? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Наиболее изученным является протест Яна Палаха. Дело в том, что в портфеле, который он намеренно оставил на тротуаре у здания музея, были обнаружены письма, в одном из них сообщалось следующее:

«...Поскольку наши народы на краю отчаяния и покорности, мы решили выразить наш протест и пробудить совесть народа. Наша группа образована из добровольцев, готовых сжечь себя ради общих требований. Так как мне выпала честь вытащить первый номер жребия, я воспользуюсь своим правом написать первое письмо и стать первым человеческим факелом. Мы требуем отмены цензуры и запрета Zpravu (журнал войск стран Организации Варшавского Договора. – *А.А.*). Если наши требования не будут удовлетворены в течение пяти дней, до 21 января 1969 г., и если наш народ не окажет достаточной поддержки этим требованиям в виде генеральной и бессрочной забастовки, загорится еще один факел» [20]. Таким образом, политическая основа поступка молодого студента стала известна практически сразу. Как видно из текста, требования Яна Палаха выглядят весьма скромно, по сути, это отмена цензуры и ослабление советской пропаганды. На наш взгляд, основной мотив записей просматривается в самом начале, где говорится о некоем протесте в контексте пробуждения народной совести. Таким образом, Я. Палах своим поступком выражал не только требования и протест против присутствия в стране советских войск (эти мысли подтверждают другие письма Я. Палаха), но и попытку «оживления» чехословацкого общества, находящегося в состоянии инертности и подавленности в условиях зарождавшейся стабилизации.

Ян Заиц и Бланка Нахазелова также оставляли заранее заготовленные письма. Первый в своем послании (обнародованным, правда лишь в 1989 г.), как и Ян Палах, правда, избегая конкретных требований, взывал к «совести» чехословацкого народа, призывая к борьбе против «оккупационного режима» и проведению забастовок [22]. Свои письма Ян Заиц в первую очередь адресовал редакциям крупных газет и видным политическим деятелям.

Письмо молодой девушки несколько выбивается из контекста вышеуказанных, т.к. не несет в себе конкретных призывов. В нем по большей части констатируется тот факт, что поступок студентки связан не с ее личными убеждениями, а с неким принуждением со стороны третьих лиц [1, л. 10], в связи с чем более подробно оно будет рассмотрено нами в дальнейшем.

Одним из самых спорных остается вопрос о принадлежности этих и других лиц к каким-либо инициативным группам антисоциалистической направленности, протестующих тем или иным образом. Это могли быть как указанные выше нелегальные организации, так и молодежные и студенческие объединения. Существовала ли так называемая «группа Палаха»? Ответ на этот вопрос до сих пор не является очевидным.

В газете «Комсомольская правда» от 30 января 1969 г. появилась статья под названием «Провокаторы и их жертвы», где утверждалось, что Ян Палах входил в группу из 15 человек, члены которой поклялись принести себя в жертву по очереди [8]. В то же время расследование, проводимое чехословацкой полицией, наличие такой группы не выявило. Кроме того, умирая, Я. Палах просил больше не устраивать таких акций и не жертвовать собой [11]. Нам в этой связи интересной представляется информация о том, что являл собой Карлов университет (в особенности философский факультет, где обучался Я. Палах) в плане идеологической направленности профессуры. Следуя сведениям отдела КГБ при СМ СССР от 2 ноября 1968 г., в период Пражской весны студенты именно философского факультета «...проявляли наибольшую контрреволюционную активность...», что отчасти было связано со спецификой профессорско-преподавательского состава [15, с. 305]. Даже к концу 1968 г. вышеуказанный факультет, несмотря на незначительные кадровые перестановки и наличие преподавательского состава, в целом «...не склонного к политическим авантюрам...», все же еще имел в своих рядах сторонников правого оппортунизма и ревизионизма (Ф. Червинка, Ф. Кавка, З. Карник, З. Оливова, Л. Когуш и др.) [7, л. 147–148]. Могли ли они оказывать определенное воздействие на студентов, которые, в свою очередь, могли являться некой инициативной ячейкой? Такой вариант не исключен.

Но все же главным источником информации в этом вопросе являются письма, оставленные Я. Палахом. В одном из них, приведенным нами выше, упоминалось о том, что есть молодые люди, готовые продолжить его начинания, а сам себя он называл «факелом номер 1». Неслучайной представляется и «крайняя» дата, обозначенная Я. Палахом для выполнения обозначенных им требований, – 21 января. По мнению чешского историка Павла Блажека, именно в этот день должны были совершить акт самосожжения другие члены так называемой «группы Палаха» [17]. Большой интерес представляет и другое письмо, адресованное тогдашнему лидеру студентов Л. Голечеку (с которым, предположительно, Ян Палах лично знаком не был). В нем Я. Палах сообщает о том, что «...ни одна самоличная акция студентов не вызовет требуемый резонанс...», предлагает захватить здание радио и оттуда передавать призывы к генеральной забастовке с требованием отмены цензуры и в защиту Й. Смирковского, являвшегося ярким сторонником реформ периода Пражской весны [2]. В конце письма важное дополнение – «...Январь 68 начался сверху, январь 69 может начаться снизу» [Там же]. Нам представляется, что такой призыв революционного характера вряд ли мог являться результатом сугубо

индивидуальных суждений молодого студента Карлова Университета. Да и осуществить такую операцию без слаженных, заранее оговоренных действий также было невозможно.

После 1989 г. историки обнаружили прощальное обращение Яна Заица, в котором он называет себя «Факелом № 2». Но в этом случае мы не можем основательно рассуждать о принадлежности Яна Заица к некоей инициативной группе, т.к. в его письмах не содержится упоминаний подобного рода. Возможно, что Яна Заица вдохновил протест Яна Палаха и он уехал в Прагу, где сначала принял участие в голодовке, объявленной студентами в знак поддержки требований Палаха, а затем совершил акт самосожжения.

Несколько иной характер носит записка молодой студентки Бланки Нахазеловой. В ней она сначала сообщает о том, что была втянута в отряд «факельщиков», которые вслед за Яном Палахом должны были осуществить самосожжение в разных городах. Далее, обращаясь к родным, пишет следующее: «Поверьте, то, что я сделала, я сделала не по убеждению, меня к этому принудили. У меня не было такой безумной отваги, как у Яна Палаха. Поэтому я умираю таким образом, это немного легче, но для меня это очень жестоко – так хочется жить... Когда ровно в 8.30 раздастся тройной гудок черного “Мерседеса”, я опущу занавеску и открою газ...» [1, л. 10].

Данная цитата указывает на тот факт, что отнюдь не все протестные самопожертвования, присущие чехословацкой молодежи в период зимы-весны 1969 г., основывались на добровольных началах. Отсюда и отсутствие в письме каких-либо призывов и требований. Возможно, что некоторые отдельные случаи самоубийства выходили за рамки студенческих инициатив, а являлись этапом тщательно спланированной акции, направленной на дестабилизацию политической и общественной обстановки в ЧССР в условиях зарождавшейся нормализации.

Безусловно, вопрос, связанный с существованием «группы Палаха» или ей подобной, требует более детального изучения. В рамках данной статьи мы можем говорить скорее о наличии неких инициативных молодежных и студенческих ячеек, объединенных общей идеей и общими методами протеста против «оккупации» собственной страны и последующим общественным бездействием.

Здесь также необходимо отметить, что протесты подобного рода были характерны не только для молодежных кругов. Первый известный нам случай произошел в Польше 8 сентября 1968 г. (до поступка Яна Палаха). В этот день на стадионе во время Праздника урожая в присутствии нескольких тысяч граждан, включая представителей политической

элиты, польский бухгалтер Рышард Сивец совершил акт самосожжения, таким образом выступая против ввода в Чехословакию армий стран Организации Варшавского Договора. Спустя четыре дня он скончался в возрасте 59 лет. Таким же образом в апреле 1969 г. в городе Йиглава закончил свою жизнь сорокалетний житель ЧССР Эвжен Плоцек. Но об этих случаях чехословацкому обществу практически ничего известно не будет вплоть до 1989 г.

Как же чехословацкое общество в целом отреагировало на протесты Яна Палаха и его последователей? Мы можем утверждать, что поступок Яна Палаха вызвал в обществе глубокое потрясение. Чехи и словаки в первую очередь были шокированы мучительным способом самоубийства, который он избрал. В дискуссиях нередко высказывалась мысль о том, что эта форма протеста привнесена из другой культуры. В те времена она могла связываться с ситуацией во Вьетнаме, где, начиная с 1963 г., буддистские монахи частыми самосожжениями протестовали против религиозной политики сайгонского режима. Чешская писательница Эва Кантуркова считает, что поступок Я. Палаха вызвал скорее «восхищение и страх». По ее словам, чехословацкое общество, «парализованное» подписанием Московских протоколов, было уже неспособно к массовым выступлениям [21]. Не все верили, что ситуацию в стране можно изменить. И все же известно, что похороны студента Яна Палаха, на которых присутствовало около 600 тыс. человек, переросли в демонстрацию, охватившую многие районы Праги и другие города. По сути, чешская общественность собирала последние силы для того, чтобы превратить похороны Палаха во всенародный траур, но бесконечная «усталость» привела к тому, что вместе с ним были похоронены и его идеи. Мало кто вспомнил и о требованиях, выдвинутых Я. Палахом в своем письме (отмена цензуры и закрытие газеты «Zpravy»). Также в виде небольшой демонстрации прошли похороны Я. Заица. О самоубийствах Б. Нахазеловой, Э. Плоцека и многих других жители Чехословакии узнают только после 1989 г. Последним крупным общественным выступлением в ЧССР стали события конца марта 1969 г., произошедшие в Праге, Братиславе, Оломоуце, Градец-Кралове и других городах. Волнения не в последнюю очередь были обусловлены победой чехословацкой хоккейной сборной над советской [13, с. 148]. Лишь после этих событий стало понятно, что всякое сопротивление теряет силу.

Своеобразным итогом акций протеста Яна Палаха стало появление тезисов «Манифеста молодого поколения», опубликованных в феврале 1969 г. и представляющих собой описание ряда причин внутреннего кризиса в ЧССР и пути выхода из него. Решение авторами «Тезисов»

просматривается в замене бюрократической власти властью демократической, при условии сохранения социально-экономических основ социализма. Этот документ лишний раз говорит о том, что чехословацкие молодежные организации в 1969–1970 х гг. были в достаточной степени еще сильны и организованны, являясь неким проводником идей «Пражской весны» и после завершения последней [16, л. 10–15].

В 1971 г. Густав Гусак станет Генеральным секретарем ЦК КПЧ. Процесс нормализации вступит в свою основную фазу. В руководстве КПЧ наступит застой: состав ЦК и Политбюро почти не изменится с 1971-го по 1989-й год, а чехословацкое общество окончательно впадет в длительную «спячку».

Мнения о поступках Я. Палаха и его последователей до сих пор расходятся. Большинство жителей Чехии и Словакии считает протест молодого студента героизмом и большим подвигом, относя Я. Палаха к числу национальных героев. Часть людей выражает мнение о том, что лучше было бы выступить активно, но не заканчивать жизнь самоубийством [17]. Мертвый вряд ли может что-нибудь изменить. Так или иначе, до сих пор в Праге ежегодно проводятся акции памяти и так называемые «недели Палаха» [23]. А на Вацлавской площади установлен памятник Яну Палаху и Яну Заицу.

Самоубийства молодых людей в ЧССР в начале 1969 г. представляют собой отдельный, еще не до конца изученный феномен. В тот момент, когда чехословацкое общество в своем большинстве практически смирилось с действительностью стремительно развивающегося процесса нормализации политической и общественной обстановки, на авансцену вышли представители молодого поколения, преимущественно студенты. Они протестовали и раньше, но так радикально – впервые. В этой связи самосожжения Яна Палаха и Яна Заица в ряду других подобных случаев выглядят наиболее подготовленными и осознанными, ориентированными на усиление общественного резонанса. Вопрос о существовании так называемой «группы Палаха» остается открытым. Но, вероятно, студенческие инициативные объединения действительно существовали и находились в некоторой зависимости от радикальных и нелегальных организаций, а также от идеологических воззрений профессуры, например, философского факультета Карлова университета в Праге.

Библиографический список

1. Выступление тов. Л. Штроугала на активе Народной милиции // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 61. Д. 49.

2. Две пражские выставки, посвященные самосожжениям зимы 1969 года. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1492565.html> (дата обращения: 11.11.2011).
3. Записка Комитета госбезопасности при СМ СССР «О деятельности контрреволюционного подполья в Чехословакии» // Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС / Сост. Л. Величанская, Т. Джалилов, М. Кишкина, М. Прозуменщиков. М., 2010. С. 942–970.
4. Записка Председателя КГБ Ю.В. Андропова в ЦК КПСС о подготовленной по просьбе «немецких и польских друзей» информации о деятельности контрреволюционного подполья в ЧССР // Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР: Сб. документов / Сост. Зданович А.А., Лашкул В.Ф., Моруков Ю.Н., Тотров Ю.Х. М., 2010. С. 288–293.
5. Записки, информация отдела местных партийных органов, совпосольств, ЦК ВКЛСМ и ВЦСПС со справками сектора профсоюзных и комсомольских органов об общегосударственной учредительной конференции Социалистического союза молодежи ЧССР // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 62. Д. 33.
6. Информация о положении в стране от 3.09.1968, подготовленная отделом информации Западно-Чешского обкома КПЧ и полученная органами военной контрразведки советских войск // Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР: Сб. документов / Сост. Зданович А.А., Лашкул В.Ф., Моруков Ю.Н., Тотров Ю.Х. М., 2010. С. 178–185.
7. Информация о состоянии чехословацкой историографии, составленная небольшой группой чехословацких историков-интернационалистов во главе с заместителем ректора Института истории стран Восточной Европы тов. Вацлавом Кралем // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 61. Д. 49.
8. Исторические чтения. После самосожжения. URL: <http://www.temadnya.ru/spravka/16jan2004/3563.html> (дата обращения: 11.11.2011).
9. Курлански М. 1968. Год, который потряс мир. М., 2008.
10. Мальханова И. Служение. URL: <http://readr.ru/inna-malhanova-slughenie.html?page=7#> (дата обращения: 11.11.2011).
11. Патлатия Е. История Чешского радио: Ян Палах. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/istoriya-cheshskogo-radio-yan-palax> (дата обращения: 11.11.2011).
12. Постановление Политбюро ЦК КПСС «Об информации Индиры Ганди по вопросу о последних событиях в Праге» // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Документы / Гл. ред. Н.Г. Томилина, С. Карнер, А.О. Чубарьян. М., 2010. С. 404–406.
13. Прозуменщиков М. Скользкий лед «Пражской весны», или О роли спорта в истории советско-чехословацких отношений // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Ст., исследования, документы / Гл. ред. Н.Г. Томилина, С. Карнер, А.О. Чубарьян. М., 2010. С. 137–155.
14. Ругенталер П., Кноль Х. Московские «переговоры» // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Ст., исследования, документы / Гл. ред. Н.Г. Томилина, С. Карнер, А.О. Чубарьян. М., 2010. С. 429–447.
15. Справка Особого отдела КГБ при СМ СССР 20 гвардейской армии от 2 ноября 1968 года о положении в Праге // Чехословацкие события

- 1968 года глазами КГБ и МВД СССР: Сб. документов / Сост. Зданович А.А., Лашкул В.Ф., Моруков Ю.Н., Тотров Ю.Х. М., 2010. С. 302–312.
16. Справка, составленная сотрудниками Особого отдела о беседе с чехословацкими коммунистами т. Спал и Полачек и высказанных ими мнениях // Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР: Сб. документов / Сост. Зданович А.А., Лашкул В.Ф., Моруков Ю.Н., Тотров Ю.Х. М., 2010. С. 238–246.
 17. Фиштейн. Е. Прага вспоминает Яна Палаха. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/Article/481015.html> (дата обращения: 11.11.2011).
 18. Хроника событий в Чехословакии. Развитие политической ситуации (июнь 1967 – октябрь 1968) // Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР: Сб. документов / Сост. Зданович А.А., Лашкул В.Ф., Моруков Ю.Н., Тотров Ю.Х. М., 2010. С. 58–66.
 19. Шинкарев Л.И. Я это все почти забыл...: Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. М., 2008.
 20. Ян Палах, 16 января 1969. URL: <http://marchenk.livejournal.com/177170.html> (дата обращения: 11.11.2011).
 21. Ярошевская Е. Поступок Палаха вызвал в обществе восхищение и страх. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/postupok-palaha-vyzval-v-obshchestve-vosxishchenie-i-strax> (дата обращения: 11.11.2011).
 22. 40 лет назад студент Ян Заиц совершил акт самоожжения на Вацлавской площади в Праге. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/Transcript/1499368.html> (дата обращения: 11.11.2011).
 23. Jan Palah. URL: http://ortografia4.appspot.com/wiki/Jan_Palah (дата обращения: 11.11.2011).

В.В. Бушуев, В.В. Титов

Национально-государственная идентичность в современном мире и роль исторической политики в ее формировании (теоретико-методологический анализ)

Статья посвящена проблеме изучения взаимосвязи национально-государственной идентичности и «исторической политики» на основе анализа базовых теоретических подходов к проблеме идентичности, сформировавшихся в конце XX – начале XXI вв. В рамках статьи существенное внимание также уделяется теоретико-методологическому осмыслению потенциала «исторической политики» как механизма трансформации (коррекции) макрополитических самоидентификаций в условиях интенсивного развития «информационно-сервисных» и сетевых контуров современного мира.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, историческая политика, конструктивизм, макрополитические идентичности, воображаемые сообщества, паттерны самоидентификации.

Одной из актуальных проблем современной политической науки выступает изучение соотношения «исторической политики» и национально-государственной идентичности в условиях многомерных политических (глобальных, макрорегиональных, политико-культурных) трансформаций политико-идентификационных ландшафтов современного мира. При этом историческая политика все чаще рассматривается как действенный механизм модификации или «корректировки» базовых паттернов национально-государственной идентичности (таких, как массовые представления о прошлом, оценка национальных перспектив в контексте предшествующей истории и т.д.).

Следует отметить, что проблематика осмысления роли «исторического фактора» в системе национально-государственной идентичности пользуется широким научным интересом в мировой и российской политической науке. Она затрагивается в многочисленных трудах зарубежных ученых: Э. Хобсбаума, Т. Рэйнджера, П. Нора, Б. Андерсона, Э. Смита, Э. Геллнера, Э. Балибара, И. Валлерстайна, Г. Люббе, М. Кастельса, У. Бека, Э. Гидденса, С. Хантингтона, М. Бернала, Г. Найта, Дж. Ван дер Леу, Ю. Шеррера, А. Михника и ряда других исследователей. Они указывают, что процессы формирования идентичностей в современном мире необходимо рассматривать в их сопряженности с национальной историей и политикой, проводимой государствами.

Например, немецкий ученый Г. Люббе дает следующее образное описание генетической взаимосвязи «истории» и «идентичности»: «идентичность – это ответ на вопрос о том, кто мы такие. Только в тех случаях, когда некто уже знает о нас ... ему достаточно сообщить наше имя, чтобы он понял, кто мы такие. Во всех остальных случаях требуются дополнительные сведения. И карточка идентичности представляет этот минимум дополнительных сведений о месте рождения, возрасте и месте жительства. В своей совокупности эти сведения образуют, как нетрудно заметить, некоторую историю. Эта история составляет нашу идентичность, и с ее помощью нас идентифицируют» [10, с. 38].

Э. Смит, подчеркивая роль исторического фактора в процессе становления национальной идентичности, отмечает: «нациям необходимо обращаться к мифам и прошлому, чтобы оправдать свое отличие, подтвердить свою коллективную “индивидуальность” в каждом поколении через ритуалы, церемонии, политические мифы и символы, искусство и историю» [16, р. 67].

И.Н. Тимофеев предлагает в числе возможных подходов к осмыслению национальной идентичности ее историческую интерпретацию, в рамках которой она трактуется как «совокупность представлений о прошлом политического сообщества, об исторических событиях, значимых для граждан и осознания ими своей политической общности», которая «во многом выступает объектом конструирования политическими и интеллектуальными элитами» [12].

Следует отметить, что в российской политической науке и близкой к ней интеллектуальной среде сложилась своеобразная традиция контекстуального «упоминания» государства при рассмотрении тех или иных исследовательских вопросов, связанных с национально-государственной идентичностью. Как правило, государство (или «власть», «элиты» и т.д.) называется в числе множества разнородных факторов, влияющих на

процессы ее формирования. При этом о тесной взаимосвязи «исторической политики» и динамики национально-государственной идентичности говорят представители диаметрально противоположных политических и научных взглядов. Как те общественные деятели, которые считают, что будущее России связано с политической либерализацией и дальнейшим форсированием исторической политики «десоветизации» общества, так и их оппоненты, уверенные, что «“переосмысление истории” – способ стирания российской идентичности нашими конкурентами» [4].

Среди многообразия отечественных исследований, затрагивающих проблему национально-государственной идентичности, ее взаимосвязь с государством и историей, можно особо выделить труды О.Ю. Малиновой, Т.В. Евгеньевой, Л.М. Дробижевой, В.А. Тишкова, В.А. Ачкасова, Р.Г. Абдулатипова, О.В. Поповой, Ю.Г. Волкова, А.Л. Янова и других авторов.

Потребность проработки данной научной тематики (которая остро обозначилась в 90-е гг. XX в.) была обусловлена признанием учеными факта глубокого социального кризиса, неустойчивости и внутренней разбалансированности находившейся на тот момент в транзитном состоянии и в процессе институционализации политической системы «новой России». При этом исследователи подчеркивали, что кризисные явления не ограничились институциональной сферой. Они также затронули социокультурные паттерны политической организации общества, свидетельством чему явились дефицит доверия к ключевым политическим акторам, ценностный и символический «вакуум» политического пространства, резкий рост уровня конфликтности политических практик [5].

Исследуя роль исторической политики в процессах формирования национально-государственной идентичности, необходимо дать определения соответствующим понятиям. Под государственной исторической политикой мы понимаем систематизированную, целенаправленную деятельность национальных политических элит, управляемых ими политико-административных структур и сотрудничающих с государством общественных организаций по формированию (конструированию) и поддержанию определенных исторических представлений в обществе и на внешнеполитической арене.

Более детального анализа заслуживает проблема систематизации подходов к пониманию национально-государственной идентичности, опираясь на которые можно решить задачу формулирования приемлемого ее определения. В политической науке сформировался обширный спектр диспозиций, сквозь призму которых современные ученые могут рассматривать идентичность (и «национально-государственную идентичность», в частности) как научную проблему. В ракурсе данной работы особого

внимания заслуживают три типа таких диспозиций: психологического, социологического (включая этносоциологические концепции) и макрополитического (геополитического, политико-философского, цивилизационного) характера.

Наиболее актуальными объяснительными концептами, олицетворяющими психологический взгляд на национально-государственную идентичность, являются психоаналитический и социально-психологический подходы. К социологическому направлению могут быть отнесены примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский подходы. Макрополитическое понимание природы современных идентичностей интегрирует многочисленный и крайне неоднородный спектр геополитических, геоэкономических, геокультурных и цивилизационных теорий. Кроме того, новые тенденции научного анализа идентичности, ярко проявившиеся в первом десятилетии 2000-х гг., позволяют говорить о поэтапном становлении контуров обособленной разновидности макрополитического подхода – «глобалистского конструктивизма». Он рассматривает проблематику национально-государственных идентичностей в их взаимосвязи с феноменом информационно-сервисной цивилизации, с процессами политической, информационной и социокультурной глобализации начала XXI в. [1–3; 8; 13].

Существенным эвристическим потенциалом для понимания взаимосвязи исторической политики и национально-государственной идентичности представляет психологический подход. В рамках психоаналитической традиции (Г. Ласуэлл, Э. Фромм, Э. Эриксон, Дж. Марсиа и др.) идентичность рассматривается как структурная целостность «Я», которая органически аккумулирует «способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [15, с. 26]. Таким образом, психоанализ и экзистенциальная психология рассматривают идентичность не только как статическую установку («самость»), но и как многоуровневую динамическую конфигурацию, имеющую в своей основе эпигенетический характер – взаимосвязь предшествующих стадий трансформации «Я» и текущих ролевых установок человека.

Представители социально-психологического направления (Г. Теджфелл, Д. Тернер, Р. Браун и др.) акцентируют внимание на групповых идентификациях, устанавливаемых в процессе вовлечения личности в систему многочисленных социальных взаимодействий. «Человек социальный» в такой интерпретационной схеме оказывается носителем множества социальных ролей и связанных с ними функций, и, как следствие, обладает гетерогенной структурой идентичностей, идентификационной «матрицей», которая задает паттерны социального и политического поведения личности.

Исследователи, работающие в русле психологического понимания идентичности, акцентируют внимание на двух крайне существенных, на наш взгляд, аспектах. Во-первых, они подчеркивают комплексный сложноорганизованный характер идентичности, ее взаимосвязь с целостностью структуры личности [15]. Во-вторых, идентичность рассматривается как многосоставный (включающий в себя множество ролей) эволюционирующий психологический феномен, развитие которого связано с процессами социализации личности и социальной коммуникации [6; 7; 17]. Поэтому очевидно, что эффективная историческая политика, нацеленная на формирование национально-государственной идентичности, должна носить дифференцированный и эластичный характер. Первое свойство предполагает наличие широкого спектра государственно-управленческих механизмов, избирательно применяемых и сообразующихся со спецификой конкретного социального (политического, возрастного, территориального и т.д.) сегмента, который является «целевой аудиторией» исторической политики. Качество эластичности подразумевает, что конструируемый «национально-государственный» тип идентичности должен быть органично вписан в уже сложившуюся «матрицу» иных социальных идентификаций личности, стимулировать укрепление уже существующих социальных связей и структур.

Макрополитический подход ориентирован на анализ процессов формирования геополитических и цивилизационных особенностей самоидентификации государства как субъекта мировой политики. Его истоки находят свое отражение в многочисленных исторических школах и исследованиях, посвященных «миссии» той или иной нации, цивилизации в глобальном масштабе. В основании таких мессианских концепций, как правило, лежала идея разделения мира на «своих» и «чужих» в различных их культурных, теофилософских или геоструктурных измерениях (цивилизация – варвары, носители божественной идеи – отступники, центр мира – окраина и т.д.). В XX в. все более весомую роль в макрополитических подходах стали играть проблемы геополитических и цивилизационных (геокультурных, конфессиональных, несколько позже – геоэкономических) размежеваний современного мира. Указанные размежевания рассматриваются учеными в качестве системы координат, в поле которых происходит «самоопределение» (самоидентификация) государств как субъектов мировой политики.¹

¹ К наиболее часто упоминаемым в российской политической науке концепциям таких макро-расколов можно отнести дихотомию «Запад-Восток», «столкновение цивилизаций» С. Хантингтона, концепции мир-системного анализа, с недавнего времени – «цифровой разрыв» и «нетократию» (Э. Тоффлер, М. Кастельс, А. Бард, Я. Зодерквист и др.)

Проблема самоидентификаций современного государства в мировом политическом пространстве получила свое освещение в трудах К. Боулдинга, З.А. Жаде, И.Ю. Киселева, А.Г. Смирновой и некоторых других исследователей. Внешнеполитическая идентичность как результат геостратегического или «цивилизационного выбора» анализируется в работах А.Л. Янова, С.Б. Переслегина, В.Л. Цымбурского, А.Г. Кара-Мурзы.

При всех разночтениях указанных теоретических разработок, нам представляется возможным выделить четыре базовых положения, которые с одной стороны, присущи большинству макрополитических концепций, а с другой – актуальны в контексте проводимого нами исследования.

Во-первых, важный фактор, влияющий на идентификационный выбор государства в макрополитическом масштабе (его внутри- и внешнеполитический курс), – это ранее сложившиеся, обусловленные предшествующим социально-историческим развитием особенности политической культуры конкретного общества.

Во-вторых, существенный аспект макрополитической самоидентификации современных государств – это особенности самоидентификации «управляющего класса», т.е. национальных политических элит. В частности, их исторические (в том числе – представления о своем месте в истории), политические, культурные представления и модели поведения.

В-третьих, выбор «идентичности» государством в современном мире серьезным образом ограничен рядом внутренних и внешних «независимых» параметров. К внутренним ограничениям, помимо указанных выше исторических и политико-культурных особенностей обществ – в целом и управляющих ими политических элит – в частности, может быть отнесен широкий спектр ситуационных факторов (например, экономическая зависимость государства от внешних акторов; политические настроения, доминирующие в обществе и т.д.). Внешние ограничения могут иметь как объективные основания (например, интересы других акторов мирового политического процесса, конкретные военно-политические конфигурации, сложившиеся в регионе), так и весомую субъективную составляющую (например, исторически устоявшееся восприятие конкретного государства как «врага», образ «тоталитарного» или «несостоявшегося» государства, лимитрофного, транзитного и т.д. пространства). В силу этого, в начале третьего тысячелетия резко возрастает роль исторической аргументации как ресурса самопозиционирования на международной арене и исторической политики как одного из функциональных направлений внешней политики государств.

Социологический подход сконцентрирован на изучении внутренних особенностей формирования идентичности крупных социоисторических и социетальных общностей – этносов, наций, стратов. Его развитие на современном этапе неразрывно связано с теориями национализма и «политической нации», а также осмыслением потенциала конструирования макросоциальных (национальных, гражданских и т.д.) идентичностей, в том числе – посредством воздействий государства на массовые исторические представления, бытующие в обществе.

Примордиалистские теории «извлекают» идентичность из внутренней, генетической сущности этноса. Некоторые из них особо подчеркивают системообразующий характер и первичность идентификационной составляющей по отношению к этнической общности. В этом случае этничность рассматривается как групповая идентичность, производная от имманентного человечеству социального инстинкта коллективности и «легитимизируемая» посредством представлений об общем происхождении и специфичности своей культуры. Соответственно, этнос выступает как носитель такой идентичности [14]. На наш взгляд, важное методологическое значение данного научного направления состоит в том, что теории примордиализма, минимизируя (часто фактически отрицая) возможности конструирования идентичности и ее использования в инструментальных политических целях, тем не менее, еще раз косвенно подчеркивает именно ее историческую природу, имманентный характер по отношению к этносу. И, тем самым, актуализируют вопрос об «эластичности» национально-государственных идентичностей в современном мире, уровнях их восприимчивости к различным политико-управленческим воздействиям, прежде всего, информационно-психологического характера.

Ученые с конструктивистским взглядом (Э. Хобсбаум, Э. Геллнер, Б. Андерсон, В.А. Тишков и др.) говорят о «изобретении традиций» и формировании «воображаемых» сообществ, признавая, таким образом, возможность эффективного политико-управленческого влияния на динамику и структуру национально-государственной идентичности со стороны властных структур, связанных с ними групп интересов. Важно отметить, что указанное положение является существенным элементом теоретических оснований данного исследования, поскольку позволяет рассматривать идентичность как политический объект, восприимчивый к воздействиям управляющей подсистемы, прежде всего – разнообразных властных акторов. Ряд исследователей связывают государственный интерес к истории о все более отчетливо вырисовывающимися контурами глобальных трансформаций макросоциальных и макрополитических идентичностей в современном мире, которые нередко носят

дисфункциональный и конфликтогенный характер, являются отражением кризисных тенденций в эволюции современной системы международных отношений [3; 13]. Квинтэссенцией такого взгляда на «точку пересечения» проблем идентичности и государственной исторической политики в современном мире является мнение, высказанное украинским исследователем Г. Касьяновым: «если попытаться определить некую общую причину – почему именно так активизировалась историческая политика, то я бы это связал с общим кризисом идентичности во всем мире. И этот кризис идентичности связан с тем, что происходит глобальный кризис – глобальный конфликт между тем, что называется культурным глобализмом и национальными идентичностями в разных странах» [9]. Поэтому государство, конкурируя на «рынке идентичностей» с иными акторами, предлагающими «альтернативную» палитру локальных, региональных и транснациональных идентификаций, вынуждено систематически обращаться к ресурсу исторической аргументации.

По нашему мнению, наиболее эвристически продуктивным теоретическим основанием исследования национально-государственной идентичности в контексте исторической политики является конструктивистский подход, его современные «политические» версии, представленные в трудах М. Кастельса, О.Ю. Малиновой, Т.В. Евгеньевой.

Центральная роль конструктивистского подхода в осмыслении специфики взаимодействия этих двух проявлений социальной реальности может быть объяснена двумя ключевыми предпосылками. Во-первых, он предполагает рассмотрение идентичности как результата конструирования, а историческая политика, согласно выработанному нами определению, есть «целенаправленная деятельность по конструированию» исторических представлений. Во-вторых, в рамках теорий конструктивизма особое внимание уделяется смысловым и символическим элементам идентификации. В том числе и тем, которые имеют историческую генетику, «извлечены» из недр «коллективной памяти» общества.

Опираясь на теоретические послы современного конструктивизма, мы считаем возможным использовать в качестве базового определение идентичности, сформулированное М. Кастельсом. Он интерпретирует идентичность как «процесс конструирования индивидуального значения на основе какого-либо культурного признака или связанного набора культурных признаков, которым отдается предпочтение над другими источниками индивидуального значения» [8, с. 32]. Исследователь выделяет три вида идентичности. Первый вид – легитимирующая идентичность – связан «с непосредственной рационализацией социальным актором при-

надлежности к доминирующим социальным институтам». «Идентичность сопротивления» представляет собой механизм сохранения самости в окружении «чужих», доминирования иных идентификационных императивов. «Проектирующая идентичность» в наибольшей степени отражает конструктивистский потенциал социальных и политических акторов, является продуктом целенаправленного формирования (конструирования). Безусловно, одним из ключевых субъектов такого конструирования в современном мире выступает государство. А механизмом – осуществляемая им историческая политика [8]. Нетрудно заметить, что первые два типа идентичности, описываемые Кастельсом, рассматриваются им с точки зрения их функциональной природы, через призму функций «легитимации» и «сопротивления». «Проектирующий» тип идентичности представляет собой более сложную, двойственную конструктивистско-инструментальную композицию. С одной стороны, он характеризуется функциональным свойством «проектирования» социальной реальности посредством «инструмента» идентичности. С другой – идентичность сама выступает как объект проектирования (конструирования). При этом подчеркивается, что конструируемая идентичность также имеет сложную природу. Во-первых, она есть процесс и результат «конструирования» социально-политических «значений». Во-вторых, это конструирование протекает не в социальном вакууме, а опирается на «культурный признак», т.е. на существующий в обществе набор разнообразных социально-исторических предпосылок.¹

Основываясь на «двойном» понимании природы социально-политической идентификации в современном мире, можно определить национально-государственную идентичность как «результат конструирования» социально-политических смыслов и их интериоризации в общественное сознание. При этом важно отметить, что сам процесс конструирования (формирование проектирующей идентичности) ориентирован не на единичный культурный признак, а на множественность социальных оснований и схем (социокультурных паттернов), в том числе исторического характера. В данном понимании национально-государственная идентичность современных обществ есть продукт «политики идентичности», в структуре которой можно выделить историческую составляющую.

¹ О важности исторических и социокультурных предпосылок в процессе конструирования национально-государственной идентичности говорят Э. Хобсбаум, Б. Андерсон, Т.В. Евгеньева, И.Н. Тимофеев и ряд других исследователей.

Опираясь на теоретические разработки в области «политики идентичности»¹ (И. Гофман, М. Кейс, Дж. Фридмен, Б. Лаффэн, О.А. Филиппова, Ю.Г. Сорока, И.Н. Тимофеев и др.), можно заметить, что «историческая политика» и «политика идентичности» в современных плоскостях находятся в сложных «пересекающихся» конфигурациях взаимодействия. Каждое из двух данных направлений не может полностью интегрировать другое, т.к. «историческая политика» шире в функциональном плане и включает в себя также деятельность по исторической аргументации внешнеполитических инициатив и внутривнутриполитической легитимации конкурирующих субъектов властных отношений. В свою очередь, политика идентичности «шире» исторической политики в темпоральном ракурсе. Она может предполагать процесс целенаправленного отождествления не только с сюжетами «из прошлого» (или имеющими реминисцентную генетику), но и с «днем сегодняшним», с динамичными, не имеющими выраженных исторических контекстов социальными статусами повседневности. И наконец, с «образом будущего», который может быть абстрагирован от исторических представлений общества (или олицетворять «разрыв» с ним).²

Опираясь на современные концепции политического конструктивизма, мы можем сформулировать алгоритм «исторической политики идентичности» (рис. 1). Указанная схема нуждается в ряде пояснений. Во-первых, идентичность в рамках данного подхода интерпретируется нами двойственно: и как продукт государственной «политики проектирования», и как инструмент, проектирующий политическую реальность, «задающий» основополагающие паттерны ее эволюции. В связи с этим, перед нами очерчивается своеобразный феномен «проектируемой – проектирующей» идентичности, дуальной структуры, которая выступает и как результат исторической политики, и как ее своеобразное «продолжение» – инструмент воздействия на массовое политическое сознание.

¹ О.А. Филиппова и Ю.Г. Сорока определяют политику идентичности как «совокупность идей и действий, направленных на обретение стабильного статуса в структуре социальных отношений, целенаправленная деятельность за право на имя в структуре легитимных номинаций, а, следовательно, – в структуре легитимных ресурсов». При этом «политики идентичностей, вследствие множественности агентов, стратегий и привлекаемых ресурсов, создают основание инвариантности, множественности проектов идентичностей».

² Однако следует отметить, что, как правило, разрыв с прошлым не означает «мораторий» на его переоценку, а протекает в острой конфликтной форме.

Рис. 1

Во-вторых, естественно, что в современных условиях использование исторической политики для управления идентичностью не является «привилегией» государства. Сегодня этот инструмент могут успешно мобилизовывать для решения собственных задач разнообразные политические акторы субнационального и транснационального характера.

В-третьих, «значения», о которых говорит М. Кастельс, наиболее часто рассматриваются современными исследователями в когнитивном ракурсе, как эквиваленты «смыслов». Такой подход представляется несколько однобоким ввиду того, что современные концепции идентичности признают существенную роль иррациональной (прежде всего, эмоциональной) составляющей в процессе формирования политических идентификаций в современном мире. Не менее важный аспект «функционирования» макроидентичности (включая национально-государственные идентичности) – это ее способность к репрезентации собственного когнитивного и эмоционального содержания через доступные знаковые системы. Поэтому, говоря об исторической политике как инструменте формирования идентичности, следует также особое внимание уделить «проектированию» символического поля самоидентификации.

В-четвертых, национально-государственная идентичность только частично является продуктом всего комплекса «исторических политик» (как государства, так и иных заинтересованных политических акторов). Немаловажно, что в ее основании лежат сформировавшиеся на более ранних этапах, объективно существующие социокультурные паттерны,

которые задают «пределы конструирования» идентичности. Подчеркивая значимость «объективной» составляющей, И.Н. Тимофеев пишет: «политика идентичности ограничена культурными и этническими традициями, политическим контекстом, конструктами идентичности, уже созданными в прошлом» [12].

При этом социокультурные паттерны могут серьезно воздействовать на национально-государственную самоидентификацию «стихийным» образом, составляя тем самым «конкуренцию» официальной истории. Поэтому государственная историческая политика по формированию национально-государственной идентичности, проводимая в современных условиях, как правило, не может претендовать на эксклюзивность и осуществляется в турбулентной социально-информационной среде. Причем «конкуренция» носит двойной характер. «Стихийными» конкурентами выступают циркулирующие в массовом сознании фрагменты коллективной исторической памяти, не соответствующие в полной мере официально-государственным версиям истории и способствующие периодическим (особенно в условиях социально-политических кризисов) «ренессансам» тех или иных макроидентичностей. «Целевыми» конкурентами являются транснациональные и субнациональные (этнические, региональные, локальные) субъекты, продуцирующие альтернативные территориально-политические идентификации.

Всплеск интереса к научному осмыслению взаимосвязи между историей и национальным самосознанием (идентичностью) в российской политической науке пришелся на рубеж тысячелетий и был связан, в первую очередь, с завершением жизненного цикла советской политической системы и вызванного этим «кризиса идентичности». Указывая на масштабность последствий распада СССР для самосознания в одночасье ставших «бывшими» советских граждан, О.Ю. Малинова пишет: «одной из проблем, с которой российское общество столкнулось после распада СССР, оказался комплекс социальных и ментальных сдвигов, определяемый как “кризис идентичности”. Важно подчеркнуть, что этот кризис был обусловлен не только необходимостью переосмысления представлений о “Нас” с учетом новых географических, политических и социальных границ, но и острыми идеологическими конфликтами, которыми это переосмысление сопровождалось» [11].

Т.В. Евгеньева определяет сущность «кризиса идентичности» через деструктивную тенденцию распада ценностно-смыслового и символического фундамента социальных отношений, сопровождающегося появлением множества субституциональных («замещающих») идентичностей. Основным результатом такого «замещения» – территориаль-

ная фрагментация российского политического пространства и усиление социально-политических размежеваний между различными сегментами общества. Она констатирует, что преодоление последствий такого кризиса – крайне сложный и болезненный процесс, который предполагает переосмысление базовых социокультурных императивов функционирования политической системы, трансформацию политических представлений граждан о государстве, национальной истории и своем месте в ней. При этом Т.В. Евгеньева выделяет две типичные тенденции психологической реакции россиян на «кризис идентичности». Первая – «отчуждение от большого социума», ориентация на бытовые проблемы повседневности, «жизнь одним днем». Второе направление представляет собой полную противоположность первому. Это обращение к некими «высшим» ценностям, воспринимаемым чаще всего в упрощенной, стереотипизированной форме, придающим внешнюю осмысленность ежедневному существованию [5]. При этом подчеркивается, что в «условиях социокультурного кризиса современный человек готов отказаться от собственной индивидуальности в обмен на чувство защищенности, безопасности, которое дает реальное или мифологическое слияние с группой» [5, с. 29]. Говоря о взаимосвязи политической идентичности человека с историей, ее ключевыми сюжетами, Т.В. Евгеньева указывает, что в массовых политических представлениях существует так называемый образ «золотого века» – темпоральная модель «идеального прошлого», являющаяся, по существу, культурно-психологическим фундаментом строительства общенационального «образа будущего» [Там же].

Анализируя опыт преодоления последствий постсоветского «кризиса идентичности» в 1990-е – начале 2000-х гг., рассматриваемый в трудах Л.М. Дробижевой, Т.Г. Стефаненко, Т.В. Евгеньевой, И.Н. Тимофеева, представляется возможным выделить четыре базовые политико-культурные модели такого преодоления. Первая модель – локализация, «замыкание» человека на микросоциуме и «сжатие» социально-политического времени («жизнь одним днем»). Вторая модель – «возвращение к истокам» – связана с ренессансом архаических политических представлений или этнического самосознания. Третья модель – «символический перенос» – попытка хотя бы поверхностного (на уровне политико-риторических формул) самоотождествления локализовавшегося сообщества с «воображаемым аналогом», который декларируется в качестве абстрактного «образца для подражания» локальных политических элит. Четвертая модель предполагает «реконструкцию» национально-государственной идентичности, ее смысловых и символических оснований. В этом случае особая роль принадлежит именно исторической

политике государства, которое, интегрируя «осколки» предшествующей модели идентификации граждан и мобилизуя конструктивистский потенциал национального исторического сознания (общие представления об истории), выстраивает «точки опоры» новой модели общенациональной идентичности.

Проведенный анализ показывает, что феномен идентичности рассматривается современной политической наукой в двух плоскостях: как одномерное состояние – результат процесса идентификации и как многомерная структура – интегрированный комплекс культурно-психологических элементов. Российские и зарубежные исследователи проблем идентичности, представляющие конструктивистское направление, акцентируют внимание на многообразии когнитивных и эмоциональных составляющих национально-государственной самоидентификации человека в современном мире. Суммируя эти составляющие, можно выделить:

- смыслы как базовые логико-объяснительные конструкты политической реальности;
- эмоции как фон, сопровождающий идентификационную динамику общества и деятельность политических субъектов по конструированию идентичностей;
- символы как конструируемые репрезентации национально-государственной идентичности;
- образы как интегративные когнитивно-эмоциональные объекты, на которые направлена идентификационная активность.

Следовательно, процесс реализации исторической политики по формированию национально-государственной идентичности может быть представлен как комплексная деятельность по «параллельному конструированию» ключевых элементов «идентификационной матрицы» общества (рис. 2).

На наш взгляд, «историческая политика идентичности» современных государств может быть охарактеризована как многоступенчатая целенаправленная деятельность по конструированию при помощи исторических сюжетов смыслового и символического полей национально-государственной самоидентификации, выступающих «точками опоры» ключевых идентификационных образов, с которыми ассоциирует себя общество.

Из представленной схемы (рис. 2) вырисовывается ряд специфических черт процесса государственно-исторического «воздействия» на идентичность. Во-первых, решение задач государственной «исторической политики идентичности» напрямую зависит от эмоциональных контекстов социальной динамики, существующих в обществе политических настроений, их возможных флуктуаций, а также наличия у государства ресурсов

и эффективных механизмов управления ими. Поэтому, осуществляя историческую политику идентичности, современное государство реализует ряд взаимосвязанных стратегий политического управления:

- стратегия управления социально-политическими эмоциями (эмоциональной атмосферой общества);
- стратегия управления политическими смыслами;
- стратегия управления политическими символами.

Реализуя указанные типы стратегий, государственно-политические акторы опосредованно воздействуют на имеющие сложную когнитивно-эмоциональную природу идентификационные образы, через обращение к которым происходит идентификационный выбор (массовая самоидентификация со «своей» нацией или государством).

Говоря о «параллельности» символического, смыслового и эмоционального воздействия на идентификационные паттерны социума, следует четко понимать взаимосвязанность этих трех компонентов в процессе реализации государственной исторической политики, которая органично вытекает из специфики психологической природы современных обществ.

Таким образом, можно констатировать, что историческая политика по формированию национально-государственной идентичности представляет собой целенаправленный процесс комбинированного воздействия на базовые (смысловые, эмоциональные, символические) компоненты кристаллизации идентификационных паттернов общества.

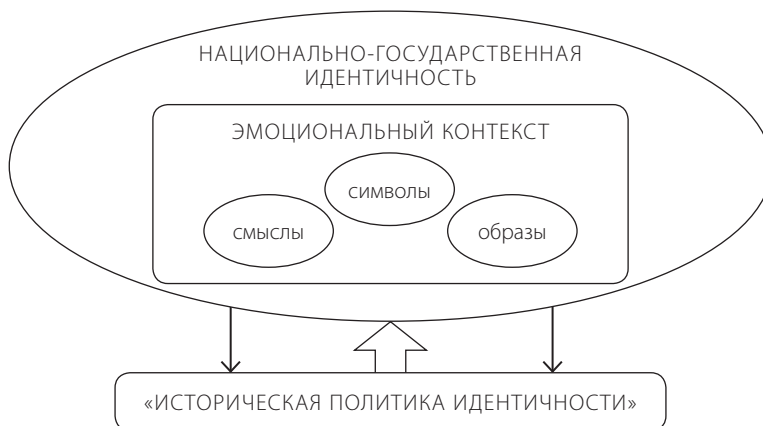

Рис. 2

Основываясь на результатах проведенного исследования, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, воздействие на процессы формирования национально-государственной идентичности является одной из системообразующих целевых функций исторической политики современных государств.

Во-вторых, в процессе конструирования («проектирования») национально-государственной идентичности властные акторы опираются на ранее сложившиеся социокультурные паттерны, учитывая, таким образом, широкий спектр «объективных» (не зависящих от интересов проектирующих субъектов) факторов, обусловленных предшествующим социоисторическим развитием общества.

В-третьих, государственная историческая политика идентичности предполагает целенаправленное воздействие управляющих субъектов (политико-административных акторов) на символично-смысловые паттерны идентификационной матрицы, которые имеют историческую природу, генетически связаны с сюжетами из прошлого. Указанное воздействие способствует формированию «субъективно-объективных» (обусловленных как государственной политикой, так и циркулирующими в социуме, ранее сложившимися историческим представлениями) идентификационных образов, с которыми ассоциирует себя общество или отдельные его сегменты.

В-четвертых, эффективность государственной исторической политики по формированию национально-государственной идентичности определяется ее эластичностью (гибкостью, способностью учитывать ранее сложившуюся систему массовых идентификаций), дифференцированностью и способностью ее акторов генерировать или поддерживать соответствующий эмоциональный климат в обществе, прежде всего – высокий уровень доверия к субъектам исторической политики.

В-пятых, следует особо сказать, что конструктивистская деятельность современных государств в сфере формирования национально-государственной идентичности осуществляется в конкурентной среде, в условиях существования масштабного информационно-политического «рынка идентичностей», в рамках которого представлен широкий спектр «альтернативных» социальных и политических (в том числе, территориально-политических) идентичностей локального, регионального и транснационального уровня.

Библиографический список

1. Бек У. Что такое глобализация. М., 2001.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003.

3. Гидденс Э. Ускользающий мир. М., 2004.
4. Делягин М.Г. «Переосмысление истории» – способ стирания российской идентичности нашими конкурентами // Forum.msk.ru. Открытая электронная газета. URL: <http://forum-msk.org/material/fpolitic/3386903.html> (дата обращения: 12.11.11).
5. Евгеньева Т.В. Культурно-психологические основания формирования образа «Другого» в современной России // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России / Отв. ред. Т.В. Евгеньева. М., 2004.
6. Евгеньева Т.В. Феномен политического сознания в ситуации социокультурного кризиса // «Новая» Россия: социальные и политические мифы: Материалы Российской межвузовской научн. конф. 26–27 ноября 1999 г. / Под ред. Т.В. Евгеньевой и др. М., 1999.
7. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2004.
9. Касьянов Г. Историческая политика активизировалась вследствие кризиса идентичности во всем мире // Взгляд из Одессы. Новости, мнения, аналитика. URL: http://od-news.com/index.php?option=com_content&task=view&id=18971&Itemid=2 (дата обращения: 12.11.11).
10. Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108–113.
11. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5–28.
12. Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: <http://perspektivy.info/print.php?ID=64421> (дата обращения: 12.11.11).
13. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
14. Чешко С. В. Человек и этничность // Экономические отношения. 1994. № 6. С. 35–43.
15. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1995.
16. Smith A. National identity and idea of European unity // International Affairs. Cambridge. 1992. Vol. 68. № 1. P. 67.
17. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // The psychology of intergroup relations. Chicago, 1986.

В.В. Егоров

Развитие нормативно-правовой базы государственной молодежной политики в период 2000–2008 гг.

В последнее десятилетие в России активно предпринимаются меры по созданию теоретической и правовой базы для проведения эффективной молодежной политики. В работе представлена эволюция и анализ актов и норм, непосредственно касающихся молодежи.

Ключевые слова: инновационный потенциал, молодежная политика, Федеральные целевые программы, концепция государственной молодежной политики, модель государственной молодежной политики, инновационный ресурс развития страны, стратегический подход, национальные проекты, кадровый потенциал молодежи.

Период общественного развития конца 90-х гг. XX в. обнаружил элементы кризиса политического режима. Объективно стоящие перед государством задачи этого периода в области молодежной политики – это задачи достройки, упорядочивания системы, ликвидации разрозненности структур и документов, определяющих и осуществляющих политику в молодежной сфере. Начался новый этап в истории страны, характерной чертой которого является комплексное развитие на базе инновационного подхода и модернизации общества.

Разработанная в 1990-х гг. модель молодежных программ была активно продолжена, и уже 27 декабря 2000 г. была принята федеральная целевая программа «Молодежь России (2001–2005 годы)». Реализуя эту программу, к 2004 г. удалось достичь некоторых положительных сдвигов в области патриотического воспитания, возрождения движения стройотрядов, поддержки молодежного предпринимательства, создания системы бирж труда и агентств занятости для молодежи, системы молодежных клубов и социальных служб, центров профилактики. Возросло число молодых людей, участвующих в деятельности общественных объединений. Однако по-прежнему главные молодежные проблемы в области жилья и трудоустройства решались, в основном, только на уровне разработки программ [11].

Укрепление государства, обеспечение его стабильного социально-экономического развития, построение правового и гражданского общества

требовали по-иному сформулировать подход к молодежи. Поэтому новая концепция государства в отношении молодежи основывалась на воспитании гражданина и патриота. Общая цель такого воспитания молодого человека – приумножение достижений общества в сфере духовной культуры. Все эти теоретические разработки получили одобрение принятием «Концепции государственной молодежной политики Российской Федерации». Концепция была принята в целях обновления основ молодежной политики, с учетом новой ситуации, сложившейся к 2001 г. [4, с. 168]. Молодежь была определена как объект национально-государственных интересов, как один из главных факторов обеспечения развития российского государства и общества. В «Концепции...» государственная молодежная политика была определена как внутренняя политика страны по регулированию отношений молодежи и государства, призванная поддерживать молодых людей, их привлечение к созидательному, активному участию в жизни общества.

Были определены субъекты, реализующие государственную молодежную политику – органы государственной власти, местного самоуправления, общественные объединения, физические и юридические лица, работодатели, которые проводят деятельность по созданию условий для образования и воспитания молодежи, ее развития.

Принятие Концепции обозначило новый подход в нормативно-правовом обеспечении молодежной сферы. Вместе с тем, органы исполнительной власти по отдельным направлениям молодежной политики продолжали закреплять ее нормативно в виде федеральных целевых программ. Такова, например, Программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» и ее последующее продолжение на период 2006–2010 гг. Программа предполагала осуществление долговременной стратегии развития общества в отношении патриотизма. Патриотическое воспитание тесно связано с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе». В связи с девальвацией культурных и духовных ценностей происходит падение престижа военной службы, а потому система патриотического воспитания предполагает формирование и развитие гражданственности и патриотизма у молодежи и других социальных групп общества [5].

Учитывая проблемную ситуацию в сфере обеспеченности молодежи жильем, Правительство Российской Федерации приняло решение об оказании государственной поддержки молодым семьям в приобретении и строительстве жилья. В 2001 г. была принята федеральная целевая программа «Жилище», в рамках которой существовала подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» [7, ст. 3770]. Программа должна была

осуществить построение системы государственной поддержки молодой семьи в решении жилищной проблемы, однако особенности социально-экономической ситуации в стране, состоящие в разнице между уровнем доходов и уровнем цен на жилье, не позволили добиться запланированного эффекта. Очевидно, что для осуществления в полной мере задачи по обеспечению жильем молодых семей необходимо изменение законодательства в вопросах приобретения и строительства жилья, внедрение новых механизмов субсидий, ссуд, ипотечных кредитов, которые были бы реально возможны для молодых граждан.

Вопросы физкультуры и спорта нашли отражение в распоряжении Правительства РФ №1507-р от 29 октября 2002 г., которое одобрило «Концепцию развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2005 года». Согласно концепции, основа и цель деятельности Государственного комитета спорта РФ – развитие деятельности детей и молодежи. Опираясь на опыт, который показывает эффективность физкультуры и спорта в противодействии асоциальному поведению молодежи, наркомании, алкоголизму и курению табака, концепция предлагала создание материальной, правовой и финансовой базы развития этой сферы деятельности. Среди приоритетов в области укрепления здоровья подростков и молодежи ставилась задача совершенствования мероприятий, направленных на развитие физической культуры, спорта и организацию досуга [4]. Дальнейшее развитие это направление получило в 2006 г. принятием Федеральной целевой программы по развитию физкультуры и спорта в РФ [6].

Попыткой создания глобального документа государственной молодежной политики стала «Доктрина государственной молодежной политики Российской Федерации» [1]. Проект Доктрины был нацелен на усиление эффективности государственной молодежной политики, наполнении ее новым смыслом и содержанием. Основная цель этой разработки – создание новой модели государственной молодежной политики в Российской Федерации, поскольку существовавшая система, формировавшаяся в течение последнего десятилетия, не отвечала масштабу задач, стоящих перед государством и обществом.

В целом анализ статистики и ситуации приводил к пониманию необходимости новых подходов к молодежной политике, что явилось основой для разработки масштабной программы молодежной политики.

В это же время отчетливо обозначилась проблема кризиса традиционных институтов социализации, их неспособность в полной мере осуществлять свои функции. Поэтому было предложено дополнить их инновационными формами при участии в этом процессе государства

и общества. Значимым моментом Доктрины был заложенный в ней принцип признания молодежи активной общественной силой и стратегическим инновационным ресурсом развития страны, а не людьми, нуждающимися в социальной опеке. Изменения происходили и в понимании зависимости национальной безопасности и обеспечения молодежной политики, что отражается в содержании этого документа. Из этой связи исходила и задача государственного контроля над процессами, происходящими в молодежной среде.

Проект доктрины был направлен на разработку стратегии государственной молодежной политики в противовес существовавшему подходу целевых федеральных программ сравнительно короткого срока действия.

Логическим продолжением проектного подхода стала разработка и принятие в 2006 г. распоряжением Правительства «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» [10] – документа, объединяющего опыт реализации программ и новый комплексный анализ молодежной политики. Стратегия определила государственную молодежную политику как систему формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах России и, следовательно, на социально-экономическое и культурное развитие страны, обеспечение ее конкурентоспособности и укрепление национальной безопасности.

Результатом анализа текущего состояния и наиболее острых проблем, требующих пристального внимания, стало формулирование тезиса о прямой взаимосвязи между активной гражданской и политической позицией молодежи и дальнейшего успешного пути страны в направлении реформ. На этом пути необходимо преодолеть: политические манипуляции и экстремизм, аполитичность молодых россиян, межнациональные проблемы, кризис семьи и в целом института брака, недоступность жилья для молодых семей, равно как и ипотеки для ее приобретения. Эти проблемы страна должна решить в ближайшее десятилетие на основе нового стратегического подхода к государственной молодежной политике.

К новым принципам стратегии следует отнести видение перспективы молодежной политики в неразрывном целом с развитием российского общества. Молодежи предлагалась максимальная самостоятельность в развитии творческого потенциала, что принципиально противоположно подходам предыдущих периодов в молодежной политике.

Впервые в практике государственных стратегий решение задач молодежной политики предполагается осуществлять на основе взаимодействия

государства со структурами гражданского общества с привлечением грантовых процедур.

Проекты, разработанные для реализации приоритетных направлений, обращены ко всей молодежи России и предполагают создание возможности для равного «старта», т.е. участия в них всех молодых людей независимо от их социальных и статусных показателей.

Стратегия представляла проектный подход к молодежной политике как единственно возможный, поскольку он основан на приоритетных направлениях, понятных и нужных самой молодежи. Акцентируя задачу молодежной политики как инструмента модернизации общества, стратегия одновременно ориентирует на прямое вовлечение молодых людей в решение собственных проблем и государственных задач.

Вместе с тем, отмечая несомненную новизну в подходах, проявившихся в стратегии, на наш взгляд, есть определенные моменты, требующие дополнительного осмысления.

1. Стратегия предполагала высокую степень самоорганизации молодежи как самой активной части общества. В настоящее время наблюдается скорее обратная картина в организации молодежи, и изменить ситуацию за десять лет (а именно на такой срок рассчитана стратегия) не представляется возможным.

2. Молодежь рассматривается как «ресурс», и в этом можно усмотреть некоторую связь с отношением к молодежи в советский период, когда к ней зачастую относились как к средству решения экономических задач.

3. Распоряжение правительства предписывает учитывать положения Стратегии при реализации молодежной политики и не более того, т.к. документ имеет рекомендательный характер для исполнительных органов власти.

4. Мероприятия Стратегии финансируются из трех источников: федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации и внебюджетных средств. Такое разнообразие может привести к диспропорциям, поскольку бюджеты субъектов Российской Федерации различны, не говоря уже о внебюджетных средствах.

5. За тезисами о самостоятельном решении своих проблем просматривается попытка переложить часть ответственности государства за формирование и благополучие молодого поколения на плечи самой молодежи. Подобная «самостоятельность» такая же, на наш взгляд, крайность, как и всеобъемлющая опека, осуществляемая в отношении молодежи со стороны государства в советский период.

Следует обратить внимание на то, что, помимо целевых программ, государством, начиная с 2006 г., осуществлялись национальные проекты,

которые, в той или иной мере, включали в себя решение вопросов молодежной политики. Программа приоритетных национальных проектов была сформулирована Президентом России В.В. Путиным 5 сентября 2005 г. на расширенном совещании с членами Правительства, руководством Федерального собрания и членами президиума Госсовета. В.В. Путин определил конкретные пути социальной политики страны до 2008 г. В качестве приоритетных направлений глава государства выделил здравоохранение, образование, жилье и сельское хозяйство, назвав развитие этих программ «Приоритетными национальными проектами» [9]. Проект «Образование» фактически полностью касался молодежи, а проекты «Здравоохранение» и «Жилье» – в значительной степени. В проекте «Сельское хозяйство» также говорилось о поддержке молодых фермеров, семей молодежи, закреплении их на селе.

Важной вехой в эволюции молодежной политики стало утверждение Правительством РФ Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [2]. Девятый раздел Концепции посвящен молодежной политике и имеет одноименное название. В документе более полно сформулирована цель государственной молодежной политики, которая заключается в создании условий для социализации и самореализации молодежи, развитии ее потенциала для использования в интересах инновационного развития страны.

Вместо включенности вопросов, касающихся молодежи, в различные сферы государственной деятельности, Концепция предлагает рассматривать молодежную политику как самостоятельное направление, осуществляемое на основе единства усилий всех институтов общества.

В 2008 г. начинают уделять внимание и вопросам кадрового обеспечения молодежной политики. Принимается концепция развития кадрового потенциала молодежной политики Российской Федерации [8].

Концепция определяет пути решения проблемы, используя методологические подходы, организационную работу и систему подготовки кадров, поскольку в настоящее время кадровый ресурс для проведения задуманных преобразований явно недостаточен.

Таким образом, современный этап развития нормативно-правовой базы государственной молодежной политики характеризуется пониманием руководства страны и общества в целом актуальных проблем молодежи, поиском оптимальных подходов к их решению, необходимостью доработки и разработки новых нормативных актов и долгосрочных программ. Этот процесс затрагивает не только молодежную политику, но и внутреннюю государственную политику в целом, являясь актуальной задачей формирования российской государственной политической системы.

Библиографический список

1. Доктрина Государственной молодежной политики Российской Федерации. Материалы рабочей группы // Региональный информационный центр. URL: <http://tiz.perm.ru/prgr/doc.doc> (дата обращения: 20.11.2011).
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.
3. Концепция развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2005 года // Теория и практика физической культуры. 2001. № 4. С. 2–8.
4. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации. 2000–2001 гг. М., 2002.
5. Постановление правительства Российской Федерации от 11 июля 2005 г. № 422 О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» // Росмолодежь. Федеральное агентство по делам молодежи. URL: <http://www.fadm.gov.ru/agency/reports/733/> (дата обращения: 15.10.2011).
6. Постановление Правительства РФ от 11 января 2006 г. № 7 «О федеральной целевой программе “Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы”» // Гарант. Информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/189071/> (дата обращения: 15.10.2011).
7. Постановление Правительства РФ от 17.10.2001 г. № 675 «О федеральной целевой программе “Жилище” на 2002–2010 годы», подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 39. Ст. 3770.
9. Путин В. Выступление на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/09/93296.shtml> (дата обращения: 15.10.2011).
10. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации // Молодежная политика Москвы: Сб. нормативных правовых актов / Сост. А.В. Гусев, А.А. Трунина. М., 2008. С. 17–23.
11. Федеральная целевая программа «Молодежь России (2001–2005 годы)»: эффективность и перспективы // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2004. № 31 (251).

А.Д. Эпштейн, А.Б. Кожевников

Территориальная целостность и нерушимость границ: гражданский активизм в тисках между историей и правом

По мнению авторов статьи, стремление подавить общественную полемику о возможных изменениях политико-правового статуса субъектов Российской Федерации и изменениях границ между ними, особенно в преимущественно исламских регионах (в Татарии, Башкирии, на Северном Кавказе), призвано желанием обеспечить гражданский мир. Вместе с тем, делегитимация любого обсуждения этих вопросов в принципе также является проблематичной, т.к. обязательные правовые нормы полностью противоречат и историческому опыту, в ходе которого численность субъектов Российской Федерации и их границы менялись многократно, и векторам общественного мнения. К тому же свободе выражения мнений наносится существенный урон, поскольку табуируется отстаивание позиций, каждая из которых разделяется достаточно большим числом граждан.

Ключевые слова: территориальная целостность, нерушимость границ, федерализм, сепаратизм, гражданский активизм, неправомерный антиэкстремизм, социология права, новейшая история России.

Как и у большинства государств мира, границы Российской Федерации сложились достаточно случайно. Руководители Советского Союза считали свою страну вечной, единой и неделимой, а потому не придавали большого значения тому, к какой республике формально относились те или иные районы. За время пребывания Российской Федерации в составе Советского Союза в 1922–1991 гг. ее территория менялась более двадцати раз: одни регионы передавались другим республикам, в частности, Белоруссии (части Витебской, Смоленской и Гомельской губерний – в марте 1924 г., Гомельский и Речицкий уезды – в декабре 1926 г.), Украине (часть Курской губернии – в октябре 1925 г.; Семёновская волость Гомельской губернии и Троицкая волость Воронежской губернии – в апреле 1926 г.; весь Крым – в 1954 г.) и Грузии (южная часть ликвидированной Карачаевской автономной области – в марте 1943 г.; южная часть Грозненского округа Ставропольского края, в прошлом – территория Чечено-Ингушской АССР, – в марте 1944 г.; в связи с восстановлением политических прав репрессированных народов 9 января 1957 г. эти

районы были возвращены в состав РСФСР). Другие, напротив, включались в состав России: из Украины (часть Донецкой губернии – в августе 1924 г.), Эстонии (район города Печоры – в августе 1944 г.), Латвии (Пыталовский район – в августе 1944 г.). 31 октября 1957 г. печорский железнодорожный узел Эстонской ССР (восточная часть Ряпинского района с деревнями Малая Кулиска, Ключи и Тамме) передан в состав РСФСР; взамен в состав Эстонской ССР были включены деревни Подмогилье и Пердага Псковской области РСФСР.

В момент создания Советского Союза в декабре 1922 г. в Российскую Федерацию входили территории всего нынешнего Казахстана (Казахская ССР была выведена из состава РСФСР в 1936 г.) и четырех других государств Центральной Азии, за исключением территорий бывшего Бухарского эмирата и Хивинского ханства. При этом граница между Российской Федерацией и Казахстаном 20 апреля 1956 г. была скорректирована: южная часть Джаныбекского района Западно-Казахстанской области Казахской ССР была передана в состав Владимирского района Астраханской области. 11 октября 1944 г. в состав СССР была включена Тувинская народная республика, которая вошла в состав РСФСР в качестве автономной области. До этого большая часть государств мира считали территорию Тувы частью Китая.

Заметный отпечаток на границы России оказала Вторая мировая война. После советско-финской войны 1939–1940 гг. в состав Российской Федерации вошла финская часть полуострова Рыбачий, а 19 сентября 1944 г. в состав РСФСР вошел район Петсамо (Печенгский район), до этого входивший в состав Финляндии. Целый ряд территорий, занятых у Финляндии, был изначально передан Карело-Финской ССР, образованной 31 марта 1940 г., однако после ее ликвидации 16 июля 1956 г. все они оказались в составе Российской Федерации (Выборгский и Кексгольмский районы были переданы в состав Ленинградской области РСФСР еще в 1944 г.). В соответствии с Потсдамским соглашением 1945 г. за СССР был закреплен уже де-факто существовавший к тому времени Кёнигсбергский особый военный округ, занимавший примерно треть бывшей Восточной Пруссии. 7 апреля 1946 г. на территории округа была образована Кёнигсбергская область в составе РСФСР, которая 4 июля того же года была переименована в Калининградскую. До 1991 г. Калининградская область была западным форпостом Советского Союза, однако после распада страны оказалась анклавом, не имеющим с Россией общей границы: путь туда лежит через территорию ставших независимыми государствами Белоруссии и Литвы; этот регион остается, однако, частью Российской Федерации.

В своих нынешних границах Российская Федерация возникла в результате распада Советского Союза. Никакие содержательные соображения – ни историко-культурные, ни этнодемографические – не играли практически никакой роли в определении границ страны, за пределами которых остались и «мать городов русских» Киев, и населенные преимущественно этническими русскими Восточная Украина, Северный Казахстан и Нарвский район Эстонии (ныне – округ Иду-Вирумаа).

Еще более подвижными были границы субъектов федераций: автономных республик и округов, краев и областей... Они создавались и расформировывались, объединялись и делились... В настоящее время в состав Российской Федерации входит 21 автономная республика, 1 автономная область, 4 автономных округа, 55 краев и областей и 2 города федерального значения, имеющие собственных руководителей, назначаемых непосредственно президентом страны. Для сравнения: в 1930 г. в состав РСФСР входили всего 11 автономных республик, в том числе находящиеся ныне за границей Казахская и Киргизская; 14 автономных областей, в том числе Кара-Калпакская (ныне – в составе Узбекистана); 3 национальных округа; 13 краев и областей.

Хотя как нынешние внешние границы России, так и внутренние границы входящих в нее субъектов являются во многом случайными, государственная власть рассматривает как преступление любое покушение на принципы «территориальной целостности» и «нерушимости границ». Конституция РФ отражает понятие «территориальная целостность» в положениях ч. 3 ст. 4: «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность территории». Как отмечал бывший в то время судьей Конституционного суда РФ Б.С. Эбзеев, вопреки распространенному мнению, норма об обеспечении Российской Федерацией целостности и неприкосновенности своей территории посвящена не только внешнеполитическому, межгосударственному, но и *внутригосударственному* аспекту суверенитета Российской Федерации [3].

Внутригосударственный аспект выражен в следующих положениях: в юридической невозможности уступки Российской Федерацией, ее органами и должностными лицами части территории России иностранным государствам; в запрете на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на нарушение целостности Российской Федерации; в обязанности органов государственной власти по принятию необходимых мер для охраны суверенитета России, ее независимости и государственной целостности, обороны страны, государственной безопасности; в невозможности выхода субъекта Российской Федерации из ее состава; в возможности «федеральной интервенции»

в случаях угрозы территориальной целостности, исходящей от субъекта Российской Федерации [9, с. 40].

В целом ряде законов («О безопасности», «О военном положении», «О статусе военнослужащих», «О Государственной границе Российской Федерации», «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации») говорится о защите территориальной целостности России от возможных покушений со стороны *внешних* сил, и здесь, в общем, все очевидно. Куда больший исследовательский интерес представляют федеральные законы, говорящие о *внутренней* территориальной целостности Российской Федерации (т.е. направленные на противодействие процессам ее внутреннего распада) и ее отдельных субъектов.

Как известно, согласно действующему в России законодательству, силовые структуры подчинены органам федеральной власти, а не органам власти отдельных субъектов Федерации и тем более не органам местного самоуправления. Тем не менее, обязанность способствовать сохранению государственной и территориальной целостности Российской Федерации вменяется действующим законодательством и органам власти всех субъектов федерации, и всем органам местного самоуправления.

Пункт 1 ст. 1 Федерального закона № 184 (в ныне действующей редакции от 28 декабря 2010 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 22 сентября 1999 г. о принципах деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации гласит: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации деятельность органов государственной власти субъекта Российской Федерации осуществляется в соответствии со следующими принципами:

- а) *государственная и территориальная целостность* Российской Федерации;
- б) распространение суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию;
- в) верховенство Конституции Российской Федерации и федеральных законов на всей территории Российской Федерации;
- г) единство системы государственной власти...».

Пункт 1 ст. 74 Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. (в ныне действующей редакции от 29 декабря 2010 г.) об ответственности главы муниципального образования и главы местной администрации перед государством гласит: «Высшее должностное лицо субъекта

Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) издает правовой акт об отрешении от должности главы муниципального образования или главы местной администрации в случае... совершения указанным должностным лицом местного самоуправления действий, в том числе издания им правового акта, не носящего нормативного характера, влекущих нарушение прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству и *территориальной целостности* Российской Федерации, национальной безопасности Российской Федерации и ее обороноспособности, *единству правового и экономического пространства* Российской Федерации...».

Учитывая, что этим органам не подчиняются ни армия, ни погранвойска, ни силы ФСБ и МВД, очевидно, что речь не идет об обязанности органов управления субъектов федерации и местного самоуправления обеспечивать охрану от возможного внешнего нападения силами народного ополчения. Эти статьи законов очевидно направлены на предотвращение в субъектах федераций сепаратистских тенденций, которые могут вести к их выходу из состава Российской Федерации. Действующее законодательство недвусмысленно запрещает это.

Существенная внутренняя проблема обеспечения территориальной целостности России – реализация национально-территориального принципа государственного устройства в границах единого государства. Для национальных элит вполне естественно стремление к концентрации власти внутри национального субъекта/региона. Но национальное самоопределение не всегда возможно реализовать в самоопределении территориальном. Конституция РФ в ч. 3 ст. 5 утверждает «равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации». Как отмечает В.Е. Чиркин, конституционный принцип «самоопределения народов» с позиций Конституции РФ означает, что он может быть реализован только в пределах России. Предлог «в» имеет в тексте данной статьи особое значение. Он указывает на то, что этносы России могут выбирать любые формы самоопределения, изменять их, но это должно осуществляться в пределах Федерации, не нарушая ее целостности [15, с. 318].

Исходя из требований, закрепленных в ч. 3 ст. 5 Конституции РФ, государственная целостность России, кроме других факторов, обеспечивается: «целостностью и неприкосновенностью ее территории; отсутствием у субъектов Российской Федерации права на выход из состава Федерации или иное изменение своего статуса без согласия Российской Федерации, поскольку одностороннее решение такого рода вопросов представляет угрозу для государственной целостности Российской Федерации, единства системы государственной власти» [13, с. 109].

Чрезвычайно интересен в этой связи Закон РСФСР № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. (ныне действует в редакции от 1 июля 1993 г.). Принятый в иные политические времена (сейчас он едва ли бы мог появиться), Закон этот, в частности, гласит: «Реабилитация репрессированных народов означает признание и осуществление их *права на восстановление территориальной целостности*, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причиненного государством» (ст. 3). Здесь уже отдельным народам (а именно – подвергшимся тотальным депортациям в 1943–1945 гг. и впоследствии реабилитированным) гарантируется территориальная целостность их автономных субъектов федераций в границах, существовавших до начала Второй мировой войны. При этом, скажем, Автономная республика немцев Поволжья, существовавшая с 19 октября 1918 г. и ликвидированная 28 августа 1941 г., восстановлена так и не была. Очевидны гуманитарно-правозащитные предпосылки принятия указанного закона, но очевидно и то, что он полностью игнорирует социально-демографические тенденции последующих десятилетий. Результатом последующих тенденций стал, в частности, распад на две республики в 1991–1992 гг. Чечено-Ингушской автономной республики, существовавшей в 1936–1944 гг. и позднее восстановленной в 1957 г.

В последние годы целый ряд активистов, выступавших с призывами к изменениям политико-правового статуса различных субъектов Российской Федерации, подверглись преследованиям. Выступали они с различных, порой противоречивших друг другу позиций, но во всех случаях подвергались преследованиям, а их тексты стигматизировались как «экстремистские» [16]. Российская Федерация – многонациональное и многоконфессиональное государство, и руководство страны стремится подавить в зародыше любые возможные поползновения к обострению этнополитической напряженности, подобные погромам в Сумгаите (1988), Ферганской долине (1989) или Ошской области (2010). Принцип нерушимости границ и незыблемости статуса субъектов федерации, особенно в преимущественно исламских регионах (Татарии, Башкирии, на Северном Кавказе), призван подавить в зародыше возможность вспыхивания очагов напряженности на этнической почве. При этом свободе выражения мнений наносится существенный урон, поскольку табуируется отстаивание позиций, каждая из которых разделяется, насколько можно судить, достаточно большим числом граждан. Ниже анализируются различные примеры общественной полемики подобного рода,

перетекшей в правовое поле, причем преследованиям подвергаются не только люди, но и написанные ими тексты.

Республика Башкортостан или Уфимская губерния?

Четвертый год продолжается уголовное преследование группы лиц, создавших интернет-сайт с целью агитации за воссоздание существовавшей в 1865–1922 гг. Уфимской губернии и ликвидацию башкирской национально-территориальной автономии. В последнее время инициаторы этой кампании выступают за объединение Башкирии и Оренбургской области в новый субъект федерации под названием Южно-Уральский край – т.е., фактически, за восстановление единой Оренбургской губернии, созданной в 1744 г., из которой позднее и была выделена Уфимская губерния.

В мае 2008 г. у группы активистов и ученых, связанных с сайтом «Уфа губернская», были проведены обыски. Были и попытки ограничить доступ к сайту на территории Республики Башкортостан. Кампания давления возобновилась весной 2009 г. 5 марта 2009 г. Кировский районный суд г. Уфы признал *сайт в целом* экстремистским материалом, хотя, как справедливо указывалось в отчете Центра «Сова», «никаких серьезных оснований для этого не было» [6, с. 96].

4 августа 2009 г. пять человек, включая владельца и главного редактора сайта предпринимателя Николая Швецова, были арестованы. Всем было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности с использованием СМИ), ч. 2 п. «в» ст. 282 («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенные организованной группой»), ч. 2 ст. 282¹ («Участие в экстремистском сообществе»), а Швецову – еще и по ч. 3 ст. 212 («Призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, призывы к насилию над гражданами») УК РФ. Такого набора обвинений группе людей, *не причастных* ни к какой насильственной деятельности, в России еще не предъявляли. Среди арестованных был и старший научный сотрудник Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН Ильдар Габдрафиков. Он является постоянным корреспондентом Сети этнологического мониторинга, которой руководит академик Валерий Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН. Возможно, именно заступничество на высоком уровне спасло в тот момент арестованных: уже 13 августа четверо из них, включая Н.А. Шевцова и И. Габдрафикова, были освобождены по решению Верховного суда Республики Башкортостан под подписку о невыезде (позже принималось решение

о домашнем аресте, но и оно было отменено). Прокуратура направила уголовное дело в суд 12 августа 2010 г., по состоянию на конец августа 2011 г. слушание дела в суде продолжалось [2].

Добровольно ли вошла в Россию Татария?

Преследованиям, однако, подвергаются не только те, кто выступает за русификацию и сокращение политических прав тех или иных национально-территориальных образований, составляющих мозаику современной Российской Федерации, но и те, кто, напротив, выступает за дерусификацию тех или иных регионов, считая их жертвами колониальной, по сути, агрессии со стороны России.

К концу октября 2009 г. дошло до суда дело против татарского националиста, редактора газеты «Чаллы яшьлэре» («Челнинская молодежь») Дамира Шайхутдинова. Он обвинялся по п. «б» ч. 2 ст. 282 УК («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенные с использованием средств массовой информации, лицом с использованием своего служебного положения») за публикацию статьи «Тайное завещание Петра I». Эта статья полемизирует с мнением о «мирном вхождении в состав русского государства» ряда территорий, включая современный Татарстан. В статье рассказывается история присоединения земель и народов к Российскому государству с середины XIV до середины XX вв. В тексте этот период называется «летописанием зарождения, становления, безудержного расползания Российской империи». Прочитав слова, якобы сказанные Петром I, – «Земли бывшего Казанского ханства, где еще проживают татары, являются злокачественной опухолью на теле Российской империи», – автор текста задался вопросом: «Не эти ли настроения и поныне продолжают витать в коридорах власти московского Кремля и Белого дома России?». Как отмечалось в отчете Центра «Сова», статья «не выходит за рамки обычной антиколониальной риторики и не содержит ничего, что следовало бы преследовать в уголовном порядке» [6, с. 98]. Д. Шайхутдинов выразил недоумение в связи с возбуждением дела по поводу статьи, по его словам, 16-летней давности (т.е. написанной и впервые опубликованной еще в 1993 г.) [4]. И, тем не менее, 14 января 2010 г. городской суд Набережных Челнов приговорил Д. Шайхутдинова к полутора годам лишения свободы условно с двухлетним испытательным сроком [11]. Интересно, что, хотя сама статья была 4 сентября 2009 г. признана Набережночелнинским городским судом экстремистской, вследствие чего включена в Федеральный список экстремистских материалов (позиция № 482), ее автор – Ахмет Закиров – к суду по этому поводу не привлекался.

Преследование Д. Шайхутдинова связано с начатым 26 декабря 2008 г. делом «Милли меджлиса» – основной организации татарских сепаратистов в Татарстане, называющей себя парламентом татарского народа, во главе с Фаузией Байрамовой. 1 июня 2009 года Ф. Байрамовой было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 282 УК РФ («Возбуждение национальной вражды публично или с использованием средств массовой информации») за публикацию в блоге обращения к ООН с просьбой «о признании государственного суверенитета Республики Татарстан» и резолюции, принятой 20 декабря 2008 г. на расширенной сессии организации. В ней около ста национальных оппозиционеров, ссылаясь на референдум по признанию независимости республики от 1992 г., заявили о «нелегитимности насильственного включения Татарстана в состав РФ». 24 февраля 2010 г. Фаузия Байрамова была приговорена к году лишения свободы условно. Д. Шайхутдинов был обвинен в том, что разместил обращение и резолюцию в номере своей газеты, распространявшемся в январе 2009 г. Реакция на активность «Милли меджлиса» не ограничилась Татарстаном: в январе 2009 г. предупреждение получила татарская национально-культурная автономия города Магнитогорска (Челябинская область) «Татар рухы» за публикацию тех же документов в своей одноименной газете. «Тексты, инкриминируемые “Милли меджлису”, не содержат никакой риторики, которая могла бы быть названа экстремистской, кроме собственно призыва к отделению Татарстана от России (было даже провозглашено татарское правительство в изгнании)», – отмечалось в Отчете Центра «Сова» за 2009 г. [6, с. 98]. Но, как справедливо сказано там же, «даже мирный сепаратистский призыв, к сожалению, может интерпретироваться как экстремизм в результате неудачной формулировки Конституции, скопированной в определении экстремизма: “*насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации*”. В этой фразе неясно, относится слово “насильственное” только к первой ее части или к обеим».

Уйти с Кавказа?

Руководитель так называемой пермской Гражданской палаты историк и социолог Игорь Аверкиев в 2009 г. был привлечен к уголовной ответственности по ст. 280 УК за статью «Уйдем с Кавказа – станем свободней и крепче», в которой можно усмотреть призыв к отделению Северного Кавказа от России. Автор подробно и основательно аргументировал свою позицию, начав с Чечни: «В Чечне у нас на глазах формируется то ли “исламская монархия”, то ли “феодално-байский режим”, то ли “родоплеменная теократия”... К современной России современная Чечня не

имеет никакого отношения. ...Все, что происходит сегодня в Чечне, не укладывается ни в какие общепринятые в России представления о норме, о нормальности. Список этих “чеченских ненормальностей” будет вполне ксенофобским: это и давно отжившее в России отношение к женщине как к низшему существу; и избыточная, фанатичная, на российский вкус, религиозность; и чрезмерное, даже по российским меркам, преклонение перед властью; и тоталитарность клановых отношений; и многое другое.

В Чечне захват заложников – почти ремесло, рабский труд пленных – нормальное подспорье в хозяйстве, убийство женщин за “плохое поведение” можно оправдывать традицией. Очень разная у нас и у них “общественная цена” человеческой жизни: в Чечне не может быть “солдатских матерей”, в России не может быть шахидов. <...> Невыносимо взваливать на себя ответственность за чужой образ жизни – за то, что для нас несправедливо и ужасно, а для других нормально. Пока Чечня “записана за Россией”, мы все, а не только Медведев с Путиным, несем ответственность за Кадырова с золотым пистолетом, за восточную деспотию под названием “Чеченская республика”, за неиссякаемый источник религиозного фанатизма, за бандформирования в милицейской форме, за бесконечные политические убийства и за многое другое.

Зачем нам все это? Нам и без чеченских “эксцессов” есть за что отвечать и что исправлять в собственной стране, в России. При этом в своей стране – именно потому, что она своя – нам многое подвластно, мы многое реально можем, было бы желание (которого пока мало). Но в Чечне от нашего желания ничего не зависит по определению, именно потому, что она – чужая страна. Зачем делать вид, что это не так?»

Далее автор недвусмысленно отметил, что одной Чечней его рассуждения не ограничиваются: «Все, что сказано о Чечне, касается всех “горских земель”: Ингушетии, Дагестана и проч. (не берусь составлять исчерпывающий список, да он и невозможен: слишком много “переходных земель” на периферии “горской цивилизации”). ...Сегодняшняя задача России на Горском Кавказе – минимизировать российский ущерб от “Горского Возрождения”. Минимизировать ущерб – значит, уйти с Горского Кавказа. “Уйти” – значит, уйти с него “государственно”, “имперски”, снять с себя моральную, политическую и прямую бюджетную ответственность за горцев.

Нельзя не уйти с Горского Кавказа потому, что Горский Кавказ – это бесконечная война: то холодная, то горячая, это черная дыра нашей экономики, это наша ответственность за чужое мракобесие (своего хватает), это вечная провокация нашей «темной стороны», это самая чужая и неполезная часть нашей страны. Наконец, Горский Кавказ – это источник

многих социальных и политических инфекций: от религиозного фанатизма до деспотии. Горский Кавказ – гиря на ногах России. Как можно от нее не избавиться? Содержание чужой страны – это разврат ее народа. Подкармливать чужую страну – цивилизационная неряшливость. Уйти с Горского Кавказа – наша цивилизационная ответственность» [1].

Параллельно был начат процесс по признанию статьи экстремистским материалом. Однако 12 апреля 2010 г. Ленинский районный суд Перми принял решение о закрытии дела в отношении председателя Игоря Аверкиева за отсутствием состава преступления. Нет сомнения, что Игорь Аверкиев поднял в своей статье важнейшие вопросы, по которым с ним можно соглашаться, а можно спорить. «Перспектива выхода из состава России проблемных регионов Кавказа для большей части населения видится не такой уж катастрофической. По нашим опросным данным прошлых лет, до 60% готовы были бы отпустить Чечню. Только около четверти респондентов в разные годы настаивали на том, что этому надо препятствовать любыми способами, включая военные», – отмечал в недавнем интервью крупнейший в России специалист по общественному мнению, директор «Левада-центра» Лев Гудков [7]. Но единственным контраргументом, который смогли противопоставить Игорю Аверкиеву органы государственной власти, оказалось уголовное преследование.

Власти преследовали не только тех, кто призывал «уйти из Чечни» (и, вообще, с Кавказа), руководствуясь интересами России и остальных россиян, но и тех, кто давал трибуну чеченским сепаратистам, призывавших российских руководителей признать независимость Чечни. В этой связи большое значение имел приговор руководителю так называемого Общества российско-чеченской дружбы (ОРЧД) Станиславу Дмитриевскому, вынесенный 3 февраля 2006 г., за публикацию в его газете «Правозащита» обращений Аслана Масхадова и Ахмеда Закаева. «Оба эти текста, разумеется, тенденциозны и резко критичны по отношению к политической власти России, но не содержат никаких элементов возбуждения ненависти по этническому признаку; тем более не было оснований обвинять в этом публикатора текстов», – отмечалось в отчете Центра «Сова» [5, с. 68]. Однако С. Дмитриевский был приговорен к двум годам лишения свободы условно. Общество российско-чеченской дружбы было ликвидировано решением суда от 13 октября 2006 г. (это решение вступило в силу после подтверждения Верховным судом РФ 23 января 2007 г.), поскольку его лидер С. Дмитриевский был признан виновным в преступлении экстремистской направленности, а Общество не отмежевалось от него, как требует Федеральный закон «О противодействии экстремистской

деятельности», и не вывело его из руководящих органов, как с 2006 г. требует законодательство об общественных организациях. «В основе формально верного решения о ликвидации ОРЧД лежит неправосудный приговор самому Дмитриевскому», – отмечалось в отчете Центра «Сова» за 2007 г. [5, с. 71]. За публикацию тех же самых материалов, за которые был осужден С. Дмитриевский, была закрыта нижегородская газета «Правозащита».

Кстати, даже если бы в текстах А. Масхадова и А. Закаева можно было найти признаки преступления, этот приговор прямо противоречил бы известному решению Европейского суда по правам человека по делу *Jersild v. Denmark*, принятому в 1994 г.: *журналист не может нести уголовную ответственность за противозаконные высказывания тех, кому он предоставляет слово* [10].

Кстати, аналогичное противоправное предупреждение было вынесено в марте 2010 г. «Новой газете» за публикацию разоблачительной статьи И. Никитовича «Банда, агентство, партия. Кто такие “легальные националисты”» в номере от 20 января 2010 г. По мнению Роскомнадзора, статья содержит признаки экстремизма, т.к., во-первых, на фото, иллюстрирующих статью, есть нацистская символика, а во-вторых, в статье приведены прямые цитаты из программы «Русского образа», возбуждающие национальную и иную ненависть. С этим мнением согласились сначала Таганский районный (20 сентября 2010 г.), а затем Московский городской (30 ноября 2010 г.) суды. Между тем антифашистская позиция статьи совершенно очевидна, и цитаты и фото использованы не для пропаганды соответствующих идей, а для доказательства высказывающихся автором мыслей об опасности этой организации.

Объединить Северный Кавказ?

В то время как Игоря Аверкиева преследовали за «экстремизм» в связи с его предложением об уходе России с Кавказа, весной 2008 г. суд в Назрани признал экстремистской публикацию, призывавшую к объединению всего Северного Кавказа под началом русского наместника.

Вот что говорил в интервью, перепечатанном сайте «Ингушетия.ру» из московской газеты «Время новостей», видный деятель ингушской оппозиции, бывший федеральный инспектор по Республике Ингушетия Муса Келигов: «Северный Кавказ придется объединять. По Конституции, путем референдума. ... Руководителем этого нового субъекта обязательно должен быть русский. Я подчеркиваю, что говорю не об объединении Ингушетии с тем или иным регионом, а об объединении всего Северного Кавказа» [12].

3 апреля 2008 г. без уведомления ответчика это интервью было признано Назрановским судом «экстремистским материалом», при этом претензии предъявлялись сугубо к ингушскому сайту; какие-либо претензии к московской газете, где изначально вышел этот материал, не озвучивались.

История преследования сайта «Ингушетия.ру» и его создателя – едва ли не наиболее трагическая страница «антиэкстремистской кампании». Первая попытка закрыть оппозиционный тогдашнему руководству республики сайт была предпринята в марте 2008 г.: прокуратура Ингушетии обратилась в Верховный суд России с требованием закрыть сайт на том основании, что по факту одной из публикаций сайта было возбуждено дело по ст. 282 УК. Однако Верховный суд России этот иск не удовлетворил.

После этой неудачи в апреле-мае были предприняты новые попытки блокирования работы сайта, резко критиковавшего тогдашнего президента республики Мурата Зязикова. Отвечая на вопрос «Как бы вы охарактеризовали то, что сейчас происходит в Ингушетии?», Муса Келигов сказал следующее: «Как противостояние народа с президентом Муратом Зязиковым и его окружением. Во всем, что там происходит, виноват один человек – президент республики: его слабость, незнание ситуации и нежелание ее знать. Представьте себе руководителя региона, особенно кавказской республики, который за пять лет ни разу не встречался с населением в районах. ... У него две цели – личное обогащение и звезда Героя России. ... Экономика республики разваливается» [12].

Как указывалось выше, вначале экстремистским было признано цитируемое интервью, а 10 апреля 2008 г. тот же суд признал экстремистскими еще ряд материалов сайта. В мае в Кунцевском суде Москвы начался процесс о закрытии сайта на основании апрельских судебных решений. По существу, редакции «Ингушетии.ру» предъявлялись претензии в подстрекательстве против властей и в ксенофобии. 6 июня 2008 г. Кунцевский суд вынес решение о закрытии сайта, которое вступило в силу после неудачной кассации [8] в Мосгорсуде 12 августа. Спустя еще менее чем три недели, 31 августа, владелец сайта Магомед Евлоев был убит огнестрельным ранением в голову при задержании в Назрани сотрудниками ингушского МВД.

* * *

В целом, какими бы ни были те или иные «перегибы на местах», стремление подавить общественную полемику о возможных изменениях политико-правового статуса субъектов Российской Федерации и изменениях границ между ними вызвано стремлением органов государственной власти любой ценой обеспечить пусть хрупкий, но гражданский

мир, предотвратить сползание страны в пучину погромов и резни. Вместе с тем, делегитимация любого обсуждения этих вопросов в принципе также является проблематичной, ибо джин, загнанный в бутылку, если ему удастся оттуда вырваться (а исключать этого все же нельзя), может спровоцировать конфликты невиданного масштаба. Правовые нормы, полностью противоречащие и историческому опыту, в ходе которого численность субъектов Российской Федерации и их границы менялись многократно, и векторам общественного мнения, являются весьма проблематичными. Гражданский активист Алексей Навальный в интервью по поводу участия в «Русском марше» сказал: «Есть конкретные проблемы. Эти проблемы табуируются, к сожалению, некими системными политиками, считается, что это не нужно обсуждать, потому что это очень опасно. Потому что, типа, как ни обсуждай проблемы русских или проблемы Чечни, все равно в итоге получится погром. Но вопрос существует» [14]. Общественные проблемы не решить запретом поднимать их. При этом те, кто поднимают их, должны помнить об ответственности, которая лежит в связи с этим на их плечах.

Библиографический список

1. Аверкиев И. Уйдем с Кавказа – станем свободней и крепче! // Сайт Пермской гражданской палаты. URL: <http://www.pgpalata.ru/reaction/0012> (дата обращения: 20.11.11).
2. Ахмадеев А. Дело «Уфагуба»: следователь заранее готовил ответы свидетелей // Портал «Уфа губернская». 27 августа 2011 г. URL: <http://ufagub.net/index.php/2010-08-28-19-43-35/33334922--lg-> (дата обращения: 20.11.11).
3. Барциц И.Н., Левакин И.В. Территориальная целостность Российской Федерации: вопросы теории // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 11–21.
4. Бойко В. Перепечатное дело // Коммерсантъ (Казань). 30 сентября 2009 г. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1246529> (дата обращения: 20.11.11).
5. Верховский А.М. Антиэкстремистское законодательство и злоупотребления при его применении // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 году: Сб. ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «Сова» / А.М. Верховский, Г.В. Кожевникова, О.А. Сибирева. М., 2008.
6. Верховский А.М. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2009 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2009 году: Сб. ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «Сова» / А.М. Верховский, Г.В. Кожевникова, О.А. Сибирева. М.: Центр «Сова», 2010.
7. Кавказ расколол русских националистов. Интервью Льва Гудкова радио «Свобода», 3 ноября 2011 г. // Левада-центра. Аналитический центр Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/03-11-2011/kavkaz-raskolol-russkikh-natsionalistov> (дата обращения: 20.11.11).

8. Кассационная жалоба на закрытие сайта «Ингушетия.ру» // Мемориал. Международное историко-просветильское благотворительное и благотворительное общество. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2008/08/m149503.htm> (дата обращения: 20.11.11).
9. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Отв. ред. Топорнин Б.Н. М., 1997.
10. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. Лазарев В.В. М., 2001.
11. Решение Европейского суда по правам человека по делу Jersild v. Denmark, 1994 г. // Центр защиты прав СМИ. URL: <http://www.mmdc.ru/european-court/map/single/103> (дата обращения: 20.11.11).
12. Смирнов А. Журналист ответил за Петра I // Коммерсантъ (Казань), 15 января 2010 г. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1303606> (дата обращения: 20.11.11).
13. Сухов И. Муса Келигов: «Порядок в республике должны наводить сами ингуши» // Время новостей, 11 февраля 2008 г. URL: <http://www.vremya.ru/2008/20/4/197273.html> (дата обращения: 20.11.11).
14. Ущемленный русский. Почему Алексей Навальный не хочет кормить Кавказ // Лента.ру. 4 ноября 2011 г. URL: <http://www.lenta.ru/articles/2011/11/04/navalny/> (дата обращения: 20.11.11).
15. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1998.
16. Эпштейн А.Д. Служивая квазинаука: зарождение и развитие «экстремизмоведения» // Троицкий вариант – Наука. 2011. № 21 (90). С. 8–9.

Андреева Елена Александровна – кандидат искусствоведения; доцент кафедры художественного образования, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: miss.anastasia-andreeva@yandex.ru.

Афанасьев Александр Геннадьевич – старший научный сотрудник «Музея археологии Москвы», ГБУК «Музейное объединение “Музей Москвы”». E-mail: megalex4@rambler.ru.

Бушуев Владимир Викторович – кандидат социологических наук; руководитель Аппарата Президента ОАО «РЖД». E-mail: bushuev7@gmail.com.

Вяземский Евгений Евгеньевич – доктор педагогических наук, профессор; главный научный сотрудник Института содержания и методов обучения РАО. E-mail: viazemskiy@rambler.ru.

Егоров Владислав Викторович – старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Московский гуманитарный педагогический институт. E-mail: vlad-negoro@yandex.ru.

Жиряков Иван Георгиевич – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета, заведующий кафедрой зарубежной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: ivan1948@yandex.ru.

Кожевников Андрей Борисович – студент юридического факультета Московского государственного университета управления при Правительстве Москвы, студент Французского университетского колледжа при МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: andreykozhevnikov@yahoo.com.

Кульков Евгений Николаевич – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Центра истории войн и геополитики, Институт всемирной истории РАН. E-mail: eugen838@rambler.ru.

Курков Константин Николаевич – доктор исторических наук; доцент кафедры истории, философии и культурологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: kurkowkonstantin@mail.ru.

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры истории, философии и культурологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: maksi-moiseev@yandex.ru.

Титов Виктор Валерьевич – кандидат политических наук; старший научный сотрудник НОЦ «Актуальные проблемы новейшей истории и политики», МГГУ им. М.А. Шолохова, старший научный сотрудник факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: titov-msu@mail.ru.

Стрелова Ольга Юрьевна – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории, Дальневосточный государственный гуманитарный университет. E-mail: ostrelova@mail.ru.

Суржик Дмитрий Викторович – аспирант Центра истории войн и геополитики Института всемирной истории РАН. E-mail: dimsu@inbox.ru.

Шмелева Ольга Ивановна – кандидат исторических наук; доцент кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: o.shmelyova@rambler.ru.

Эпштейн Алек (Александр) Давидович – доктор социологических наук; преподаватель отделения социологии, политологии и средств массовых коммуникаций, Открытый университет Израиля, преподаватель факультета социологии и политологии, Московская высшая школа социально-экономических наук. E-mail: alekdep@gmail.com.

E. Andreeva

Unknown building
of V.A. Shreter

The article describes a unique building that was built at the end of XIX by the project of a great Petersburg architect. On the basis of archive documents there has been determined the creator of the building of a bureau in Sarapul – a well-known architect V.A. Shreter.

Key words: neo-renaissance, eclectics, rustic stone, “brick style”, V.A. Shreter, architecture of the civil buildings.

A. Afanasiev

Suicide as a form of protest:
the history of the reaction
of the Czechoslovak society
at entering of troops
into Prague in 1968

The article is devoted to the phenomenon of the suicide, as a special form of public protest, the situation in Czechoslovakia after the events of the Prague Spring in 1968. On the basis of archival and other materials dealt with the issue of the reaction of the Czechoslovak society to the military forces of Prague, distribution and activity on the territory of the Czechoslovak Socialist Republic of illegal and anti-soviet organizations, agitation and protest politics of the Czechoslovak youth. Special attention in the article is paid to the self-immolation of Jan Palach and Yana Zaitsa in the context of the study of the motives of their actions and the issue of the existence of an initiative group.

Key words: Spring in Prague, Jan Palach, Jan Zaits, Blanca Nahazelova, The communist party of Czechoslovakia, self-immolation, suicide as protest, the Manifesto of the young generation, the faculty of philosophy.

V. Bushuev, V. Titov

National and state identity
in the modern world
and the role of historical policy
in its formation (theory-methodological analysis)

The article is devoted to the issue of the interrelation of national and state identity and “historical policy” on the basis of analysis of the basic theoretical approaches to the question of identity that were formed at the end XX and the beginning of XXI. The attention is given to the theory-methodological understanding of the potential of “historical policy” as a mechanism of transformation (correction) and micro-political self-identification in the conditions of the intensive development of the “information and service” and net frames of the modern world.

Key words: national and state identity, historical policy, constructivism, micro-political identities, imaginary societies, patterns of self-identification.

V. Egorov

Development of normative-legal basis
of the state youth policy during 2000–2008

During the last decade the issue of creating the theoretical and legal basis of the youth policy has been one of the topical. The article presents evolution and analysis of acts and norms that deal with the youth.

Key words: innovative capacity, youth policy, Federal programs, concept of state youth policy, model of state youth policy, innovative resource of development of the country, strategic approach, national projects, human resource potential of youth.

A. Epshtein, A. Kozhevnikov

Territory integrity
and inviolability of borders:
civil activity in the grip of history and law

The article presents the authors’ opinion on the issue of social polemics about possible changes of political and legal status of the subjects of the Russian Federation and changes of borders between them especially in Islamic regions (Tatarstan, Bashkiria, Northern Caucasus) and the government desire to press this kind of polemics due to the wish to

maintain civil peace. At the same time delegitimization of any discussion of these issues is also problematic because obligatory legal norms absolutely contradict historical experience when the number and borders of the subjects of the Russian Federation changed a number of times. It also has a negative effect on the freedom of expression because there is certain taboo and various positions that are supported by quite a few people.

Key words: territory integrity, inviolability of borders, federalism, civil activity, illegal anti-extremism, sociology of law, the newest history of Russia.

K. Kourkov

Entrepreneurship and sponsorship:
Counts Stroganov during modernization in Russia
at the beginning of XX

The article is devoted to the role of nobles and entrepreneurs in our country's culture (on the example of the Stroganovs) that show the peculiarities of mentality during modernization in Russia at the beginning of XX. Special interest presents the connection between entrepreneurship and collections of the counts Stroganov, the fate of the biggest collections of the famous Russian aristocrat family during that period.

Key words: the Stroganovs, Stroganov Palace, nobles-entrepreneurs, sponsorship, sponsor, "Stroganov writing".

M. Moiseev

Evolution and the maintenance
of ambassadorial gifts – of "pominki"
in the Russian-Nogai relations of XVI century

On the basis of the analysis of ambassadorial books, lists of "pominki" evolution of ambassadorial gifts in relations of Russia with the Nogai Horde in XVI century is shown in the article. The thesis about gradual transformation of "pominki" into the salary of Nogaian aristocracy for service is proved. Office work history of the documentation of this kind as «pominkies» lists is restored with the help of materials of Russian ambassadorial books, Lithuanian metrics and Polish «registers pominki». The nomenclature of gifts is restored and the process of turning Nogaian nobility in economic dependence on Russia is shown in the article.

Key words: The Russian-Nogai relations, ambassadorial gifts, "pominki", ambassadorial ceremonial, ambassadorial etiquette, Nogai Horde, Lithuania, The Crimean khanate, heritage of horde, tribute.

O. Shmelyova

On the issue of influence of Kurdish revolt of 1880 in a foreign policy of Great Britain

The article describes the Kurdish revolt of 1880 and its influence on a foreign policy of Great Britain. The economic crisis in Ottoman Empire and Iran led to deterioration of position of Kurdish peasants that became the reason of its beginning. The reasons of defeat are weak organization of revolt, enmity between participants and the active policy of Ottoman empire, Russia and especially Great Britain.

Key words: Erzurum, Kars, Kurdistan, revolt, Russian-Turkish war, The Near East, the sheikh.

O. Strelova, E. Vayzemsky

«Year of the Russian History»
as the factor of actualization of the content
of History education, preparation and improvement
of professional skills of teachers of history

The article is devoted to the problems of preparation and improvement of professional skills of teachers of history, and also improvement of quality of history education of pupils and students in connection with the influence of a historical policy in society. The authors consider declaration of Year of the Russian History (2012) as an occasion to comprehend the phenomena of historical policy and policy of memory in the pedagogical context, to improve professional laboratory of teachers-humanists, to actualize the purposes and the content of history education.

Key words: historical policy, a policy of memory, history education, Year of the Russian History, a substantial line «History and memory», preparation and improvement of professional skills of teachers of history.

D. Surzhik, E. Kulkov

Occupational policy of fascist aggressors
and plans of Soviet Union destruction

Occupational policy of Nazi Germany on the temporary occupied soviet land was one of the instruments of reaching their main goal – destruction of soviet government and mass homicide of population that was not fit to be workforce. Two allies – Romania and Finland were invited by Hitler to the division of the occupied USSR land. The article is focused

on the analysis of reasons, ways of realization and consequences of the aggressors' occupational policy.

Key words: Nazi Germany, Nazi Romania, Nazi Finland, aggressors, occupational policy, Second World War, genocide.

I. Zhiryakov

Preparation and conduct of elections
to the constituent national assembly of the "German Austria"

After the breakup of the Habsburg Empire in 1918 it was important to create legitimate national unit of the new country – "German Austria". It was necessary to form new government body and a system of government to have the Basic Law – Constitution. The article is devoted to the analysis of preparation and conduct of the elections to the constituent national assembly of the "German Austria".

Key words: Habsburg empire, "German Austria", Reichstag, temporary national assembly, constituent national assembly.

Памятка автору статьи, представленной для публикации
в ВЕСТНИКЕ МГГУ им. М.А.Шолохова

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Редакция расположена по адресу:
109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 223.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 11-351 – главный редактор РИЦ Алексеева Алла Александровна, редактор Козаренко Лика Александровна.

E-mail: izdat_mgoru@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2011.4

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 05.12.2011 г.
Подписано в печать 09.12.2011 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.